

И. М. ГОЛУШКО

ТАНКИ
ОЖИВАЛИ ВНОВЬ

И. М. ГОЛУШКО · ТАНКИ ОЖИВАЛИ ВНОВЬ

Иван Макарович
ГОЛУШКО

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
И. М. ГОЛУШКО

ТАНКИ ОЖИВАЛИ ВНОВЬ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1974

9(c)27

Г62

Голушки И. М.

Г62   Танки оживали вновь. М., Воениздат, 1974.

191 с.

Полуразрушенные, промерзшие цехи ленинградских заводов постоянно находились под обстрелом. Рабочие еле держались на ногах от голода. Но и в тяжкую блокадную зиму заводы работали. Сюда везли подбитые в боях танки. Отсюда они выходили обновленными, чтобы снова разить врага.

О подвиге тех, кто оживлял танки в заводских цехах и не-посредственно на поле боя, рассказывает в своих воспоминаниях профессор доктор военных наук, генерал-лейтенант Иван Макарович Голушки, который начинал войну заместителем командира танковой роты по технической части.

Г 1122-049
068(02)-74 48-74

9(c)27

© Воениздат, 1974

Самый долгий день. — Едем на фронт. — Первый бой и первый трофей. — На перекрестке. — Снова в родном батальоне. — Встреча с «кукушкой». — «Танки закопать!» — Офицер связи.

Поезд наконец-то тронулся. Медленно поплыл за окном переполненный перрон Варшавского вокзала. Все быстрее уходили назад лица провожающих, глаза, полные тревоги, ручонки детей, тянувшиеся к вагонам, увозящим их пап неизвестно куда и надолго ли...

Меня и моих спутников-танкистов никто не провожал. Несколько часов назад в штабе 49-го отдельного тяжелого танкового полка мне приказали подобрать три экипажа, выехать с ними в Псков, получить там танки и погрузить их на железнодорожные платформы. Экипажи выбирал в сводной роте. Спросил, кто умеет водить танки — поднялся лес рук. Я записал первых трех, кто стоял ближе: сержант В. А. Васечкин, красноармейцы Н. М. Чиканов и Д. М. Павлов. Затем отобрал еще шесть человек — трех командиров танков и трех башенных стрелков. Через десятки минут мы уже были на контрольно-пропускном пункте полка. Вскоре подошла машина, и нас вместе с другими командами повезли в Ленинград.

И вот — поезд. Со мной лишь Павлов и Васечкин. Остальные в соседних, таких же набитых до отказа купе.

Не знаю, как другим, а мне этот день, 22 июня 1941 года, до сих пор кажется самым долгим днем в моей жизни, каким-то бесконечным. Тогда в поезде я вдруг почувствовал, что сегодняшний рассвет, боевая тревога будто разрушили время, разделили события. И все, что было вчера, отодвинулось куда-то далеко-далеко, «до войны».

...В 49-й тяжелый танковый полк я прибыл из Киевского танкотехнического училища всего неделю назад. Полк только формировался, новая материальная часть — тяжелые танки КВ — еще не поступала. А несколько танков Т-28 использовались для подготовки экипажей,

прибывших в полк раньше меня. Нас — «бестанковых» лейтенантов и воентехников — включали то в одну, то в другую комиссию. Мы страшно огорчались и завидовали тем счастливцам, которые были при технике.

Всплыл в памяти вчерашний разговор с воентехником 2 ранга И. К. Лаптевым.

— Ну как противохимическая защита? — с усмешкой спросил он, зная, что я в комиссии по проверке противогазов.

— Так же, как и с твоим ремонтом лагерной бани, — парировал я. Думал, что задену его, но Лаптев рассмеялся:

— Через неделю приглашаю в парную. По собственному проекту сооружаю.

— Ты, кажется, доволен? — взорвался я. — Хочу танк водить! Понимаешь это?! Хочу стрелять, заниматься тем, чему учили меня!

— Да ты не петушись, — спокойно ответил Лаптев. — Все это будет, дай срок. А сейчас учись тому, чему тебя не учили. Пригодится в жизни. — Он помолчал и уже совсем другим тоном сказал: — Мне тоже хочется поскорее сесть в танк. Но ведь их пока нет в полку. А сидеть сложа руки — не в характере военных. Вот и приходится выполнять другую работу. Так надо...

«Так надо...» Эти же слова вчера вечером повторил и командир батальона капитан Н. М. Бочкирев в ответ на мои сетования, но тут же обрадовал:

— Соберитесь. Сейчас поедете в лагерь. Прикинем, как полевой парк оборудовать. Скоро техника подойдет.

Вот это уже дело! Пока ехали в лагерь, капитан подробно расспрашивал о жизни, учебе в училище, о настроении молодых командиров, которые оказались, как и я, «без танкового дела». С ним было легко. Комбат умел вести непринужденную беседу с молодыми. Он был опытный человек, всеми уважаемый. Бочкирев участвовал в финской кампании, был награжден орденом Красного Знамени.

В лагере встретил нас начальник штаба батальона. Он доложил комбату, что рекогносцировка проведена и план вычерчен.

— Хорошо. Вот привез вам начальника команды по оборудованию танкового парка, — сказал капитан.

Я представился. Начальник штаба тут же развернул лист ватмана с планом парка, начал «привязывать» его к местности. Закончив пояснения, он добавил, что личный состав начнет прибывать завтра с утра...

А завтра, то есть уже сегодня на рассвете, мы из лагеря по тревоге мчались в штаб полка. Война!

...Мерно постукивали колеса вагона, словно повторяя это непривычное слово — «война... война... война...». Какая она будет вообще? Каким будет для меня лично первый бой? Что я умею и чему надо еще учиться?.. Такие мысли беспокоили, видно, не только меня: в купе никто не спал, но и разговор как-то не клеился. Разумеется, мы много об этом думали до войны, спорили, читали о ней в книгах, смотрели патриотические фильмы. Словом, морально были готовы к ней. Но наверное, каждый из нас не так представлял себе начало войны...

В Пскове мы быстро разыскали нужный нам танковый городок. Кроме старшины, представившегося начальником танкового парка, здесь никого уже не было. 1-я танковая дивизия, оказывается, уже с 19 июня начала переброску на кандалакшское направление. Оставшиеся танки — 20 единиц БТ-5 и БТ-7 — считались на консервации. Осмотрел их и только ахнул: одни без коробок передач, другие без аккумуляторов, у некоторых сняты пулеметы!..

На вопрос, что все это значит, старшина ответил, что полк, поднятый по тревоге, забрал все, что можно было поставить на ход. К тому же аккумуляторы с большинства танков сняли и вывезли в другой военный городок для подзарядки, а обратно не привезли.

Мы попали в трудное положение. Ведь нам выделили трое суток, чтобы расконсервировать все эти танки, перегнать их своим ходом на железнодорожную станцию и погрузить в эшелоны. Приказ надо выполнять, а как? Нельзя было даже привезти из другого военного городка аккумуляторы и запчасти, потому что не было никакого автотранспорта. А время шло, следовало что-то предпринимать. Попытались завести относительно укомплектованные танки. Три БТ-5 завелись, но тут же загорелись из-за неправильной, несинхронной регулировки карбюраторов. Мы пилотками закрывали всасывающие коллекторы, чтобы не воспламенился двигатель, и танки спасли. К утру отрегулировали их и повели на станцию. В пути они еще

дважды загорались. Теперь в ход шли рукавицы и куски брезента.

На нашу беду на станции не оказалось платформ для танков и никто из станционных работников не мог ответить, когда они будут. Решили оставить одного из нас охранять танки, а остальным возвращаться в военный городок. С двух танков сняли аккумуляторы, погрузили их на третий и тронулись в обратный путь.

Работали всю ночь, и почти без света. Лампочки танковых переносок включали лишь в исключительных случаях, когда нельзя было на ощупь разобраться что к чему. Жалели аккумуляторы, да и светомаскировку требовалось соблюдать: хотя и далеко, но слышался гул самолетов.

Команду разделил на две группы. Первая во главе с сержантом Васечкиным отводила отремонтированные танки на станцию. Сразу уходили два танка: один оставался на станции, а на другом Васечкин возвращался в парк. Идти обратно пешком около 8 км время не позволяло. Мы же искали и устраивали неисправности в неподвижно стоявших танках, заводили их, делали небольшую обкатку в парке и готовили к отправке на станцию.

Через час-полтора Васечкин возвращался, брал новый, подготовленный танк и вел его на станцию. Трудились не покладая рук. Вконец вымотались, но об отдыхе никто даже не помышлял. И все-таки, несмотря на все наши старания, к утру перевезли на станцию всего восемь танков. Могли и больше, но кончился бензин.

К счастью, утром в парк прибыл капитан Бочкирев и с ним десять экипажей. Работа пошла веселей. Где-то наспилась автомашина. К утру вторых суток все танки были погружены на платформы.

...Куда ехали — никто не знал. Видимо, не знал этого и сам Бочкирев, потому что на всех промежуточных станциях он пытался с кем-то связаться по телефону, что-то выяснить. Сначала эшелон следовал на запад, но через сутки повернул обратно, в сторону Ленинграда, ночью проехали его и оказались на Карельском перешейке, перед Выборгом. Капитана Бочкирева по дороге куда-то вызвали, а всех нас передали в состав батальона капитана К. Д. Шалимова, который вошел затем в танковую группу полковника А. Г. Родина.

После выгрузки капитан Шалимов приказал привести танки в боеспособное состояние. Заместитель командира батальона по технической части воентехник 1 ранга Я. Н. Резник выделил 20 новых аккумуляторов, которые требовалось только зарядить. Это позволило сразу же поставить все танки, как говорится, на ход. Однако при дополнительной и более внимательной проверке боевой техники обнаружили неисправность двух двигателей. Доложили об этом комбату, а он просто приказал их отремонтировать.

Легко сказать — отремонтировать, а как это сделать в полевых условиях, когда нет подъемных кранов, запасных частей и двигателей? Кроме того, ни я, ни экипажи технологии ремонта двигателей не знали... Но приказ есть приказ: двое суток без отдыха мы перебирали двигатели. Думали, все нормально, но когда завели первый двигатель... он застучал еще сильнее, а второй сразу же заклинило.

За плохой ремонт капитан Шалимов объявил мне выговор и дал двое суток на исправление неполадок. Не представляю, как могли бы мы «исправить неполадки», если бы не зампотех Резник. Он привез из Ленинграда ремонтную бригаду во главе с мастером цеха И. Д. Мурником. Рабочие захватили с собой съемники, поршни и поршневые кольца. Совместными усилиями двигатели были отремонтированы.

Комбат все поторапливал. События складывались тревожно, хотя полной обстановки никто из нас не представлял. Сведения были отрывочные. Знали, что на кандалакшском направлении и в районе Лоухи белофинны рвались к Кировской железной дороге. Им противостояли лишь небольшие группы пограничников, части 54-й и 104-й стрелковых дивизий. Используя более чем тройное превосходство в силах и средствах, противнику удалось километров на 40 продвинуться в глубь территории Карелии. Слышали, что ожесточенные бои развернулись на ребольском направлении, где оборону держали 337-й полк 54-й стрелковой дивизии и 73-й отряд пограничных войск. Уже позже мне стало известно, что финские войска в ночь на 1 июля ударили в стык 7-й и 23-й армий в районе Лахденпохья с задачей прорваться к западному побе-

режью Ладожского озера, изолировать армии друг от друга и в дальнейшем уничтожить их по частям. Замысел противника срывался героическими действиями 168-й стрелковой дивизии 7-й армии и 142-й Краснознаменной стрелковой дивизии 23-й армии.

В ночь на 2 июля и нам, танкистам, было приказано выступить на этот участок фронта. Совершив марш в район станции Хейниоки, мы расположились севернее железнодорожного полотна, примерно в двух километрах от станции. Здесь некоторые наши боевые машины вошли в состав сводного танкового батальона, другие — распределены по стрелковым подразделениям. Я с лейтенантом В. И. Русаковым попал в одно из них. Нам приказали окопаться и с утра быть готовыми к атаке.

Не так рисовался мне первый бой, не так представлялись танки в атаке... Настроение было хотя и боевое, но смущало многое — и лес кругом, и неопределенные сведения о противнике, и оторванность от своих танковых начальников. А тут еще слухи о том, что противник где-то уже просочился через наши боевые порядки. Вечером мы и сами увидели зарево горящего леса позади нас...

Вернулся из разведки лейтенант Русakov и сообщил, что впереди, метрах в пятистах отсюда, противник накапливает силы. Дорога, по которой предполагалось атаковать противника утром, заминирована. Обхода ни слева, ни справа нет. Кругом могучие сосны и валуны. Рядом с нами лишь до роты пехоты. Решили наблюдать за дорогой и готовиться к атаке.

Приблизительно через час обстановка изменилась. Мы услышали стрельбу в тылу, затем мимо нас пошли пехотинцы к железнодорожному полотну.

Прибежал связной от командира стрелковой роты и передал приказание: прикрыть отход роты за железнодорожное полотно.

Пришлося менять позиции. Танк лейтенанта Русакова укрылся справа у дороги, а я со своим — слева. Теперь мы ждали атаку уже противника и, зная, что впереди своих нет, до рези в глазах всматривались в темноту. Но вот стало светать, впереди показались перебегавшие от дерева к дереву какие-то силуэты. Через несколько минут на дороге из-за завала показалась не то пушка, не то миномет. И в ту же минуту прогремел выстрел из танка Русакова. Наведя орудие в сторону завала, я тоже нажал

на спуск. Снаряды разорвались рядом с завалом. Русаков повторил выстрел и попал прямо в цель.

Но тут же я увидел факел над танком Русакова — противник тоже открыл огонь. Следующий удар пришелся по броне моего танка. Ясно было, что противник бьет из-за укрытия, но откуда именно, никак не мог установить. Хотел наугад еще раз выстрелить, но не успел — новый снаряд ударили по броне, и на мои плечи свалилось безжизненное тело башенного стрелка сержанта К. Н. Кравченко.

Я крикнул механику.

— Вперед, сменить позицию!

Но завести танк не удалось. Оставалось одно — продолжать наблюдать и вести огонь. Танк Русакова горел. Что там? Радиостанций в наших танках не было, и оставалось только гадать. Но вот кто-то высокочил из башни. Через минуту я услышал стук по броне и голос Русакова. Я открыл люк и впустил его в башню.

— Почему стоишь? Надо же... — увидев тело Кравченко, Русаков осекся.

— Не заводится двигатель. У тебя все живы?

— Все. Надо бы подогнать твой танк, взять экипаж. Долго так не продержаться...

Попробовали снова завести двигатель — не получилось. Поняли, что перебит провод к аккумулятору. Кое-как его соединили, и двигатель ожила, танк тронулся.

Не знаю, почему, но, пока мы возились, противник скрылся. На дороге никого не было. Только слышалась стрельба где-то у железнодорожной станции. Видимо, противник нас просто обошел, чтобы, не теряя времени, выполнить свою главную задачу — захватить станцию.

И мы решили двигаться к станции. Когда выехали на железнодорожное полотно, противник открыл по танку огонь. От попадания в башню заклинило пушку, была повреждена ходовая часть. Русакова ранило. Сняв пулемет, мы покинули танк и до вечера держали круговую оборону. Когда стемнело, занялись ремонтом — исправили подвеску, натянули гусеницу. Двигатель завелся сразу. Решили прорываться к своим, идти на полном ходу по дороге, по которой днем отходили наши пехотинцы. В темноте проскочили станцию. Беспорядочный огонь противника не причинил нам вреда.

Ехали долго, никого не встретив на пути. Потом танк попал в какой-то ров, застрял, и в наступившей тишине мы услышали русскую речь. Вылезли из танка, расспрашивали солдат что к чему. Ответ был короткий:

— Сами толком ничего не понимаем, видимо, отходим.

Более трех часов потребовалось нам, чтобы вытащить застрявший танк и снова двинуться вперед по дороге. Вскоре мы наткнулись на медицинский пункт. Я видел, что лейтенанту Русакову было все хуже и хуже, и поэтому обрадовался такой встрече. Женщина-врач поругала нас за то, что не привели раненого раньше, сделала укол Русакову и распорядилась оставить его здесь.

— Будем отправлять в госпиталь, — сказала она на прощание.

С Русаковым мы уже подружились, и жаль было с ним расставаться. Но ничего не поделаешь — ему нужна была медицинская помощь.

Километра через четыре мы встретили пехотинцев, остановились, чтобы разузнать обстановку. Да и бензина оставалось минут на 20 ходу. Что делать, когда кончится горючее, не представлял. Здесь познакомился с командиром стрелкового подразделения — молодым лейтенантом, фамилию которого, к сожалению, запамятовал.

После того как представились друг другу, лейтенант раскрыл планшет, вынул карту и карандашом ткнул в перекресток дорог.

— Приказано оборонять, — сказал он. — Вечером был штабист. Говорит, что наши части на подходе. Нам надо продержаться сутки-две. Приезжали саперы и заминировали дороги.

— А танкистов видели? — спросил я.

— Нет, их здесь не было.

— А кто справа, там, откуда доносится стрельба? — продолжал спрашивать я.

— Такая же группа, как наша. Удерживает мост через реку. Но связи с ней нет. А что вы решили?

— Бензин израсходован. Деваться некуда. Будем с вами обороняться, — ответил я. — Позиция танка, думаю, удачная. Весь перекресток как на ладони.

— Хорошо, — заключил лейтенант. — Выделю вам трех красноармейцев для охраны.

— Договорились, — согласился я и пошел к танку вместе с тремя солдатами.

Неподалеку от места, где стоял наш танк, я заметил малинник и тут же почувствовал острый голод. Я и вспомнить не мог, когда мы последний раз ели. Начал срывать сочные ягоды. Моему примеру последовали и пехотинцы.

— Малинка малинкой, а насчет поесть надо бы подумать, — со вздохом сказал один из красноармейцев.

— Неплохо бы, — послышалось в ответ.

Я обернулся и увидел улыбающегося сержанта И. П. Кулиничева. Механик-водитель прижал к груди две пилотки: одну с грибами, другую — с малиной.

— Почему не в танке? — спросил я.

— Так там же остались двое. А я решил, пока вас нет, не терять времени. И вот, — показал он на грибы и ягоды, — собрал на завтрак.

— Запомните, товарищ сержант, — строго сказал я. — Впредь без разрешения танк не оставлять. Ведь война идет, а не учения...

Не успел я закончить фразу, как со стороны дороги послышался лязг гусениц. Сердце замерло. «Чей? Наш или противника?» — пронеслось в голове.

— В танк! — скомандовал я.

Прижавшись к прицелу, я немного развернул башню и увидел перекресток дорог, к которому на малой скорости, как бы крадучись, подходил танк с крестом на борту. И вдруг под ним всплеснулся фонтан земли.

— Мина! Наша мина! — обрадованно вскрикнул я, продолжая держать под прицелом вражескую боевую машину.

Когда пыль немного улеглась, я увидел, что у танка противника перебита гусеница, которая ковровой дорожкой раскинулась позади машины, а из кормы валит дым. Открылся люк башни. Один за другим выскочили из него два гитлеровца, но тут же были сражены пулями. Больше никто не показывался, а в экипаже, как я знал, должно быть три-четыре человека. Ведь ясно, что танк скоро начнет гореть. Но вот из люка высунулись две руки. «Сдаются», — отметил я про себя и решил подойти к вражескому танку.

Там уже находились пехотный лейтенант и несколько бойцов. Они обступили пленного, который лежал в кювете

с вытянутыми вверх руками, с расширенными глазами, в которых отражались и страх, и мольба о пощаде.

Все мы впервые видели так близко настоящего и живого вражеского солдата. Побежденного, беспомощного. И ненависти особой к нему не испытывали. Видимо, не осознали еще всей серьезности войны, не предполагали, какие страдания и лишения, жертвы и разрушения принесут на нашу землю фашисты. Жгучее, неукротимое чувство ненависти придет чуть позже и не угаснет в груди до тех пор, пока враг не будет окончательно повержен.

...Дым на корме вражеского танка усиливался. И у меня вдруг мелькнула мысль — надо спасти этот танк и использовать его горючее. Вспрыгнул на корму, крикнул:

— Песок подавай, ребята! Песок!

Однако тут же убедился, что эта мера не поможет — жалюзи узкие, в них песок не засыпешь. Открыть их надо, но как? Конструкция танка незнакома, пока разберешься, и машина сгорит.

Подошел к пленному, говорю ему, подкрепляя жестами:

— Офнен, офнен, зольдат. Открывай жалюзи.

Понял он меня, вскочил — и в танк. Через минуту-другую жалюзи поднялись, и мы быстро потушили загоревшееся масло, которое разлилось по днищу.

Вместе с лейтенантом решили отремонтировать танк, сдвинуть его с дороги и использовать как огневую точку. Справились быстро, потому что надо было только натянуть гусеницу. Посадил пленного на место механика-водителя, а сам устроился позади него, на тот случай, если вдруг вздумает какой-либо номер отколоть. Пленный, к слову сказать, вел себя очень послушно. Он завел двигатель и тихонько (по моей указке) отвел машину от перекрестка в лесочек, правее позиции нашего танка. После этого я пленного передал пехотинцам. Он больше нам был не нужен. В трофейную машину сел сам, а Кулиничева назначил старшим своего танка.

В это время на дороге показалось два вражеских танка: один остановился у воронки, образованной взрывом мины, другой — метрах в тридцати от первого. Экипажам было ясно, что путь заминирован. Однако их, видимо, озадачило отсутствие подорванного танка. Башня начала медленно поворачиваться — командир осматривал местность.

«Надо упредить», — подумал я, и в этот момент раздался выстрел. Стрелял Кулиничев, но промахнулся. Танк противника сразу дал задний ход и выбросил дымовые шашки.

Было ясно, что это разведка противника. Нас обнаружили, и теперь следует ждать главных сил. Так, во всяком случае, меня обучали в училище. Мы приготовились. Час ждали, второй — нет противника...

Когда стемнело, я зашел к лейтенанту-пехотинцу, чтобы узнать, есть ли какие приказания из штаба полка. Оказалось, что связь с ним потеряна.

— Поэтому, — сказал лейтенант, — задача остается прежняя: держать перекресток.

— А зачем его держать, ведь сюда противник не идет, — возразил я.

Лейтенант пожал плечами и ничего не ответил.

Что мне делать? Пехота имеет приказание, а у меня его нет. По собственной инициативе действую на свой, как говорится, страх и риск. Вот уже двое суток я не знал, где находится наше подразделение, в какую двигаться сторону. Решил до утра подождать. Поужинали консервами и галетами, которые нашли в фашистском танке, выставили посты и легли отдыхать. Было тихо. Не верилось, что такой покой может быть на войне.

Чуть за полночь меня разбудил посыльный от лейтенанта и передал, что получено приказание сменить район. Я пошел к лейтенанту уточнить обстановку. Он объяснил, что прибыл связной из штаба полка и передал приказ отходить на юг, так как противник обошел нас и наступает в другом направлении.

— А что же с перекрестком? — спросил я.

— Кому он теперь нужен, — махнул рукой лейтенант. — Предлагаю идти вместе.

— То есть как, с вами идти? — не понял я. — А танки?

— Вместе с танками, конечно. И если сможем, то вам поможем, — заключил лейтенант.

Сборы были недолгими. Приспособили тросы к немецкому танку, свой взяли на буксир и двинулись вслед за пехотой. Километров через пять двигатель так нагрелся, что пришлось остановиться. Провозились минут двадцать, пока не выяснили, что воды в системе охлаждения вовсе нет.

Пехотинцы нас ждали. Лейтенант поинтересовался состоянием машин. Я ответил, что дело, видимо, безнадежное, спросил, далеко ли до населенного пункта. Он спичкой осветил планшет с картой и сказал, что до деревни километров десять.

— Придется делать два больших привала, чтобы остывал двигатель, — сказал я. — А в деревне попробуем перелить горючее в наш танк.

Лейтенант не возражал.

Нам повезло. Вскоре на пути попалась разбитая телега, в которой оказалось ведро. Бензосистему трофейного танка мы не знали, поэтому с трудом отвернули плоскогубцами один из штуцеров бензопровода, начали спускать бензин. Нацедили почти два ведра.

Теперь танки поменяли местами: наш — впереди, а трофейный — на буксире. Замечу сразу, что в пути мы еще раз переливали бензин из немецкого танка. Обнаружили дополнительный бачок, в котором было около 50 литров бензина.

Пехотинцы десантом расположились на двух танках. Двигались на второй скорости и в полном одиночестве. Лишь однажды встретили трех саперов, которые устраивали на дороге завал, минировали его. Мы помогли им справиться с делом и взяли с собой.

Ехали в направлении Кексгольма, хотя понимали, что бензина нам не хватит, чтобы добраться до города.

Около полудня подъехали к развилике дорог и здесь встретили советский танк без гусениц, на колесном ходу. Глянул на номер и глазам не поверил — танк из нашего батальона!

Встреча с однополчанами была радостной. Я знал воентехника 2 ранга Д. Н. Семкина, зампотеха 2-й роты нашего 4-го танкового батальона. Хороший товарищ, высококлассный специалист и, главное, никогда не унывающий весельчак и отзывчивый человек, Семкин располагал к себе людей. С ним делились радостями и неудачами, могли всегда рассчитывать на его помощь. Вот и сейчас, не успели мы еще разомкнуть объятия, как он уже спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Расскажи, что знаешь о батальоне? — прежде всего попросил я.

— Батальон? — переспросил он. — Батальон — это ты да я. Разве мало? Сейчас, дорогой мой, каждый должен воевать за батальон.

— Вижу, как ты воюешь. Даже гусеницы снял, чтобы на колесах быстрее драпать, — засмеялся я.

— Смотри, еду без ленивца, — сказал Семкин и уточнил: — Отбит снарядом. Это последний танк, — продолжал он, — который эвакуировали из района Элисенвары. Четыре уже находятся в пятнадцати километрах отсюда, по дороге к Ладоге. Туда же ночью направился и наш комбат.

— Бери меня с собой, — сказал я. — Вместе с пехотой. Не оставлять же их.

Наша маленькая смешанная колонна двинулась в сторону Ладоги. Солнце уже садилось, когда нас остановили.

Это было прикрытие пехотной части, занявшей здесь оборону. Здесь мы распрошались с лейтенантом-пехотинцем и поехали дальше. А через три километра прямо на дороге нас встретил командир батальона. Он очень обращался нашему прибытию, тут же указал позиции для танков, в том числе и трофеиному. Затем каждому в отдельности поставил задачу по наблюдению и взаимодействию с пехотинцами. Мне приказал следить за дорогой и держать ее под прицелом. Однако часа через два командир батальона приказал мне сдать танк новому экипажу и заняться ремонтом поврежденных танков, которые находились в глубине обороны. Там я встретил знакомых: Семкина, старшину Назарова, товарищей из других подразделений, всего семь человек. Подбитых танков было три. Даже беглый осмотр показал, что отремонтировать их будет нелегко, а может быть, и вообще невозможно — ведь никаких запасных частей не было. Выход нашли за счет танка, у которого было прямое попадание в кормовую часть, то есть в коробку передач. Сняли с него электропроводку, гусеницы, словом, все, что нужно было для ремонта двух остальных машин. К утру закончили работу, но завести двигатель удалось только на одном танке. Командир батальона был недоволен результатами такого ремонта, хотя, как танкист, должен был понимать, что это не наша вина.

Со вторым танком провозились до обеда и все без толку. Оживить его не удавалось. Комбат приказал отбуксировать его на позицию и использовать как огневую точку. Мы спросили у него об обстановке. Он ответил, что обстановка такова, какой мы ее видим. Батальон пока еще полностью не собрался, и комбат надеется через день-два выяснить, где остальной личный состав.

Мы понимали, что это трудная задача. Прошло больше недели с тех пор, как наш батальон по три-четыре танка раздали пехотным подразделениям. Теперь вряд ли можно собрать всех. Да разве узнаешь, где сейчас те самые стрелковые подразделения. Все переплелось, перемешалось.

Вечером помощник начальника штаба передал приказ закопать танк.

- Как закопать? — переспросил я с недоумением.
- До башни, — невозмутимо ответил он.
- Значит, оборона?
- Значит, так.

К утру танк закопали и тщательно замаскировали. То же сделали и другие экипажи. Подгонять никого не надо было, каждый понимал, что от его старания будет зависеть не только крепость обороны, но и возможность выжить, выйти победителем.

После завтрака вызвали к командиру батальона. По дороге в штаб меня обстреляли. Пуля пролетела совсем рядом. Я укрылся за валуном, недоумевая, кто это стреляет и откуда. До передовой неблизко, значит, кто-то действует в нашем тылу. Поднял на ветке свою пилотку — тут же последовал выстрел. «Дело, — думаю, — плохо». Чтобы не испытывать судьбу, по-пластунски, прикрываясь валуном, отполз в сторону, огляделся. Никого не видно. Снова пополз, а потом вскочил, перепрыгнул через сваленное дерево и лег за него. Пуля щелкнула о ствол. Пришлось снова ползти. И лишь когда меня отделяло порядочное расстояние от того места, где стреляли, я вскочил и побежал к землянке командира батальона. Собственно, это была не землянка, а окоп, прикрытый сверху жердями, хворостом и землей.

Перед командиром батальона лежала схема-карта, предназначавшаяся, наверно, для туристов либо автолюб-

бителей. Она не давала полного представления о районе, который мы занимали. Однако ничего иного не было в распоряжении комбата. Подразделение давно ушло из района, для которого имелась военная топографическая карта. Разговор с комбатом был недолгим.

— Найдите бумагу, — сказал он, — может быть, в формулярах танков или у кого-либо из солдат и составьте схему района, привязав ее к местности, чтобы можно было отработать план охраны и обороны штаба батальона. Задача ясна?

Я ответил, что все понял, и доложил о том, что был обстрелян по дороге в штаб.

— Прочешите этот участок, — сказал комбат. — Возьмите четыре человека: двоих из экипажа неисправного танка, шофера и санинструктора.

Санинструктора ефрейтора Шакова и двух членов экипажа я быстро нашел, а вот шофера рядового Панченко на месте не оказалось, и никто не мог сказать, где он. Пошли без него.

Метров через сто прогремел выстрел, санинструктор вскрикнул и упал.

— Ложись! — скомандовал я.

Все бросились на землю. Я подполз к санинструктору. Гимнастерка на его плече побурела от крови. С трудом повернулся на спину и подтащил к толстой сосне, служившей хорошим прикрытием.

Наблюдая из-за ствола, я вдруг заметил, что на сосне, совсем недалеко от нас, зашевелились ветви, хотя ветра не было. Это меня насторожило. Неужели там кто-то сидит? Выстрелил из пистолета, и в тот же момент с дерева свалился человек, быстро вскочил на ноги и бросился наутек, кидаясь из стороны в сторону.

Мы бросились за ним не сразу. Сначала обыскали участок — ведь могли быть и другие диверсанты. Но их мы не обнаружили, а на небольшой поляне нашли убитого шофера рядового Панченко и возле него пилотку с рассыпанными на траве ягодами.

Продолжая прочесывать участок, мы вышли к озеру. Вокруг — ни души. Хотели уже возвращаться, как вдруг один из членов экипажа сказал с удивлением:

— Смотрите, палка ходит по воде.

Действительно, палка двигалась в сторону противоположного берега. От нас она была уже далековато. По моей

команде одновременно выстрелили в палку. Она продолжала двигаться. Выстрелили еще раз, палка скрылась. Мы присели за камыши и начали ждать. Вдруг у берега показался человек, за которым мы гнались. Он выскочил из воды, сиганул за груду камней и — был таков. Для движения под водой у него, видимо, была трубка с наконечником, похожим на сломанную палку.

Так состоялось наше первое знакомство с «кукушкой». Это были, как правило, снайперы финской армии. Они пробирались в наш тыл и с деревьев стреляли в солдат. Приходилось быть очень осторожным. К сожалению, в то время немало диверсантов просочилось на полуостров, где мы строили оборону. И на борьбу с ними командованию приходилось выделять солдат, которые так были нужны на переднем крае.

Выполнив задание комбата и поговорив с ним, мне удалось уяснить обстановку. Нашему 4-му танковому батальону было приказано прикрыть отход других частей. В батальон свели всего десять танков, причем почти все они были без горючего, а многие и неисправные. Поэтому их и закопали, превратив таким образом в мощные огневые точки. Те экипажи, которые остались без танков, составили группу под командованием воентехника 2 ранга Семкина.

Мне же было приказано направиться в штаб 168-й дивизии в качестве офицера связи. Этой дивизией командовал полковник А. Л. Бондарев.

В штаб дивизии я прибыл 14 августа. У входа в одну из первых попавшихся мне землянок, наскоро оборудованных и еще не замаскированных, столкнулся со старшим офицером. Меня он никогда не видел, и поэтому его реакция была вполне объяснима.

— Почему здесь? Откуда? Проверить! — приказал он сопровождающему его офицеру и ушел в другую землянку.

Я представился.

— Все в порядке. Находиться вон там и ждать распоряжений.

На указанном месте уже сидело двое. Присел и я.

— Тоже связной? — спросил один из них.

— Вроде так.

— Тогда закуривай.

— Некурящий.

Помолчали. Сосед несколько раз глубоко затянулся самокруткой, спросил:

— Знаешь, с кем встречался?

— Откуда мне знать.

— Начальник штаба, подполковник Борщев.

— Ну и пусть себе.

— Подожди. Он тебя еще вызовет. Мы уже по несколько раз выполняли его приказания. В общем, узнаешь, что такое офицер связи.

— С вами же ничего не случилось, — сказал я, — авось не случится и со мной.

В тот момент и представить себе не мог, что с С. Н. Борщевым мне придется столкнуться еще раз, в самом пекле боев на переправе у Невской Дубровки, а потом, через двадцать лет, нас сведет совместная служба.

Лишь на третью сутки вспомнили обо мне и передали приказание начальника штаба дивизии командиру нашего батальона: уничтожить танки и с личным составом выйти в назначенную бухту для погрузки на баржу. Офицер штаба по карте показал мне, где находится эта бухта.

Только к рассвету добрался до штаба своего батальона. Но там никого не оказалось. Пошел на передний край, где были закопаны танки, но вместо них увидел только развороченные взрывами изнутри башни. И — ни одного человека. Потом выяснилось, что приказание о подрыве танков и отходе было продублировано и комбат получил его через командира соседней стрелковой части.

Я пошел обратно, не совсем представляя куда. Хорошо, что вскоре повстречал колонну артиллеристов. С ними и пошел. К полудню добрались до какой-то бухты, начали грузиться.

Противник, видимо, был где-то недалеко. Бухта подверглась артиллерийскому обстрелу. Снаряды рвались сначала в стороне, а затем прямо на месте погрузки. Возник пожар на одном из транспортов, но погрузка продолжалась. Я тоже зашел на палубу баржи, которую вскоре потащил за собой катер по лазурной глади Ладожского озера.

Плыли весь день. Вечером намеревались причалить в Приозерске (бывший Кексгольм), но город горел, и поэтому пришлось идти дальше. Лишь к утру вошли в не-

оборудованную гавань Саунаниеми и начали разгружаться.

Первым делом мне нужно было найти какой-нибудь штаб и стать на учет. К счастью, недалеко от берега стояли саперы. Там меня накормили и посоветовали идти в направлении Агалатово. Там, как мне сказали, стоят танкисты.

Действительно, добравшись к вечеру до Агалатово, я попал в расположение 48-го танкового батальона, которым командовал майор И. Ф. Тимофеев. Рассказал, кто я и как сюда попал. Оказалось, что здесь есть еще кое-кто из нашего 4-го танкового батальона: встретил старшину Назарова. Он меня и проводил к старшему лейтенанту Е. К. Коваленко, командиру танковой роты Т-34. Я был искренне рад, что попал заместителем командира по технической части в роту, танки которой хорошо знал. Ведь я изучал их в училище. В моей полевой сумке находился училищный конспект по регулировкам двигателя В-2 и некоторым другим темам. Этот конспект особенно пригодился, когда приступили к обучению экипажей. После нескольких занятий по устройству и эксплуатации танков я прослыл знатоком. А когда отрегулировал как следует два топливных насоса, то почувствовал и уважение со стороны танкистов.

Немного истории. — Неудачная поездка. — Под Красным Селом. — И мы можем наступать! — Подвиг генерала Лавриновича. — В кольце блокады. — Командировка на завод. — Дядя Вася — «профессор сварки». — Экранировка легких танков.

Говоря откровенно, в те дни мы недостаточно глубоко и полно знали как общую обстановку на полях войны, так и, в частности, на Ленинградском фронте. Конечно, нас информировали о происходящих событиях и командиры, и офицеры вышестоящих штабов, и политработники. Я помню, с каким вниманием мы слушали их сообщения. Однако эти сведения были отрывочными и не всегда точными. Поэтому для читателя, мне думается, будет полезным ознакомиться с обстановкой тех первых месяцев войны уже с позиции истории. Это поможет глубже разобраться в происходивших событиях, понять серьезность положения наших войск, принимавших участие в обороне города Ленина.

На ленинградском направлении немецко-фашистские войска, не считаясь с потерями, рвались вперед. 13 июля, преодолевая упорное сопротивление советских войск, они вышли к городу Сольцы и к реке Луга юго-восточнее Нарвы, но к 19 июля были остановлены на этом рубеже.

Оборонительный рубеж советских войск на восточном берегу реки Луга вначале занимали 177-я и 191-я стрелковые дивизии, 1-я дивизия народного ополчения, горнострелковая бригада, курсанты Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова и Ленинградского стрелково-пулеметного училища. Их поддерживала артиллерийская группа полковника Г. Ф. Одинцова. В резерве находилась 24-я танковая дивизия. К линии фронта выдвигалась также 2-я дивизия народного ополчения. В последующем лужская оперативная группа непрерывно усиливалась новыми соединениями и частями.

Советские войска сделали все, чтобы сорвать замысел

противника — с ходу прорваться к Ленинграду и захватить его. На этом рубеже наше командование выиграло почти месяц для дальнейшего укрепления обороны Ленинграда.

Немецкий генерал фон Бутлер в своих воспоминаниях признает, что группа армий «Север» не добилась желанных оперативных успехов, советские войска умело избегали окружения и, сохранив целостность фронта, отходили на дальние подступы к Ленинграду. Больше того, он отмечает, что мощные советские контрудары по войскам группы армий «Центр» вызвали среди гитлеровского командования сильное замешательство.

Однако огромное преимущество в силах и средствах все же дало возможность немецко-фашистским войскам приблизиться к Ленинграду на 100 и менее километров.

Среди других кадровых советских частей непосредственно у Луги действовала 24-я танковая дивизия под командованием полковника П. М. Чеснокова. В результате предыдущих боев в дивизии осталось не так уж много танков. Однако обстановка не позволяла вывести дивизию для пополнения людьми и боевой техникой. Шли ожесточенные бои. И те танки, которые потеряли ход, зарывали в землю, использовали как огневые точки.

Окрестности Луги славятся красотой озер, пахучими сосновыми лесами, тихими водами извилистой реки Луга и лечебными учреждениями. Санатории «Красный Вал» и «Рапти» на Череменецком озере были любимым местом отдыха ленинградцев. Теперь там хозяйничали фашисты: вырубали яблоневые сады, разрушали лечебные павильоны, дачи, уничтожали мирных жителей. Варварства фашистов, о которых рассказывали беженцы и наши разведчики, вызывали гнев и ненависть в сердцах танкистов. Желание отомстить за поруганную землю придавало им дополнительные силы, мужество и отвагу в боях с превосходящим врагом. В середине августа, понимая, что прорыв обороны советских войск у города Луга сопряжен с огромными потерями, а успех проблематичен, гитлеровское командование решило вести наступление на направлениях Сольцы, Батецкая, Ленинград и Кингисепп, Гатчина, Ленинград.

В районе Батецкая сложилась тяжелая обстановка. Командиру 24-й танковой дивизии было приказано частью своих сил усилить здесь оборону. Заместитель командира

дивизии полковник А. Г. Родин возглавил небольшую по- движную группу танкистов, совершил ночной марш к станции Батецкая и удерживал позиции до подхода свежих сил. Выполнив свою задачу, танкисты снова вернулись в Лугу.

Ожесточенные бои в первой декаде августа развернулись у села Ивановское и города Кингисепп. Здесь гитлеровцы наносили удар большими силами: около 300 тысяч солдат и офицеров, 6 тысяч орудий, 29 тысяч пулеметов и автоматов, 4,5 тысячи минометов, 1000 танков и бронемашин, около 1000 самолетов.

В середине августа враг наносил удары на Ленинград с севера через Карельский перешеек (финские войска); с запада — через Котлы, Копорье, Петродворец; с юга — через Красногвардейск (Гатчину), Пушкин, Пулково; с юго-востока — через Любань, Тосно, Колпино. Советские войска под написком превосходящего противника вынуждены были 16 августа оставить Кингисепп. Командование северо-западного направления бросило на встречу врагу 1-ю дивизию народного ополчения, 1-ю танковую, 281-ю стрелковую дивизии и учебный полк Ленинградских бронетанковых курсов.

Тяжелые сдерживающие бои на красногвардейском направлении вели танкисты 1-й Краснознаменной танковой дивизии под командованием Героя Советского Союза генерал-майора В. И. Баранова. В дивизии, которая начала войну в Карелии у Алакуртти, было мало танков и приданной пехоты. Однако танкисты, проявляя массовый героизм, упорно сражались за каждую пядь земли.

Советские войска изматывали и обескровливали противника, не давая ему возможности прорваться моторизованными колоннами к Ленинграду. Но силы были слишком неравными. Фашисты все ближе и ближе подходили к Ленинграду. Ко второй половине августа непосредственная страшная угроза нависла над городом. 23 августа гитлеровские войска подошли к Красногвардейскому укрепленному району. Шоссе Ленинград — Луга было перерезано.

25 августа была захвачена станция Любань, 28 августа — станция Тосно, 29 августа — Котлы, 1 сентября — Копорье.

Лужская группировка наших войск оказалась под угрозой окружения. В этих условиях командование фрон-

та отдало ей приказ отойти к Ленинграду. В трудном положении были танкисты. Без горючего и снарядов боевая техника была бесполезна. Выполняя приказ, танкисты уничтожили технику и тяжелое оружие, а кое-какие запасы зарыли недалеко от шоссе у реки Яшур.

Полковник Родин вывел лесами и болотами личный состав 24-й танковой дивизии к Ленинграду. Несмотря на тяжелый и опасный путь, отсутствие продовольствия, потери были ничтожны. Большого командира дивизии полковника Чеснокова несли на носилках.

По несколько раз в день фашистское командование бросало в бой свои механизированные части, пытаясь прорваться к Ленинграду. Но все попытки врага разбивались о железную стойкость обороны.

В этой трудной для Ленинграда обстановке партийная организация города мобилизовала все силы на борьбу с врагом. 20 августа в актовом зале Смольного состоялось собрание актива Ленинградской партийной организации. Выступления главнокомандующего войсками северо-западного направления Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, секретаря ЦК КПСС А. А. Жданова, секретаря Ленинградского горкома КПСС, члена Военного совета А. А. Кузнецова были выслушаны с величайшим вниманием. Со всей правдивостью они изложили обстановку, которая была под Ленинградом. Четко и ясно поставили перед Ленинградской партийной организацией задачи по борьбе с врагом.

21 августа было опубликовано Обращение ко всем трудящимся города Ленинграда:

«Встанем как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы. Выполним наш священный долг советских патриотов, будем неукротимы в борьбе с лютым и ненавистным врагом, будем бдительны и беспощадны в борьбе с трусами, паникерами и дезертирами, установим строжайший революционный порядок в нашем городе. Вооруженные железной дисциплиной, большой организованностью, мужественно встретим врага и дадим ему сокрушительный отпор».

Обращение подписали К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, П. С. Попков (председатель горисполкома). Это обращение глубоко взволновало защитников города. В ответ на него танкисты Репин, Шелков и другие писали в свою фронтовую газету «На страже Родины»: «Никогда не сту-

пать немецкому сапогу на широкие улицы и проспекты Ленинграда. Никогда не владеть гитлеровцам индустриальными гигантами этого города. Мы, танкисты, только что вели упорные и ожесточенные бои с немецкими фашистами. Мы снова готовы в бой. На подступах к Ленинграду танки снова покажут врагу, что значит ненависть советских патриотов. Ленинград будет защищен. Предстоит упорная борьба, но победа будет за нами!»

Эти слова звучали клятвой.

В начале сентября меня и старшину Назарова, как человека, знающего Ленинград, послали в штаб бронетанковых войск фронта за нарядом на запасные части, которые потом следовало получить на складе. Поехали на грузовом автомобиле. От Агалатово до Ленинграда ехали более полутора часов. По пути в Осиновой Роще подобрали двух «голосовавших» девушек, которые возвращались в город, кажется, из-под Черной Речки, где они рыли окопы. Звали их Надя и Тоня. Молодые, неунывающие, уверенные в том, что фашистов разобьют, и очень скоро, они как бы олицетворяли собой общее состояние ленинградцев, их высокий моральный дух, готовность отдать все свои силы делу победы над врагом.

Когда подъехали к Петроцлавовской крепости, завывали сирены — воздушная тревога. Захлопали зенитки. Небо покрылось разрывами снарядов. Послышался вой бомбы, и все мы метнулись в подъезд дома. Где-то ухнуло раз, другой, и вдруг стало тихо. Значит, сбили вражеский самолет. И все сразу повеселели.

Девушек высадили на Малой Подъяченской улице, пообещав заглянуть к ним, если удастся, а сами поехали в штаб бронетанковых войск фронта, который размещался на Невском проспекте у Дворцовой площади. Дело наше решилось не сразу. Сказали, что наряд и запасные части мы получим утром.

Времени было хоть отбавляй, и мы пошли по городу. Хотя Ленинград уже подвергался налетам авиации, следов больших разрушений не было видно. Город жил своей размеренной, спокойной жизнью.

Неожиданно Назаров сказал:

— Тут недалеко, в Пушкине, моя семья. Хочетсяувидеть... Уже два месяца никаких известий не получал.

— Время есть. Поехали.

У развилки дороги возле мясокомбината находился контрольно-пропускной пункт. Нас остановили, спросили, откуда и зачем едем, проверили документы. Я, как старший машины, отвечал на вопросы дежурного прямо и откровенно. Он выслушал нас и порекомендовал ехать в Пушкин не через Пулково, а через Шушары.

— Всего двадцать пять километров. Быстро доберетесь.

Однако дорога была буквально забита войсками. С трудом со скоростью 10—15 километров в час мы наконец добрались до Пушкина.

Назаров жил неподалеку от Екатерининского дворца. В квартире никого не оказалось. Вышли во двор. Назаров обратился к какому-то старому человеку. Тот объяснил, что все жильцы дома, в том числе и Назаровы, выехали, но куда, он не знает.

Нам ничего не оставалось делать, как возвращаться. Выбрали дорогу через Александровское, Пулково. Но вот внезапно появился фашистский самолет, пронесся над шоссе бреющим полетом, обстреливая из пулеметов. Мы успели выскоичить из машины и скатиться в кювет. Самолет улетел, оставив на дороге несколько пылающих машин. Сгорел и наш грузовик. Только теперь стало понятным, какую глупую оплошность мы совершили, предприняв эту самовольную поездку! Где теперь взять машину? На чем везти запчасти?!

Тронулись дальше пешком. Вскоре нас, как и других «одиночек», остановил капитан и предложил следовать в составе его подразделения.

— Идем к Красному Селу, — сказал он. — Там сейчас решается судьба Ленинграда.

Наши заявления о том, что имеем свое задание, были оставлены без внимания.

Примерно через два часа подошли к горящей деревне в полутора километрах от Красного Села. Где-то справа сквозь гул артиллерийской канонады слышалось «ура-а-а!». Попало под обстрел и наше подразделение. Совершили стремительный марш-бросок и остановились только на гребне крутого ската недалеко от Красного Села. Внизу темнело железнодорожное полотно, горели вагоны. Справа заметили большую группу офицеров. И тут по рядам пронеслось: «Ворошилов! Там Ворошилов».

Действительно, это был К. Е. Ворошилов. Не обращая внимания на огонь противника, он отдавал какие-то распоряжения. Эту группу охраняли автоматчики, веером рассыпанные по земле.

Подана команда. Одни, у кого имелись лопаты, начали рыть окопы, другие занимали воронки, ямы. Но каждый из нас, выполняя свою работу, то и дело поглядывал туда, где находился К. Е. Ворошилов...

Почти сутки удерживали мы занимаемые позиции. Потери были большие. Пришлось отойти на новый рубеж, который обороняли ополченцы. Остатки подразделения отвели под Пулково, видимо, на формирование. Здесь мы со старшиной Назаровым предъявили свои документы и получили разрешение направиться в Ленинград.

В штабе рассказали все, как было. Нам выделили складскую автомашину. Загрузили ее запасными частями и уже к ночи прибыли в Агалатово, где стоял наш батальон.

Мы, конечно, поведали товарищам, что видели Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова. Командир батальона майор И. Ф. Тимофеев вызвал к себе, выслушал рассказ, потом спросил:

— Правда ли это?

— Правда, — подтвердил я. — Все так именно и было.

— Ну что же, это хорошо, — произнес он с удовлетворением. — Раз маршал Ворошилов сам на фронте, значит, порядок будет.

Последняя фраза комбата относилась, пожалуй, не столько к общей обстановке, сколько к нам лично. Многим из батальона было непонятно, что в такое трудное время наши десять Т-34 стоят «на приколе». Всем хотелось идти в бой, громить врага, тем более что Т-34 — и мы знали об этом — были сильнее танков противника. А сидеть в лесу мы считали «непорядком». Откуда нам было знать замыслы командования?..

Весть о том, что наш 48-й танковый батальон будет участвовать в освобождении Белоострова, быстро облетела весь личный состав. Собственно, мог пойти не батальон, а, по существу, одна лишь рота — ведь танков было только десять.

Подготовка к бою велась тщательно и скрытно. Сна-

чала убыли на рекогносцировку в район сосредоточения майор Тимофеев вместе с командирами рот. Вернулись они через сутки. Затем начались занятия «пеший по-танковому». Проводились они так: танкистов подвозили ближе к району действий, а затем каждый командир во главе своего экипажа шел пешком по намеченному маршруту движения танков, изучая местность, намечая ориентиры, расставляя вехи (для ночного движения они покрывались мелом). Проводились иочные занятия по вождению.

Из Агалатово батальон ночью двинулся в район Черной Речки, что на направлении к Белоострову. На марше соблюдались все меры предосторожности. Прибыв в указанный район, экипажи тщательно замаскировали танки. Днем никакого движения. Только ночью еще и еще раз изучали свои маршруты. За сутки до выдвижения на исходный рубеж майор Тимофеев вместе с командирами взводов и танков побывали на переднем крае, уточнили цели, составили маршрутные и огневые карточки. Настроение у танкистов поднималось. Наконец-то бой!

Много хлопот было и у меня — заместителя командира танковой роты по технической части. И не только по обслуживанию боевой техники, подготовке ее к бою. Я изучал маршруты движения каждого танка, характер местности, возможность своевременного прибытия к подбитому танку для его ремонта на месте или эвакуации. Рассчитывал, сколько будет израсходовано горючего при выдвижении к переднему краю и в ходе боя, когда, куда и сколько надо подвезти горючего для заправки, а также боеприпасы. Объем работы немалый, а для его выполнения в моем распоряжении была лишь одна грузовая автомашина. Но как-то справлялся, выходил из положения.

Бой начался с артиллерийской подготовки. Именно в это время и началось выдвижение наших танков на передний край. Видно было, что все точно рассчитано и согласовано: когда начинать артиллерийскую подготовку и какой продолжительности, когда переносить огонь в глубину, чтобы не поразить свои танки.

У самого переднего края на боевые машины сел десант. Я с двумя ремонтниками тоже примостился на корне одного из танков. Вслед за танками выскочили из окопов пехотинцы и, ведя огонь на ходу, пошли в атаку.

Сопротивление противника резко возрастало с приближением к окраине Белоострова. Казалось, стрелял каж-

дый дом, каждая развалина. Десант спешился. Ремонтники тоже двигались теперь за танками.

Вот видим — один из наших танков остановился. Тут же побежали к нему. Осмотрели танк вместе с членами экипажа. Надо же такому случиться: неразорвавшийся снаряд угодил между бортом и ведущим колесом и заклинился там. Что делать? Как его оттуда извлечь? Проще всего было бы буксиром стронуть танк с места, чтобы спаряд либо выскочил, либо взорвался. Опасность от взрыва невелика — перебьет только гусеницу, которую исправить можно быстро. Но тягача у меня не было. Все другие танки ушли вперед и вели бой...

После короткого совещания решили подорвать снаряд ручной гранатой. Наше устройство сработало. Правда, по-вре^ждения, как мы и предполагали, оказались незначительными. Вскоре танк был на ходу. Мы с ремонтниками взобрались на него и двинулись туда, где шел бой.

Вероятно, пока мы занимались ремонтом, произошла какая-то задержка с наступлением: пройдя метров четыреста, мы увидели, что пехота залегла, а танки ведут огонь с места. Мы с ремонтниками спешились и залегли в траншее, отбитой у противника. Рядом с нами пристроились артиллеристы с радиостанцией. Не отрывая бинокль от глаз, офицер четко диктовал радиостанции координаты целий, а тот уж повторял их в микрофон. Спустя минуту-другую впереди от разрывов снарядов поднялась стена земли. Туда сразу же устремились танки. Мы поспешили вперед и вскоре увидели танк командира роты Е. К. Коваленко. Из машины валил дым. Через люк механика выходил экипаж. К счастью, все были живы. Приоткрыли моторный люк. Под двигателем горело масло. Огонь быстро загасили землей, однако танк вышел из строя: снарядом зацепило двигатель, и мы ничего не могли поделать.

Коваленко пошел вперед, чтобы пересесть на другую машину и взять управление ротой в свои руки. Я со своими ремонтниками тоже за ним. У подбитого танка остался экипаж.

У крайних домов начинаящейся улицы стояли два наших танка и обстреливали длинное здание, из которого противник вел интенсивный огонь, прижимая пехоту к земле. Залегли и мы. Но вот танки двинулись в сторону этого здания, стреляя на ходу. Вслед за Коваленко мы

огородами поспешили наперерез им. Вдруг видим, что один из танков разворачивает пушку в нашу сторону. Мелькнула мысль: «Уж не нас ли признал за чужих?»

— Ложись, — крикнул Коваленко. И вовремя. Снаряд разорвался где-то за нами. Оглянулись и увидели, что снаряд угодил в сарай, из дверей которого выглядывала пушка противника. Молодцы танкисты!

Коваленко подбежал к танку. Приоткрылся люк механика-водителя, и было видно, что старшего лейтенанта о чем-то спрашивают. Вдруг Коваленко вытянулся, отдал честь и повернулся обратно.

— Кто там? — спросили мы его.

— Генерал Лавринович.

Танкисты знали о том, что командующий бронетанковыми и механизированными войсками 23-й армии генерал-майор Вацлав Брониславович Лавринович на передовой. Перед боем он беседовал с каждым экипажем, спрашивал о готовности танков, интересовался, как уяснена задача.

Мне хорошо запомнилась встреча в канун боя. Он привил к себе всех командиров и их заместителей. Распросил, как идет подготовка, затем по памяти повторил приказ на наступление. Я тогда очень удивился, что человек вот так легко может запомнить всю обстановку, название рощ, маршрутов, целей и так стройно, логически и последовательно рассказать, что, кому, когда и как делать перед подготовкой к бою, с началом наступления и в ходе его, при выполнении ближайшей и последующей задач.

Генерал Лавринович на специальном ящике с песком, сооруженном тут же в лесу, на небольшой полянке, проиграл несколько вариантов (в зависимости от того, какая сложится обстановка). Говорил он своеобразно, словно вел беседу. Сделает небольшую паузу и задает как бы сам себе вопрос:

— А что будет, если противник не позволит нам выполнить вот эту задачу? — Он показывает указкой на определенный рубеж выхода танков. Подумает чуть-чуть и сам же отвечает: — В таком случае надо немедленно вводить резерв, который должен следовать вот в этом направлении, не задерживаясь ни где ни минуты.

— А если пехота вот здесь будет отрезана от танков огнем противника, что бы вы сделали, товарищ старший лейтенант? — вдруг спросил он, обращаясь к Коваленко.

Коваленко не ожидал вопроса, немного растерялся.

— Не спешите, товарищ старший лейтенант, подумайте.

— Я бы продолжал наступать не останавливаясь, — ответил Коваленко.

— Похвально, похвально. Ну, а дальше что может получиться? — спросил генерал Лавринович.

— Точно вышел бы на указанный вами, товарищ генерал, рубеж, — бойко отчеканил Коваленко.

— Допустим, — рассуждал генерал Лавринович. — Но ведь вы один. Теперь надо закрепить рубеж. Иначе противник, отрезав вас от пехоты и уничтожив ее, расправится и с вами, товарищ старший лейтенант. Не так ли?

— Виноват, товарищ генерал, не подумал.

— А думать надо. — И уже обращается ко всем: — Нельзя, товарищи, забывать о взаимодействии. В бою это главное. С нами действуют пехота, артиллерия, авиация, связисты, инженерные подразделения. Все должно быть согласовано. Только вместе можно добиться успеха.

Я слушал его доводы, восхищался логикой генерала, но не представлял, что именно так, как он говорит, может случиться в предстоящем бою. Но чувство предвидения не обмануло генерала. Четкая согласованность действий танкистов, пехоты, артиллеристов, представителей других родов войск, быстрое решение возникающих в ходе боя задач, взаимодействие и помочь друг другу — все это во многом было обусловлено той подготовкой, которую провел В. Б. Лавринович с командирами незадолго до начала наступления.

...Вернулся Коваленко и приказал мне с одним ремонтником наблюдать за танком генерала, а сам со вторым ремонтником огородами пошел догонять свою роту.

Танк генерала Лавриновича в сопровождении пехотинцев снова двинулся вперед. Я старался не выпускать его из виду.

Накал боя возрастал. Противник попытался минометным огнем отсечь пехоту от танков. Из этого ничего не получилось. Пехотинцы броском преодолели участок огня, видимо заранее подготовленный противником. Потери, конечно, были. Задело осколком плечо и моего ремонтника

старшего сержанта А. Т. Ставницкого. Рана была легкая, можно сказать, царапина. Я перевязал его, и мы вновь пошли вслед за наступавшей цепью.

Вдруг под первым и тут же под вторым танками раздались взрывы. «Мины», — пронеслось в голове. Через несколько метров и танк генерала Лавриновича вздыбился, окутался клубами пыли и дыма. Мы побежали к машине. Люк механика-водителя был приоткрыт, я заглянул внутрь и увидел сидящего на месте радиста генерала. Его голова была запрокинута, глаза закрыты.

Со слезами на глазах механик-водитель рассказал, что перед самым взрывом генерал приказал приоткрыть люк, чтобы посмотреть, где пехота, и осколком в голову был убит наповал.

Генерал убит... Не хотелось этому верить. Казалось, вот он сейчас встанет и скажет: «Товарищи, вот мы и решили первую задачу. Теперь давайте отработаем вторую, дальнейшую задачу...»

Подошли оставшиеся в живых члены экипажа двух других подорвавшихся на минах танков. Старший лейтенант Г. Лукашенко, заместитель командира роты, был перевязан. Он получил касательное ранение осколком в горло. От потери крови был очень бледен. Говорить не мог. И навзрыд заплакал, увидя мертвого генерала.

Тело генерала оставили в танке. Вскоре подогнали к нему другую боевую машину, у которой заклинило пушку. Командир танка лейтенант М. А. Фролов снял пулемет, взял гранаты и остался на месте с башенным стрелком, а механику-водителю приказал отбуксировать танк генерала В. Б. Лавриновича в тыл.

Весть о смерти генерала В. Б. Лавриновича быстро облетела не только танкистов, но и все войска 23-й армии. Генерал пользовался большим авторитетом среди солдат и офицеров. Его смерть была для всех нас тяжелой утратой.

Город Белоостров 20 сентября 1941 года был фактически уже освобожден. Это — первая победа в наступательном бою с начала войны на нашем направлении. Для всех этот бой явился большой практической и моральной школой, в том числе и для ремонтников. Хотя нам и не пришлось непосредственно вести танковый бой, однако, будучи среди танкистов, пехотинцев и артиллеристов, в этом бою мы были вместе с ними, делали свое, положенное нам

В. Б. Лавринович

С. М. Адливанкин

Б. С. Колибердин

Б. Т. Волошин

Н. И. Лобанов

Б. С. Тарасенко

Р. М. Оганесов

В. И. Баранов

дело. Эвакуировали подбитые танки. Ремонтировали их. Проверяли. Снова готовили в бой. Этот скромный труд, мне казалось, вносил какую-то лепту в общий успех, хотя в душе мне всегда хотелось быть командиром танка, быть в самом пекле сражения. Но я понимал, что и без нас, техников-ремонтников, не обойтись. Без них в бою тоже нельзя. И чем лучше они исполняют свой долг, тем весомее будет их вклад в победу. А дело наше, как показал бой под Белоостровом, было сложнее, чем это представлялось до сих пор.

Нашу 1-ю роту 48-го танкового батальона после успешного боя за освобождение Белоострова снова отвели в Агалатово, как говорится, на старые квартиры. Начались учебные будни, доукомплектование батальона. Так продолжалось до октября. Трудное это было время для Ленинграда. До нас доводили обстановку, а она, надо прямо сказать, была удручающей. Враг рвался к столице нашей Родины Москве, вел бои, по существу, у пригородов Ленинграда. Уже в конце сентября фашистские автоматчики на мотоциклах прорывались на развязку шоссе недалеко от больницы Фореля. Здесь проходила окраина города. Однако Ленинград не был взят. Немцы не могли даже начать бои в городских кварталах. Произошло «чудо», в котором до сих пор буржуазные историки не разберутся: каким образом фашистские дивизии, подошедшие к городу, были остановлены защитниками Ленинграда?

Хочется напомнить, кто превратил город в неприступную крепость. На наиболее важном направлении, прикрывавшем Ленинград, на фронте Лигово — южная окраина Пулково была развернута 42-я армия, на рубеже Верхнее Кузьмино, Путрово, Новая стояла 55-я армия. По Неве оборону держала новая оперативная группа, воины 1-й Краснознаменной танковой дивизии. На тихвинском и волховском направлениях рубеж, проходящий от Липска, Кириши и далее по правому берегу реки Волхов, обороняли 54-я армия Ленинградского фронта и войска Волховского фронта. На Карельском перешейке против финских войск сражалась 23-я армия на рубеже Сестрорецк, Белоостров, Никулясы. Наши войска прочно удерживали плацдарм в районе Петергоф, Ораниенбаум. Повсеместно была создана хорошо развитая в инженерном отношении

оборона, которая строилась глубоко эшелонированной, противотанковой. Противовоздушная оборона прикрывала город от налетов авиации противника. Умело организованная прочная оборона под Ленинградом позволила истощить наступательные возможности противника.

Немецко-фашистские войска не смогли захватить город, встретив решительное и мужественное сопротивление советских войск, и с 25 сентября перешли к обороне. Гитлер решил задушить город блокадой и голодом. Артиллерийский обстрел, авиационные бомбёжки, отсутствие продовольствия должны были, по мнению врага, ускорить падение города. Следуя этой варварской установке, в район Урицка гитлеровцы подтянули крупнокалиберную артиллерию и методически обстреливали жилые кварталы города, истребляя мирное население, разрушая бесценные памятники русского искусства и зодчества.

Положение было очень тяжелым. Особенно трудно приходилось защитникам города во второй половине ноября и в декабре 1941 года. Прекратилась из-за ледостава на Ладожском озере подача грузов водным транспортом, а после того как противник захватил город Тихвин, все грузы пришлось доставлять по коммуникациям, удлинившимся на 400—500 км. Самолетами в период с 14 по 28 ноября было переброшено 1200 тонн продуктов, но это лишь в очень малой степени пополняло иссякавшие запасы продовольствия. Нормы выдачи продуктов питания за сентябрь — ноябрь снижались пять раз. Так, 20 ноября рабочие горячих цехов получали 375 граммов хлеба в день, рабочие и инженеры — 250, служащие, иждивенцы, дети до 12 лет — 125 граммов. Одновременно снижались нормы выдачи хлеба и войскам. Начал также ощущаться недостаток в материалах на ленинградских заводах. Падала выработка электроэнергии, иссякли запасы топлива. Остановилось трамвайное движение, водопроводная сеть к декабрю перестала работать.

Сообщение с Большой землей поддерживалось по воздуху и через Ладожское озеро по трассе Ваганово — Кокорево (западный берег) — поселок Кобона (восточный берег). И только благодаря успешной работе ледяной дороги на Ладожском озере с 25 декабря нормы выдачи хлеба были повышенны.

Гитлеровцы, не отказываясь от мысли измором захватить Ленинград, пытались уже стянуть кольцо блокады,

соединиться с финскими войсками. Но и эта попытка не удалась. Ленинградцы стояли насмерть!

В первой половине ноября 48-й танковый батальон получил задачу совершить марш в район Невской Дубровки. Затем это решение отложили в связи с тем, что поступил приказ у прибывших 12 танков Т-26 и 6 танков БТ-7 усилить дополнительной броней башни и лобовые части, а если удастся, то и борта. Дело в том, что броню танков Т-34 снаряды вражеских противотанковых пушек в то время, можно сказать, не пробивали. Уязвимы были гусеницы и борта, если снаряд попадал в него под прямым углом. Из десяти танков Т-34, участвовавших в бою за Белоостров, противник вывел временно из строя шесть, причем половина из них подорвались на минах-фугасах. Повреждения были, как говорится, не смертельные, и танки удалось быстро восстановить.

Поэтому решение усилить броню легких танков Т-26 и БТ-7 и тем самым в какой-то степени приравнять по бронестойкости к танкам Т-34 было воспринято нами как естественное. Меня, специалиста технической службы, занимал вопрос: как же можно выполнить эту задачу здесь, в лесу, не имея никаких мастерских, сварочных агрегатов, а главное, — броневых листов?

Как-то после обеда меня вызвали в штаб батальона. В землянке командира я не сразу заметил сидящего ко мне спиной полковника, который отогревал руки у печки-времянки. Комбат майор Тимофеев, указывая на полковника, сказал:

— Ваш главный начальник по инженерно-танковой службе фронта инженер-полковник Шестаков.

Я представился.

— Садитесь, молодой человек, — сказал мне инженер-полковник Н. Н. Шестаков. — Есть серьезный разговор. Вот какое дело: мне доложили, что вы успешно окончили танкотехническое училище. Уже побыли в бою. Справляетесь с ремонтом танков в полевых условиях. Любите технику, особенно танки Т-34. — Ему, видимо, сказали о моем неравнодушии к танкам Т-34. — Учитывая все это, мы хотим поручить вам заняться и другим делом — экранировкой легких танков. Как вы на это смотрите?

Оговорка «запяться и другим делом» означала, что меня не лишают возможности продолжать работать с танками Т-34. Я тут же ответил, что дело новое, интересное и что постараюсь оправдать доверие. Только мне трудно представить, с чего начинать: ни мастерских, ни необходимого оборудования, ни специалистов здесь нет.

Шестаков улыбнулся:

— Что касается мастерских, то, говорят, для вас лично хорошей крышей во время ремонта танков является обычное небо. Его у вас много. И луна яркая. Значит, и электрического освещения не требуется. Ну, а если захочется погреться — тоже не страшно: вокруг леса.

Шуткой Шестаков давал понять, что условия, в которых придется выполнять поставленную задачу, будут сложными и рассчитывать нужно в основном на свои силы.

— Что касается сварочных агрегатов и брони... тут мы поможем, — продолжал он. И вдруг снова спросил: — Справитесь?

— Есть, буду стараться! — отчеканил я, вставая.

— Это хорошо. Только садитесь, сейчас обсудим некоторые детали. Во-первых, мы вас пошлем на неделю в Ленинград, на четвертый завод. Там вы поучитесь резать броню, ближе познакомитесь с работой сварочного агрегата. Подберите себе в батальоне пять-шесть человек, таких, которые бы могли быстро освоить новые задачи. С Ижорского завода привезете броневые листы. И начнете экранировку танков здесь, на месте. Заодно доставите в батальон с завода отремонтированные танки. Командир батальона вам поможет: людьми, автотранспортом, горючим. Трудностей у вас будет много, знаю, но, надеюсь, справитесь. Может быть, подошлю своих офицеров в помощь. Пока все ясно? — заключил Шестаков.

— Да, все понял, — ответил я.

— Тогда завтра же явитесь на завод к главному инженеру. Он в курсе дела.

К вечеру мне вручили командировочные документы, паек. Со мной должны были выехать четыре человека из батальонной ремонтной летучки: старший сержант А. Т. Ставницкий, сержант В. А. Васечкин, младший сержант И. М. Комаров и рядовой И. К. Письменников.

Я знал их как добросовестных, исполнительных и хо-

роших специалистов и был очень доволен, что командир батальона отпустил этих людей со мной.

До Ленинграда добрались «на перекладных», то есть на попутных машинах. Уже тогда испытывался недостаток горючего, поэтому выделить нам специальный автомобиль комбат был просто не в состоянии.

На заводе я быстро нашел главного инженера. Разговор с ним был короткий. Он только и сказал:

— Идите во второй цех к товарищу Мурнику. Он все устроит.

Я подумал, уж не тот ли самый И. Д. Мурник, который с ремонтной бригадой был у нас на Карельском перешейке? И действительно, это был он — теперь уже начальник цеха. Встреча была теплой. Поговорили, вспомнили первую встречу. Потом он вызвал из цеха работницу, попросил ее отвести пас в общежитие.

— Устроитесь и заходите ко мне.

Вернувшись на завод, мы нашли Мурника на сварочном участке. Здесь он познакомил нас с пожилым рабочим, которого все называли дядей Васей. «Профессор сварки», — отрекомендовал его Мурник. Так он мне и запомнился: дядя Вася — профессор сварки.

Дядя Вася снял свои брезентовые рукавицы, поздоровался.

— С чего начнем, фронтовики? — спросил он, поправляя на лбу большие защитные очки.

За нас ответил Мурник. Он показал на две недалеко лежащие от автогенного аппарата горелки и попросил сначала объяснить нам, как ими пользоваться, а затем уже показать резку металла. И тут же добавил:

— Только броневые листы поберегите, дядя Вася, пригодятся потом. Когда освоются ребята — дадите попробовать, а сейчас пусть режут вон те пластинки, — махнул он рукой на стопы пластин, лежащих у стены.

Так началась наша заводская практика. С автогенным аппаратом я познакомился еще на Харьковском тракторном заводе перед самым окончанием училища. Но это было лишь общее знакомство с резанием и свариванием брони. Оыта в этом деле я не имел никакого. Не имели никаких навыков и мои подчиненные. Об этом прямо сказали дяде Васе. Он не удивился.

— Начнем с азов, — сказал он. — А потом до главного доберемся.

В первый и второй день он не позволил ни мне, ни моим товарищам даже зажечь горелку. Сам работал. Мы же заправляли аппарат карбидом, готовили электроды, выполняли подсобные работы по разметке и прикладке броневых листов к местам сварки.

В цехе стояли три танка Т-26 и один БТ-5. Дядя Вася быстро и мастерски приваривал листы дополнительной брони. Легкие танки, конечно, становились не такими уж легкими, и для их моторов это была большая дополнительная нагрузка. Но зато их бронестойкость возрастила почти в два раза. А это было очень важно.

На третий день мы работали самостоятельно. Но танк, сделанный нами, был забракован дядей Васей. Он ударил пару раз кувалдой по приваренному броневому листу, и тот отлетел.

— За такую работу можно было бы и не давать пайка, — хмуро сказал он. — Вот, смотрите... Сплошного шва нет. А почему?..

Урок запомнился. Такая ошибка больше никогда не повторялась.

В конце недели дядя Вася пригласил нас к себе домой на чашку чаю. Мы с удовольствием согласились. Его супруга Анастасия Ивановна встретила нас приветливо. И очень радовалась, что сам-то хозяин пришел домой. Оказывается, дядя Вася целую неделю пробывал на заводе и не показывался дома.

Хозяйка быстро собрала на стол. Каждому — а нас вместе с хозяевами было семеро — поставила прибор, в тарелки налила по два небольших черпачка супу. Дядя Вася достал из сумки завернутый хлеб и несколько кусочков сахара, принес самовар.

Сели за стол.

— Может быть, Настенька, найдется у тебя что-нибудь этакое, согревающее? — обратился дядя Вася к жене.

— Сейчас, сейчас, миленькие. — И она из комода достала четвертинку и маленькие рюмочки.

Разлили. Хозяин дома предложил тост за фронтовиков, за победу. Выпили. Начали молча закусывать. Ломтики хлеба были настолько тонки и малы, что их хватало в прямом смысле слова на два укуса. Быстро справились и с супом.

Приступили к чаю. Он был крепкий, ароматный. Сахар никто из пас не взял. Мы поняли, что семья рабочего отдает нам последнее. Конечно, мы знали, что в городе нормы выдачи хлеба рабочим еще более снижены. И все же, будучи военными и получая несколько повышенную норму, мы еще не воспринимали так остро нехватку продуктов питания.

В душе стало стыдно. Стыдно за то, что уже несколько дней работали вместе с дядей Васей и ни разу не обратили внимания, как он питается. Правда, мы знали, что дядя Вася на заводе ходил в столовую. А мы поочередно приготавливали свои завтраки, обеды и ужины в общежитии.

Да, неловко мы себя чувствовали: согласились пойти в гости и не подумали о том, что своим визитом поставили семью в трудное положение.

Все это, конечно, отразилось на нашем настроении. Хозяева поняли наше смущение, но повернули дело так, будто они сами виноваты. Дескать, дядя Вася не предупредил хозяйку, и она не смогла развернуться, как подобает.

За столом дядя Вася с упоением рассказывал о своем заводе. О людях, о двух своих сыновьях, которые ушли на фронт, и с тревогой замечал, что вот, мол, уже второй месяц почему-то не пишут писем.

Мы успокаивали чету, как могли, говорили, что все обойдется хорошо, что их сыновья могут быть в пути или выполняют какое-нибудь ответственное задание.

— Да, да, — соглашался с нами дядя Вася больше для того, чтобы не расстраивать жену.

Нам предложили заночевать и утром идти вместе на работу. Видно было, что дядя Вася очень устал и ему пора отдохнуть: как-никак, а ему было под шестьдесят.

Мы искренне поблагодарили хозяев за гостеприимство, угощение и тепло рас прощались с ними.

По улице шли молча. И, не сговариваясь, повернули на завод. В цеху нас спросили, как чувствует себя дядя Вася. Товарищи знали, что он не совсем здоров, сдает сердце и только по настоянию врача он пошел домой отдохнуть. Нам же дядя Вася об этом ничего не говорил. Мы корили себя за невнимательность, нечуткость, за то, что работали вместе с человеком и ничего про него не знали.

Взялись за работу, чтобы хоть делом загладить свою вину. В цех поступило два новых танка, и мы решили к утру заэкранировать их.

Старший сержант Ставницкий, наш очередной капшевар, принес завтрак и вчерашний ужин в цех. Пришел дядя Вася. Увидев два новых танка с приваренной броней, он нахмурился и взял в руки кувалду. У нас замерло сердце. Но все обошлось благополучно. Дядя Вася улыбнулся, похвалил:

— Хорошо сработали.

Мы приготовились к завтраку, пригласили и дядю Васю. Он наотрез отказался, сославшись на то, что хорошо поел дома. Но мы-то знали, что это не так. Стали упрашивать его. Он присел. Попробовал ножом консервы. Сухари есть не стал, сказав: «Зубы не берут». Сержант Васечкин предложил размочить сухарь в чае, но дядя Вася отказался. Съел он чуть-чуть, можно сказать для виду, и поблагодарил.

— Кто еще не работал сегодня, тот и не должен много есть, — сказал он. — А вы молодцы, раз ночью сделали то, что днем должны делать.

После завтрака вместе начали заправку сварочного аппарата, чтобы приступить к экранировке очередного танка, который пригнали в цех.

К обеду Ставницкий по нашему уговору принес в цех съестные припасы с тем расчетом, чтобы такая же доля была и у дяди Васи. За приглашение он поблагодарил и, отказавшись, пошел в столовую на свой «рабочий обед». Тогда мы решили пойти на хитрость и напроситься вечером к нему на чай. Он был очень рад, прямо расцвел.

— А знаете, — сказал он, — меня бабка тоже просила вас пригласить, обещала что-то приготовить вкусное.

На этот раз с собой мы взяли все наши продукты, которые оставались от суточного рациона. И когда их выложили на кухонном столе, Анастасия Ивановна ахнула и позвала мужа. Дядя Вася разгневался и велел ей все собрать и положить обратно в вещевой мешок.

Мы решительно воспротивились. В общем, сошлись на том, чтобы друг друга не обижать и собирать стол совместными усилиями:

— Ну, разве что совместно, — согласился дядя Вася.

И на стол были поставлены блюда, приготовленные из рабочего и военного пайков. Самым вкусным был пирог

с вареньем. Как уж Анастасии Ивановне удалось приготовить, она не объяснила. Мы ели его да похваливали, хозяева в свою очередь превозносили наш солдатский харч. Особенно по душе пришелся им чай вприкуску с сахаром.

Вечер прошел весело, непринужденно. От ночевки мы отказались и в этот раз, но и в цех не пошли. Танков для экранировки больше не было, да и сутки без сна тоже давали о себе знать.

Через неделю курс нашей учебы на заводе кончился. Перед отъездом нас вызвал главный инженер. У него находился представитель Шестакова подполковник С. М. Адливанкин. Он сообщил, что батальону выделено два автогенных аппарата и электроды. А что касается танков и брони, то этот вопрос нужно решить в ремонтном отделе штаба бронетанковых войск. И ехать надо сейчас же.

Я поручил товарищам сборы, а сам с офицером поехал в штаб. Там меня представили инженер-полковнику Д. П. Кареву — начальнику отдела ремонта. Он расспросил, как прошла наука, а затем вручил распоряжение на передачу танков из 106-го танкового батальона и документы, по которым следовало получить сварочную аппаратуру и, главное, разрешение на вывоз броневых листов с Ижорского завода.

Вернулись на завод, где мы учились ремеслу, тепло попрощались с рабочими цеха, и уже к исходу дня мы добрались в Агалатово, в свой батальон.

Командир батальона был уже в курсе дела. Он только уточнил, что танки будет получать 2-я рота, а мне утром следующего дня надо выехать за сварочной аппаратурой, а через сутки — в Ижору за броней.

Сварочную аппаратуру получили за несколько минут. Поехали в Ленинград на склад, показали накладные, расписались — и дело с концом. Сложнее было с броней. От Агалатово до Ижоры на автомашине с прицепом ехать приходилось почти целый день. К вечеру приезжали на завод усталые. И рабочие, находясь на заводе круглосуточно, в постоянной опасности быть обстрелянными противником, недоедая и недосыпая, были еще более усталыми. А подъемные краны не работали. Поэтому

при погрузке броневых листов приходилось приспособливать ваги, ломики и надеяться только на свои силы. Погрузка, разумеется, проходила медленно и, главное, очень изматывала.

И так полторы недели, рейс за рейсом, без отдыха и нормального питания... Бывало, на заводе мы не заставали тех рабочих, с которыми работали вчера. Они были ранены или убиты. Многие хотели пойти на фронт, просили взять их с собой. Но в то же время мы видели, что, несмотря на лишения, холод и голод, каждый человек отдавал последние силы делу служения Родине. Рабочие жили на заводе и ночью поочередно несли вахту по его охране. Большинство из них — люди в преклонном возрасте. Молодежь ушла на фронт. Каждый из оставшихся мужественно выполнял свое дело, потому что разумом и сердцем понимал свой долг и защищал, как мы, свое родное, рабоче-крестьянское Отечество. Рабочие-ижорцы так же, как и воины на фронте, стойко переносили тяготы войны, храбро дрались с врагом, обороняя свой город. Их подвиг был примером для всего Ленинграда, который тоже превратился в город-фронт.

Закончив вывоз брони и начав экранировку танков, мы рассчитывали, что с окончанием этой работы начнутся настоящие бои по разгрому противника. Тем более до нас дошли слухи о том, что в ближайшее время войска Ленинградского и Волховского фронтов должны наступать с задачей разорвать кольцо блокады.

Но этому не суждено было сбыться так скоро. Учитывая, что противник может снова попытаться захватить Ленинград, советское командование усилило свои группировки, особенно со стороны Стрельны, Пулково, Дубровки. Наши танки Т-34 были переданы другим частям. Ушли с ними и опытные командиры, экипажи.

И на Карельском перешейке командование Ленинградским фронтом создавало многополосную, глубокую оборону. Наш 48-й танковый батальон получил задачу в краткие сроки закончить экранировку легких танков, выдвинуть их на передний край и держать в постоянной готовности на случай наступления противника.

В соответствии с поставленной задачей надо было не только продумать вопросы обороны, но и изучать вероятные направления действий наших танков. Майор Тимофеев имел опыт — в 1939/40 г. он командовал тан-

ковой ротой на Карельском перешейке. Кстати говоря, этот опыт, знание местности пригодились в октябре, когда танкистам пришлось выбивать гитлеровцев с Лемболовских высот. Бой был скоротечным и успешным. Тогда кроме самого командира батальона отличились старшие лейтенанты Коваленко и Таракенко, лейтенант Фролов, командир танка старший сержант Рябоконь, заряжающий Рахматулин, механик-водитель Ватрушкин и другие.

Опыт этого боя внимательно изучался всем личным составом батальона. Вспоминали о нем и теперь, когда надо было готовить танки к выдвижению на передний край.

Если экранировка танков не вызвала особой сложности, то установка танков на подготовленные позиции, поддержание их и экипажей в боеготовности явились трудной задачей. Дело в том, что танки из-за холода надо было периодически прогревать, на что расходовалось много бензина, а его давали все меньше и меньше. Попытались делать обваловку ходовой части, устанавливать под днищем танков печи-времянки и таким образом обогревать машины и экипажи. Но искры из труб и дым демаскировали нас. Вывели трубы не вверх, а в сторону. Другая беда — не стало тяги. Всё не топить? Экипажи за ночь замерзали. А делать разминку нельзя: местность просматривалась и простреливалась противником. Поэтому вынуждены были снова перейти на прогрев двигателей. К концу ноября бензина для этих целей не стали выдавать. Экипажам приказали зарыть танки и использовать их как постоянные долговременные артиллерийские точки.

Трудный марш. — Бои за плацдарм. — Невский пятачок. — 118-й отдельный танковый батальон. — Дерзкие вылазки. — Герои и подвиги. — Памятная переправа.

В начале декабря наш батальон должен был стать частью сил сосредоточиться в Невской Дубровке. Этот марш предстояло совершить десятью легкими танками БТ-7. Задача не из легких. Во-первых, моторы давно уже выработали межремонтный срок, то и дело отказывало электрооборудование. Во-вторых, экипажи уже несколько месяцев находились на минимальном войсковом пайке, установленном для вторых эшелонов. От постоянного недоедания некоторые члены экипажей настолько ослабли, что не могли выполнять свои обязанности. Штаб фронта дал специальное разрешение выдавать механикам-водителям продукты питания по норме, установленной для войск первого эшелона.

К маршруту подготовились быстро. Танковую роту на марше возглавлял капитан И. М. Мазур. На меня, как его заместителя, возложили организацию технического замыкания и обслуживание танков на марше. Для экономии горючего половина танков буксировалась.

Двое суток мы преодолевали 75 километров. Остановки делались часто: двигатели быстро перегревались, уставали экипажи, особенно механики-водители, хотя они поочередно подменяли друг друга. Некоторых солдат пришлось еще в пути отправить в госпиталь: сказалось голodание и перенапряжение.

Нам указали район сосредоточения в Большой Роще у бывшего бумажного комбината, что в трехстах метрах от берега Невы. Со стороны 8-й ГЭС и Арбузово противник методично вел обстрел наших войск.

Всего за одну лишь ночь танки были зарыты в землю, замаскированы. К утру вернулся комбат майор Тимофеев из штаба невской оперативной группы. Он сообщил, что батальону приказано прибывшие танки дер-

жать в боевой готовности, а подбитые на плацдарме по левому берегу Невы эвакуировать и направлять на ремонт на заводы Ленинграда.

Начали с разведки так называемого невского пятака, чтобы определить, сколько, где, в каком состоянии и каким способом можно эвакуировать танки.

В разведку можно было пойти только ночью, так как фашисты непрерывно вели заградительный огонь у Большой Рощи, у берега Невы, которую надо форсировать, и на самом пятаке.

В первую же ночь из пяти человек, посланных в разведку, не вернулись трое. Они подорвались на мине уже на обратном пути, при переходе через Неву. Терять столько людей без боя было недопустимо. Приступили к более глубокому изучению местности, расположения своих войск и противника, определению способов преодоления Невы, наиболее подходящего времени. И потерю стало меньше. Излазили вдоль и поперек весь пятак. Познакомились с солдатами и офицерами. Старожилами считались те, кто пробыл здесь всего несколько дней. Встречались и такие, в том числе и танкисты, которые могли поведать о первых героических боях на этом крохотном клочке земли.

На крутом берегу Невы, у бывшего бумажного комбината, проходили наши передовые окопы. Здесь начиналась переправа. Отсюда на левый берег Невы, на Арбузово к 8-й ГЭС и в глубь пятака уходили боевые друзья. Шли под сплошным огнем, то пригибаясь, то вперебежку, то ползком. Полуголодные, испытавшие на себе блокаду, они шли с горячим сердцем и твердой верой в победу. Шли зимой по разбитому льду Невы. Весной и летом плыли на плотах и самодельных лодках.

Из уст в уста передавались рассказы о подвигах воинов истребительного батальона капитана Мотохи, который в сентябре 1941 года не пропустил здесь фашистов, рвавшихся к Ленинграду. Мы, новички, с благоговением и гордостью слушали рассказ о том, как ночью под сильным огнем переправлялись на левый берег передовые подразделения 115-й стрелковой дивизии, за ними — батальон старшего лейтенанта Дубика, правее — батальон политрука А. М. Черного, слева — высаживалась морская пехота. К рассвету завершили переправу и вступили на землю пятака солдаты 638-го стрелкового полка. Этот полк под командованием полковника А. Е. Калашникова

совместно с частью сил 576-го полка и батальоном морской пехоты отбил несколько атак гитлеровцев. Небольшой клочок земли в районе Московской Дубровки остался в руках советских солдат. Бои не прекращались несколько суток. За солдатами 115-й стрелковой дивизии на плацдарм последовательно вводились 265, 10, 20, 86 и 168-я стрелковые дивизии, 4-я отдельная бригада морской пехоты.

В этих кровопролитных боях за плацдарм отличились и танкисты. Для них трудности усложнялись переправой через Неву. Когда река еще не замерзла, танки переправлялись по pontонам, под огнем противника. Потери были большие, однако несколько боевых машин 123-й танковой бригады переправились на пятак. В резерве командования фронта, в коркинском лесу около Колтушей, находилась остальная техника 123-й и 124-й танковых бригад. Попытка навести мост через Неву ни к чему не привела. Но и противнику не удалось сбросить нашу пехоту, усиленную танками, с невского пятака.

Обстановка на пятаке к январю 1942 года несколько улучшилась. Со стороны Волхова к невскому плацдарму пробивались войска 54-й армии, угрожая группировке противника, вышедшей к Ладожскому озеру. 55-я армия провела успешные бои за Красный Бор у Колпино. Чувствительны были удары наших войск и на тихвинском направлении.

Все это ослабило внимание врага к пятаку. Атаки на время прекратились.

В этих относительно благоприятных условиях личный состав нашего 48-го танкового батальона попытался эвакуировать с пятака подбитые танки.

Много ночей провел на пятаке в боевых порядках пехоты сам командир батальона майор Тимофеев. С риском для жизни он буквально прощупал каждую траншею, воронку, прикидывая возможные способы эвакуации танков. Комбат убедился, что своими силами мы не много сумеем сделать, и потому обратился за помощью к саперам и морякам. Вскоре саперы наморозили на льду хорошие переправы. Моряки раздобыли тросы и поплависты.

Уже в январе удалось буквально из-под носа врага вытащить шесть танков КВ. Все они находились на пейт-ральной полосе. Поэтому попасть к ним было сложно. Где по траншеям, где ползком пробирались ремонтники до танков. Делали передышку, а затем, рискуя жизнью, проникали внутрь машины через аварийные люки, а если они были закрыты, то через люки механика-водителя или командира. И уже на месте определяли степень повреждения.

Как-то я, старший сержант Ставницкий и сержант Васечкин ночью добрались до безжизненного танка. Люк механика-водителя был открыт, и Ставницкий без труда проник внутрь танка, открыл аварийный люк в днище. Мы с Васечкиным расчистили проход между катками, чтобы перетащить баллоны со сжатым воздухом для запуска двигателя, которые мы на санках-волокушах доставили из батальона. Противник, видимо, нас заметил. Открыл огонь. Переждали немного. Вроде стихло. Я занялся двигателем, а товарищи — разбитой гусеницей. При мерно через час выяснилось, что ходовая часть по всем признакам в порядке и можно попытаться завести двигатель. Конечно, шансов на успех было мало. Двигатель давно не работал, давления в баллонах явно не хватало, чтобы провернуть коленчатый вал. Решил подогреть баллоны. Отвернул трубку питания, смочил ветошь, зажег ее. От дыма и копоти чуть не задохнулись, но баллоны подогрели. Попробовал завести двигатель — ничего не получилось. Двигатель «чихнул» пару раз и смолк. Однако «чих» выдал нас. Фашисты почуяли неладное и открыли огонь по танку.

Мы легли на днище. От попаданий снарядов танк сотрясался, но броня выдерживала. Я еще раз попытался завести двигатель, открыв сразу оба баллона. Удача! Я тут же включил скорость. Танк дернулся, а двигатель, еще не разогретый, заглох. Снова попытка — опять удача! Включаю задний ход... — идет. «Газку, газку!» — кричат товарищи. Жму на педаль — танк пошел быстрее. Радость необычайная, только преждевременная. После очередного разрыва вражеского снаряда танк встряхнуло, он развернулся и замер.

Переждали, пока стих огонь. Посовещались и решили возвращаться. Однако аварийный люк полностью открыть не удалось: что-то мешало. Выбираться же через основ-

ные люки было нельзя — уже светало и гитлеровцы всех бы перестреляли.

Весь день просидели в танке. Окоченели так, что с трудом вышли из танка, а как добрались до своих — и не помню. Фельдшер только ахнул: у нас были сильно обморожены пальцы ног. Медицина и молодость сделали свое дело: через неделю мы снова приступили к эвакуации, теперь уже по новому методу — с применением троек и полиспастов. Большим мастером в этом оказался капитан-лейтенант Захаров. Он лично обучал танкистов, как устраивать тросовые связи пятака с правым берегом и эвакуировать танки.

Эвакуация выглядела так. На правом берегу находился исправный танк-буксир. От него тянулся трос через Неву, который проходил несколько полиспастов на необходимых поворотах и крепился к поврежденному танку. Тягач трогался, и на виду у всех танк двигался по пятаку, через Неву и на правый берег, где его подхватывали другие тягачи и прятали в Большую Рощу.

Не всегда, конечно, проходило так гладко. Отдельные танки приходилось эвакуировать в течение нескольких ночей. Рвались тросы, танкисты несли потери от сплошного огня, но танки все же уходили на правый берег. К февралю перетащили девять КВ, которые можно было после ремонта снова поставить в строй.

Наш 48-й танковый батальон вновь претерпел изменения. За счет его личного состава, находящегося в Невской Дубровке, был сформирован 118-й отдельный танковый батальон. На него возложили эвакуацию поврежденных танков, передали личный состав танков, находившихся на пятаке.

И. Ф. Тимофеева — опытного, боевого командира — отзовали на Большую землю и назначили с повышением. Долго мы ничего не слышали о нем — фронтовые дороги развели нас далеко. Уже после войны узнал, что полковник Тимофеев командовал танковыми частями, дошел до Берлина. А встретились лишь спустя тридцать лет, случайно, хотя и искали друг друга все эти годы, не подозревая, что живем и работаем почти рядом.

Командиром батальона после Тимофеева стал его заместитель майор С. Ф. Семеркин. Прибыл новый комис-

сар — майор В. С. Колибердин. Меня назначили заместителем командира батальона по технической части.

Конечно, танковый батальон это такое небольшое подразделение, в котором своих ремонтно-эвакуационных средств почти не было. Только в отдельном батальоне имелась одна ремонтная летучка типа «А», да и то без токарного оборудования. Все это вынуждало инженерно-технический состав батальона и рот, входящих в его состав, опираться в работе главным образом на механиков-водителей, офицеров-танкистов, воинов, знающих материальную часть танка. Разумеется, хотелось бы иметь в своем распоряжении специальные ремонтные средства. С другой стороны, нельзя такие малые подразделения обременять громоздкими ремонтными тылами. И это было понятно каждому из нас.

Для облегчения своей работы инженерно-технический состав подразделений искал, находил и использовал различные мастерские, агрегаты, материалы, которые были брошены и не имели своих хозяев. Так было и здесь, в Невской Дубровке. В разрушенном бумажном комбинате мы разыскали различные приспособления, станки, проволоку, жесть и многое другое, что использовалось для ремонта боевых машин. Кое-что из переносного оборудования и материалов привозили из Ленинграда. Поэтому уже в феврале 1942 года мы смогли соорудить небольшие мастерские, аккумуляторную, создать склад горючего и необходимых технических средств и оборудования.

Вот с кадрами было тяжело. Квалифицированных специалистов у меня было мало. Вообще штат небольшой, всего несколько человек: аккумуляторщик, он же шофер, рядовой И. К. Письменников, заведующий техническим складом, а затем механик-водитель младший сержант Н. Е. Колодий, заведующий складом горючего сержант В. П. Федулов, ремонтники старший сержант А. Т. Ставницкий, младший сержант И. М. Комаров и сержант В. А. Васечкин и завделопроизводством сержант А. И. Куллинович. Моим помощником по ремонту и снабжению был техник-лейтенант Р. М. Оганесов. Вот и весь аппарат технической части 118-го отдельного танкового батальона. В ротах же у заместителей командиров по технической части никого не было.

Сама обстановка вынуждала нас проявлять инициативу, находить такие пути, которые позволяли бы справ-

ляться с большим объемом работ. Все делали сообща, распределяли между собой задачи, исходя из их сложности, а также взаимных возможностей. Расскажу о некоторых, наиболее запомнившихся мне эпизодах этой совместной работы.

Я уже отмечал, что в батальоне была создана вполне спосная материально-техническая база. Причем следует заметить, что такое «капитальное» устройство в этом районе диктовалось обстановкой. Командование и весь личный состав 118-го батальона поняли, что здесь придется находиться столько, сколько потребуется для достижения победы на этом участке фронта. Кроме того, находясь, по существу, в первом эшелоне, мы должны были выполнять двуединую задачу: активно обороняться и продолжать работу по эвакуации, ремонту танков и укомплектованию ими батальона.

Все это заставило и меня, как ответственного за инженерно-техническую часть, устраиваться как следует и надолго.

Вначале занялись аккумуляторной. И вот почему. На северном берегу в районе расположения батальона аккумуляторы находились только в дежурных танках. Чтобы сохранить и не разморозить аккумуляторы на остальных танках, мы их снимали и держали в теплом помещении — специально построенной для этого землянке. Когда же начали проверять аккумуляторы, то в некоторых из них обнаружили сильную сульфатацию. Необходим ремонт, а новых пластин, кислоты и дистиллированной воды не было. Не было также и зарядного агрегата.

Прошло больше недели, пока все удалось найти: что на складах невской оперативной группы, а что в Ленинграде, на заводах. Другое, не менее важное, дело — научить людей ремонтировать аккумуляторы и подзаряжать их. С техником-лейтенантом Оганесовым это мы взяли на себя. Вскоре ремонт и зарядку аккумуляторов начал самостоятельно выполнять вначале рядовой Письменников, а затем и младший сержант Комаров. В дальнейшем Комаров так наспециализировался, что сам «гнал» дистиллиированную воду и перебирал аккумуляторы. Для перегонки воды в дистиллат он сконструировал даже аппарат. Это помогло в течение месяца значительно улучшить состояние аккумуляторного парка. Мне было при-

ято, что кое-кто из техников нашего соседа — 86-го отдельного танкового батальона — приходил перенимать опыт.

Удалось, хотя и не без трудностей, оборудовать в землянках две мастерские: моторосборочную и слесарную. Затем по приказу командира батальона они были расширены и дооборудованы с таким расчетом, чтобы в них проводить занятия с экипажами по ремонту и обслуживанию танков. Это особенно было важно в связи с постоянным обновлением личного состава. Потери батальон нес немалые.

К слову скажу, что в каждой роте создавались огневые классы и ленинские комнаты (разумеется, в землянках). И это было очень правильно. Возвращаясь из боевого охранения или после выполнения задачи по эвакуации, воины шли в теплую землянку, где могли отдохнуть, позаниматься. А жизнь фронтовая в условиях блокады, прямо скажем, очень нелегкая.

...В ночь на 7 января 1942 года уходил в боевое охранение взвод лейтенанта Н. А. Опрышко. С ним были командиры орудий замполитрук И. И. Саблин, сержант Н. М. Шлемин, башенные стрелки младший сержант М. И. Скиба, сержанты Н. С. Семенов и Н. В. Хаптагаев. Вместе с ними уходила и техническая группа заместиеля командира роты по техчасти старшего техника-лейтенанта А. Я. Кумаченко в составе четырех механиков-водителей (старшин М. З. Бордзиловского, М. С. Сальникова, Н. А. Белова, К. П. Андреева) и ремонтника сержанта В. А. Васечкина.

Взвод взял с собой снаряженные диски для танковых пулеметов, четыре ящика танковых боеприпасов, продовольствие на сутки, подзаряженные аккумуляторы, инструмент и необходимые запасные части для ремонта танков.

С наступлением темноты танкисты, одетые в масхалаты, цепочкой, соблюдая дистанцию между собой, подошли к Неве. Здесь необходимо отметить, что смена боевого охранения — самая опасная операция. И потери самые большие мы несли именно при смене боевого охранения. Ведь приходилось добираться до танков и траншей по голому месту, на виду у противника. Гитлеровцы зна-

ли о смене боевого охранения и, как мы ни пытались изменить время смены, обнаруживали советских воинов. Чтобы избежать потерь, перебирались на пятакоч с величайшей осторожностью.

У берега реки все залегли. На санки-волокуши, на которых лежал груз, набросали снег и потянули их за собой. Делали это пары, расположенные друг от друга на 20—30 метров. Причем перемещались пары по очереди в строгом порядке.

Подтянувшись к берегу, лейтенант Н. А. Опрышко условленным сигналом связался с постом на другом берегу. С той стороны мигнуло. Значит, с пятакча никто не возвращается и нашей группе можно выходить на лед Невы.

Также организованно, в шахматном порядке преодолевалась река. Минуту-две ползти, минуту-две лежать. Этот ритм поддерживался автоматически, по количеству вдохов. На часы, конечно, никто не смотрел. Ритм выработался на горьком опыте. Попытались как-то быстрее преодолеть Неву, забыли о маскировке и понесли большие потери.

Почти час преодолевалась Нева по льду, хотя ширина ее была около 350—400 метров! Но и это еще не все. Надо выбраться на берег, преодолеть еще 600—1000 метров, чтобы добраться до позиций танков.

И так почти каждый день в течение многих месяцев. Какое мужество, стойкость, волю нужно было иметь, чтобы в таких неимоверно трудных условиях спокойно и до конца выполнять свой солдатский долг!

На общее моральное состояние влияло и то, что вместе с бойцами всегда находились офицеры, партийные и комсомольские работники. В нашем батальоне было твердо заведено, что независимо от занимаемой должности и кроме выполнения других задач каждый офицер обязан периодически бывать на «том берегу». В боевое охранение ходили командир батальона и комиссар Колибердин, офицеры штаба, все командиры роты и их заместители. Мне, например, довелось несколько разходить в боевое охранение с политруком роты старшим лейтенантом В. П. Ворониным.

Установленный порядок совместного несения боевой службы сближал рядовых и командиров, сплачивал коллектив. У нас не возникало вопроса о тяжести и легкости

службы для какой-то категории военнослужащих. Для всех она была одинаково сложной и ответственной.

Непосредственно на пятаке бывало по-разному. Случались ночи и дни спокойные, когда все ограничивалось наблюдением. Однако чаще всего обстановка была накаленной до предела, и боевое дежурство продолжалось по несколько суток. Кстати, в тот раз лейтенант Н. А. Опрышко со своей группой не выходил из танков четверо суток. А на пятые с частью людей пошел в рукопашную схватку, чтобы помочь пехоте восстановить положение, отбить траншею, в которую ворвался противник. Самого ранило, пятерых убило. Лишь на шестые сутки он был сменен старшим лейтенантом А. В. Галкиным.

Водили смены на пятакоч капитан В. Т. Волошин, капитан Н. И. Лобанов, старший лейтенант Б. С. Тарасенко, воентехник 2 ранга И. К. Лаптев, лейтенант С. П. Таран и другие.

Каждый из них был по-своему смел, дерзок и геройски выполнял поставленную задачу.

Лейтенант Н. А. Опрышко настолько изучил местность, бывая в боевом охранении, что, когда ему пришлось впоследствии наступать, он мог бы с закрытыми глазами идти на противника. А желание быстрее разгромить противника настолько было огромным, что он, будучи уже смертельно раненным, все просил двигаться только вперед и быстрее, быстрее...

Старшего лейтенанта А. В. Галкина мы называли «паш добрый усач» за добродушную улыбку и черные как смоль усы. Он делил все пополам с экипажем: и хлеб, и соль, и обязанности башенного, механика-водителя, радиста. Он все умел. Подчиненные его любили, смело шли за ним. И когда Галкина ранило, его вынесли на руках и перевезли на северный берег Невы. После выздоровления он был назначен начальником штаба батальона вместо капитана Н. И. Лобанова, убывшего на повышение.

С капитаном Лобановым было жаль расставаться. По возрасту он был старше нас и по опыту выше. Дело свое знал так, что казалось, он родился штабным работником. Таким запомнился капитан Н. И. Лобанов, начальник штаба сначала 48-го, а затем 118-го танкового батальона.

Капитан М. Д. Кононов по характеру неразговорчивый и дотошный человек. Сначала сам проверит, продумает, поставит себя на место подчиненного, а уже потом

ставит задачу. Таким он остался и когда стал командовать батальоном. О его умении вести бой, личной смелости мы не раз читали во фронтовой газете. И особенно порадовались, когда узнали, что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Это случилось в Польше в январе 1945 года. Шли упорные, кровопролитные бои на магнушевском плацдарме. 220-я танковая бригада, в которой Михаил Дмитриевич командовал 1-м танковым батальоном, имела задачу прорвать оборону противника и с ходу форсировать реку Пилиус. При подходе к реке батальон Кононова был контратакован превосходящими силами противника. Несмотря на очень трудную обстановку, Михаил Дмитриевич спокойно и хладнокровно руководил боем. Он принял решение огнем с места нанести фашистам удар, а затем стремительной атакой завершить их разгром. Благодаря мастерству комбата и мужеству его танкистов противник, понеся большие потери, отошел. Бригада прорвалась к реке, с ходу форсировала ее и удерживала переправу до подхода главных сил.

За умелое и мужественное руководство боем при прорыве обороны противника, форсирование реки и захват станции Сквернице, являвшейся базой снабжения врага на этом направлении, М. Д. Кононову и было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Навсегда мне запомнился и старший лейтенант В. П. Воронин, заместитель командира роты по политической части, которого подчиненные называли «паш комиссар». Отзывчивый, принципиальный офицер. За любого заступится, если тот прав, каждому поможет. И на чистую воду выведет того, кто хоть мало-мальски покривит душой. К себе, как и ко всем, был требователен. В боевое охранение ходил добровольно, хотя мог остаться на северном берегу.

С воентехником 2 ранга И. К. Лаптевым, начальником боевого питания и моим боевым другом, на пятакочок всегда ходили вместе. Не перечесть, сколько он сам отремонтировал пушек и пулеметов под огнем противника. Мы с ним все делили пополам: и опасности, и радости. Оба мечтали после войны написать книгу о танкистах. Но не дожил он до победы.

Лейтенант С. П. Таран — человек редкого спокойствия и хладнокровия. Какая бы ни была обстановка, с

его лица не сходила улыбка. Его, казалось, ничуть не беспокоит огонь противника. И даже тогда, когда подожгли его танк, Таран стрелял из пушки до последней возможности.

В батальоне все люди были мужественными и отважными. Но и среди них некоторые выделялись своей смелостью. В число таких входил и старший лейтенант Л. С. Кацман. Особенno его морально-боевые качества проявились в последнем бою, когда он повел свой танк прямо на орудие противника, раздавил его, однако вторая вражеская пушка остановила героя.

Нельзя не сказать доброго слова и об офицерах специалистах: военфельдшере Хаджи Мурате Анна Ших, старшем лейтенанте интендантской службы А. А. Чистове, технике-лейтенанте К. Ф. Сохань.

Хаджи Мурат Анна Ших был маленького роста, но он лично сам вытащил с поля боя на палатке и на волокушах десятки раненых людей, спас им жизнь. Еще большему количеству людей он оказал своевременную медицинскую помощь. «И как только в нем находились силы и мужество?» — удивлялись мы. Он всегда появлялся в нужный момент, не считаясь с опасностью, приходил на помощь всем, кто в этом нуждался. Кстати, это он, по существу, спас жизнь военинженеру 3 ранга Г. М. Белову, заместителю командира соседнего танкового полка по техчасти. Того самого полка, где я получал танки в первую неделю войны. Полк из военного городка убыл тогда в Алакуртти, а потом пришел в Невскую Дубровку. Танки этого полка стояли теперь также на пятаке, и мы объединенными усилиями эвакуировали подбитые машины на правый берег. Белов ремонтировал танк под огнем противника и был ранен. Спас его Хаджи Мурат. Забегая вперед, скажу, что Хаджи Мурат прошел всю войну и вернулся домой живым и здоровым.

Заместителя командира батальона по тылу старшего лейтенанта А. А. Чистова любили как доброго хозяйственника и боевого командира. С дополнительной махоркой он приходил на боевое дежурство и раздавал ее бойцам. Где ее брал — никто не знал. Много изобретательности проявлял в приготовлении «витаминного чая», в том числе из хвои. А сколько раз он сам возглавлял группу подносчиков пищи на пятаке! Он постоянно заботился, чтобы пища доставлялась воинам своевременно и в пол-

ном объеме. А это было очень важно. Хотя мы и получали фронтовой паек, однако жили впроголодь.

Обо всех не рассказать. Вот еще один бой, подробности которого мне напомнил подполковник запаса Н. С. Семенов, бывший сержант нашего батальона, с которым мы встретились в Москве в 1971 году.

В ночь на 23 февраля около двух десятков гитлеровских автоматчиков попытались захватить танк КВ № 5212, находившийся против рощи Фигурная в 20—25 метрах от их окопов. В танке дежурили сержант Н. С. Семенов и младший сержант А. М. Еропкин. Воспользовавшись разбушевавшейся пургой, фашисты подползли к танку и пытались поджечь его гранатами.

Поскольку танк горел ранее, и все, что воспламенялось, уже сгорело, то из этой затеи ничего не получилось. Советские танкисты решили не подавать признаков жизни. Фашисты осмелились, подошли ближе, даже кричали «Иван, капут!», «Иван, капут!». Тогда сержант Семенов внезапно открыл огонь из лобового пулемета, а младший сержант А. М. Еропкин через люк башни бросил несколько гранат.

Наши пехотинцы также открыли огонь, чтобы отогнать фашистов от танка. Мало кто из вражеских солдат сумел спастись. Так что сюрприза у них не получилось.

В памяти остался механик-водитель старшина И. К. Репкин, который не расставался со своим танком. Когда танк подбивали, он сам его эвакуировал, участвовал в ремонте и снова отправлялся на боевое дежурство.

Механик-водитель сержант И. П. Аверкин, комсорг роты, неунывающий весельчак, «баянист на все клавиши», как мы его прозвали, сам вызвался переправляться на отремонтированном танке через Неву в составе взвода старшего лейтенанта Т. Г. Шмарина. Свой любимый баян пристроил за сиденьем. При проверке я спросил, зачем он берет с собой баян, который будет только мешать. Аверкин ответил:

— На пятачке много наших солдат, и музыка, песня там пригодятся.

Но не удалось сыграть Аверкину на пятачке. Этот танк с ходу вступил в бой, был подбит, и ушел из жизни наш отважный сержант.

По приказу комбата я обеспечивал выход четырех танков на пятачок. Под покровом ночи танки удалось переправить, как говорится, в целости и сохранности. Я ушел с первым. Противник сильно обстреливал переправу. Экипажи находились в танках, а я с саперами на берегу встречал каждый танк, чтобы показывать, куда ему двигаться. Потери несли, в основном, саперы, которым некуда было скрыться.

Несмотря ни на что, четыре танка переправились и с рассветом вместе с пехотой пошли в атаку, с ходу ворвались в первую траншею противника. Танк старшего лейтенанта Т. Г. Шмарина сумел даже углубиться несколько в оборону врага. Однако его успех не могли поддержать остальные: три танка были подбиты, отстала пехота. Вскоре загорелся и танк старшего лейтенанта Т. Г. Шмарина. Из башни выскочил командир, пробежал немного и упал. Я кинулся к нему, оттащил в траншею. Шмарина контузило. Он держался за голову и что-то непонятное говорил. А танк пыпал как факел.

Об этой переправе рассказывает также автор книги «От Невы до Эльбы» генерал С. Н. Борщев. В описании есть неточности, и мне хотелось бы внести ясность относительно этого эпизода.

Генерал Борщев был тогда начальником штаба соседней 168-й дивизии. Он видел переправу этих четырех танков и кто-то ему сказал, что с боевыми машинами был и я в качестве командира взвода. Это не так. Командиром взвода был старший лейтенант Т. Г. Шмарин, который в этом бою получил контузию и легкое ранение. Погиб же он геройски в другом бою.

Тогда же, после переправы взвода Шмарина и боя, в котором все его четыре танка были подбиты, события развивались следующим образом. К нам в траншею спрыгнули три танкиста из взвода лейтенанта Опрышко. Пока оказывали помощь Шмарину, противник усилил огонь, и мы оказались отрезанными от своих.

Дважды гитлеровцы предпринимали атаку в центре пятачка, но откатывали назад, встретив организованное сопротивление наших пехотинцев. Тогда противник попытался наступать на флангах вдоль берега.

К этому моменту через Неву переправилось несколько танков под командованием старшего лейтенанта А. В. Галкина. На них и наткнулся противник. Галкин находился

в невыгодном положении. Не так-то просто было развернуться на узкой прибрежной полоске. Однако танкисты справились с задачей и отогнали противника. Правда, при совершении маневра два танка все же «нырнули» чуть ли не по башню — видимо, попали в прибрежные ямы или воронки от снарядов.

За это время я подобрался к подбитому танку лейтенанта М. А. Фролова. Сам лейтенант и механик-водитель были тяжело ранены. Вскоре к нам подполз капитан И. М. Мазур, раненный в ногу. Комбинезон на нем обгорел. Экипаж, как он доложил, погиб полностью.

Положение было критическим. К счастью, группа наших пехотинцев продвинулась вперед и закрепилась. Бой вроде стих. Но разобраться что к чему было невозможно. Что-то надо было предпринимать. Через аварийный люк я вылез из танка и увидел рядом нашего автоматчика. Подполз к нему, спросил, из какого он подразделения.

— Красновец, — ответил он (это означало, что он из дивизии генерала Краснова).

Прилег возле него в воронке. Автоматчик чуть посторонился, чтобы мне лучше устроиться. Разговорились. Оказалось, что он почти земляк, из-под Киева. Сердце защемило. Вспомнились родители, родная деревня, Украина... Подумалось и о том, что там пока хозяйничают фашисты...

Солдат разоткровенничался.

— Вот гад фашист, куда добрался, — сказал он. — Погибнешь, и родные не узнают даже где. А за что погибну-то? — спрашивал как бы сам себя солдат, хотя вроде и обращался ко мне. — Виноват-то он же, фашист, а не я, — продолжал рассуждать солдат. — Это он должен погибнуть. Он к нам пришел, а не мы к нему. Вот и обидно получается. Виноватый, а убивает невиноватых. Это несправедливо. Вот я и считаю, что нужно больше их, фашистов, убивать. Так я говорю или нет?

— Очень даже так, — подтвердил я.

— Ну, а раз так, то будем держаться вместе. Авось и не убьют нас, — сказал солдат.

Засвистела мина, грохнул рядом взрыв. Мой сосед ойкнул, схватился за ногу. Я пригнулся над ним. Вторая мина разорвалась в стороне. Солдат подтянул к себе ногу, залитую кровью. Я снял свой ремень, перетянул им ногу, потом достал из его противогазной сумки полотенце и

пакрепко перевязал рану. Солдат молча переносил боль. Потом устроился поудобней, изготовил автомат к стрельбе. Медицинской сестры здесь, конечно, не было. Предложил солдату отползти под танк. Он наотрез отказался. Так мы пролежали до темноты.

Вечером ко мне подполз старший лейтенант Шмарин и сообщил, что наши тяжелораненые скончались. Там сейчас комбат майор Семеркин. Вызывает к себе.

Майор рассказал, что на берегу ни одного «живого» танка не осталось. Гитлеровцы на нашем участке кос-где вышли к берегу Невы. Танкистам в ночь приказали вернуться на свой берег, взять остальные три танка, которые были еще в ремонте и без экипажей, а с рассветом вместе с пехотой отбить у врага захваченный участок пятака. Однако приказ был выполнен чуть позже. В течение следующего дня шла артиллерийская и пулеметная дуэль. Только в ночь на вторые сутки удалось выбить прорвавшуюся группу фашистов и восстановить положение.

Непредвиденное осложнение. — Заводская планерка. — На металлическом. — Бригада Ирины Булыгиной. — Командиры производства. — Все для фронта! — Рабочее место — передний край. — Испытание... водой.

Надо было доставить на 27-й ремонтный завод эвакуированные с пятака танки и получить на заводе отремонтированные. Предполагали сначала подать железнодорожные платформы в район Манушкино. Однако ничего из этого не получилось. Крана не было, а без него танк невозможно было поставить на платформу. Кроме того, противник систематически обстреливал район погрузки. Остановились на сложном, но проверенном способе — буксировке. Путь от Невы до завода занимал трое суток. Больше 8—10 км в сутки пройти не удавалось. Первый рейс оказался особенно длительным, так как я точно не знал, где расположен этот завод. Слышал, что где-то возле мельницы имени Ленина. Добравшись до Ржевки, решил спросить, как попасть к этой мельнице.

Было раннее утро. На улицах — ни души. Отойдя метров пятьсот от танка, встретил женщину. На ней была юбка, надетая поверх брюк, мужское пальто. На ногах — самодельные сапоги из одеяла, чем-то напоминающие унты.

Мой вопрос, казалось, ее удивил. Она внимательно посмотрела на меня, помолчала, потом тихо сказала:

— Пойдемте, я покажу.

Шли минут двадцать. Я видел, что женщина было нелегко. Она тяжело дышала, то и дело поправляя у рта повязку, вокруг которой клубился пар, часто оглядывалась, словно хотела убедиться, иду ли я за ней. За всю дорогу мы не произнесли ни слова.

Наконец женщина повернула к угловому дому, поднявшись на крыльце и скрылась за дверью. Я в недоумении постоял минуту-две, потом толкнул дверь и вошел в коридор. Меня тут же окружили женщины, одетые в военную

форму. Та, которая привела меня, указала на меня пальцем:

— Это он. Спрашивал, где мельница Ленина.

Меня провели в другую комнату, у дверей которой стояла женщина с винтовкой. Здесь мне учинили настоящий допрос: откуда я, почему интересуюсь мельницей имени Ленина? Я объяснил, что эвакуирую подбитые танки на завод.

Зазвонил телефон. Женщина, будто ждала звонка, быстро сняла трубку.

— Слушаю... Да, я... Он здесь... Жду.

Не понимая в чем дело, я спросил:

— Что все это значит?

— Вы посидите немного, скоро все выяснится, — ответила она.

Я понял, что спрашивать что-либо бесполезно. В тепле натопленной комнате разморило, и я не заметил, как уснул. Проснулся от ощущимого толчка. Открыл глаза и увидел, что передо мной стоят офицер и два солдата.

— Идемте, — скомандовал офицер.

— Куда? — спрашивала я.

— Там увидите.

Я начал объяснять, что уйти не могу, потому что недалеко отсюда находятся мои подчиненные и ждут меня.

— Во всем разберемся, а сейчас пошли, — требовательно сказал офицер.

Шли долго. В вестибюле какого-то здания (я уже не помню, на какой улице) меня усадили на лавку возле часового.

Минут тридцать просидел, пока вызвали в кабинет. За столом сидел в накинутой на плечи шинели седой уставший военный с одной шпалой на петлице. Говорил он негромко. Прежде всего спросил, кто дал мне адрес мельницы имени Ленина и с какой целью я туда направляюсь. Я объяснил, что адрес мельницы дали в штабе батальона как ориентир, по которому я найду завод, куда буксирую подбитый танк на ремонт.

Начальник и офицер, который привел меня, переглянулись.

— Вы можете проверить, — добавил я. — Танк и люди у Ржевки.

— Хорошо, — ответил начальник. — Вы в другой комнате отдохните, а мы быстро все выясним.

Но пробыть в том доме пришлось долго. Ругал себя на чем свет стоит за то, что доверился первой встречной, которая, видимо, что-то наплела на меня, а теперь вот сижу здесь и не знаю, чем вся эта непонятная история кончится. А что думает обо мне экипаж — так и представить страшно.

Часа через два снова вызвали. В комнате кроме двух уже знакомых мне офицеров был и сержант Коротков, механик-водитель. Он с радостью кинулся мне навстречу.

Затем произошло объяснение. Начальник зачитал лежащий на столе рапорт, в котором говорилось, что команда МПВО задержала внушающего подозрение старшего лейтенанта, который пытался пробраться на мельницу имени Ленина с неизвестной целью.

— Вы, товарищ старший лейтенант, не обижайтесь. Мы здесь частенько вылавливаем ракетчиков, которые по ночам подают сигналы фашистским самолетам, указывая на заводы и склады. А мельница имени Ленина пока единственная в целости. Только она и дает для ленинградцев муку... Женщина, к которой вы обратились, заподозрила вас, ей показалось, что вы или ракетчик, или лазутчик. Вот и задержали вас...

Теперь-то наконец я понял, в какую историю попал. Начальник, как бы сглаживая неприятное впечатление, угостил нас кипятком и подробно рассказал, как проехать к заводу.

Лишь к вечеру попали на завод. У ворот нас встретил главный инженер завода А. Ф. Пехотин. Он откуда-то уже знал о случившемся и, успокаивая, сказал:

— Вот туда посмотрите, через улицу. Это и есть мельница имени Ленина.

Экипаж нашего танка, как по команде, повернулся, чтобы глянуть на мельницу, которую, кстати, мы видели, когда повернули с набережной Охты к заводу.

Танк по просьбе главного инженера сразу втянули в цех. Здание было сильно повреждено — в потолке зияли огромные дыры. Люди работали. Я насчитал четыре танка, стоявших на ремонте.

К нам подошли двое рабочих. Поздоровались и спросили, есть ли дефектная ведомость.

— Нет, — ответил я.

— Тогда придется самим разбираться. Помогите.
Мы, конечно, согласились.

К утру составили дефектную ведомость. На листке бумаги написали, что неисправно, что можно сделать своими силами, какие требуются запасные части. Главный инженер спросил, кто может из экипажа оставаться для ремонта танка. Я ответил, что это экипаж танка-тягача, что всем нам приказано вернуться обратно, чтобы доставить остальные поврежденные танки.

Подъехал представитель ремонтного отдела бронетанкового управления фронта и передал главному инженеру указание Военного совета фронта снарядить группу ремонтников и на другой день направить ее в Дубровку. Казалось, что заводу ничего не стоит выделить группу рабочих. Однако — и я в этом скоро убедился — дело это в то время было трудным. Этот вопрос обсуждался на очередной планерке, на которой присутствовал и я.

Планерку проводили ежедневно, утром и вечером, приурочивая к сменам. А то и днем, если возникали какие-то экстренные и неотложные вопросы.

Вот на такую планерку и пригласил меня начальник завода инженер-полковник А. С. Хопров.

Планерка началась с уточнения, кто жив, здоров, прибыл или не прибыл на завод, как будет организовано питание смены, обогрев и медицинское обслуживание рабочих. Первым докладывал начальник цеха Н. И. Абрамов, он же временно исполнял обязанности секретаря парткома завода. Он сообщил, что за ночь с завода увезли шесть человек. Уточнений не требовалось. Все понимали, что он говорит о тех, кто умер.

— На квартирах, — продолжал он, — не стало десяти детей, родители которых работали на заводе, и двенадцати пожилых — матерей и отцов рабочих. Плохо с обогревом. Дров для печек-времянок осталось на одни сутки. С теплой одеждой дело исправилось. Рабочие принесли из дома все, что имелось, и сами раздают крайне нуждающимся. В первом цехе необходимо поставить две печки для постоянного подогрева воды, а также выделить специального человека, который не только кипятил бы воду, но и подносил кипяток прямо к рабочим местам, — некоторые не имеют сил, чтобы сходить за кипятком. Может быть, следует и пищу подносить к танкам, потому что на хождение теряется много времени и сил, да и в столовой

холодно. Жалоб со стороны рабочих нет, — заключил Абрамов.

Выслушав доклад, начальник завода попросил желающих высказаться.

Поднялся один из присутствующих рабочих — М. Я. Давыдов.

— Все, что было доложено здесь, это так, — сказал он. — Но, я думаю, что сегодня мы еще справимся с задачей и специально выделять человека, чтобы кипятить воду, не нужно. У нас в цехе шесть танков, их надо быстрее выпустить. Поэтому я предлагаю в каждой бригаде поочередно выделять людей для этого дела. Что касается подноса пищи, то это нужное дело, и поручить его надо мойщикам. Они все равно водой не могут детали отмыть. Будем сами мыть, так как при съемке двигателей и ремонте топливной аппаратуры можно найти немного дизельного топлива и использовать его для очистки деталей. Но нужно где-то раздобыть ветошь.

С предложениями Давыдова все согласились. Но где взять ветошь? Казалось бы, пустяковое дело, но в то время это была действительно проблема. Главный инженер предложил вместо ветоши использовать пока архивные документы эвакуированного завода: учетные ведомости, заявки и т. д. Кроме того, он обещал связаться с текстильной фабрикой и со штабом бронетанковых войск и выяснить, смогут ли они помочь заводу.

А. С. Хопров завел разговор о дровах. В районе Ржевки на дрова разбирали деревянные дома, однако привезти их на завод было не на чем.

— Может быть, нам помогут фронтовики? — обратился Хопров ко мне.

Я согласился на нашей грузовой машине в течение дня подвозить дрова на завод.

Обсудили еще два вопроса: об усилении питания для ослабевших рабочих и о выделении людей для обхода квартир больных и нуждающихся в помощи.

Начальник завода доложил, что дополнительных пайков нет, а пайки умерших взяты на учет и распределяются в общем порядке. Было решено, что каждая бригада в добровольном порядке и по своему усмотрению будет помогать продуктами тем, кто находится на грани полного истощения. Короче говоря, делиться с товарищами своими и без того скучными пайками.

Организацию обхода квартир и оказание помощи больным взяла на себя член парткома Г. И. Иванова. Она сообщила также, что отряды местной противовоздушной обороны района со вчерашнего дня взяли на себя эту дополнительную обязанность.

На планерке обсудили новую расстановку специалистов по участкам работы в связи с потерей людей.

Хотя вопросов поднималось много, решались они быстро и по-деловому. Кроме дров на наш экипаж возложили еще одну задачу: доставку двигателей с Кировского завода.

В конце планерки начальник завода сообщил последние известия и подчеркнул, что танки, которые ремонтируются на заводе, очень нужны на фронте.

— Будут танки, — ответили рабочие.

После планерки главный инженер снабдил меня необходимыми документами, и я поехал на Кировский завод получать двигатели. Там меня уже ждал военпред инженер-майор А. Ф. Волков. Он сразу повел меня в цех, где ремонтировались моторы.

Обстановка в цехе была примерно такая же, как и на 27-м ремонтном заводе. Только мне показалось, что здесь на потолке зияло больше пробоин от снарядов. Да и в самом деле. Кировский завод находился совсем рядом с передним краем и чаще подвергался обстрелу. Но люди, как и на 27-м заводе, спокойно трудились на своих рабочих местах, не считаясь ни со временем, ни с силами, ни с бомбежками.

Когда погрузили два двигателя в автомобиль, рабочие пригласили меня к печке-времянке на перекур, стали расспрашивать, откуда приехал, как на фронте, как ведут себя в бою отремонтированные ими двигатели. Предложили закурить либо попить чайку. Я не курил, а чайку попробовал, как говорится, с «таком», то есть без сахара. Кто-то невесело пошутил: сахар, мол, это углеводы, которые пожилому человеку уже вредны. Действительно, среди рабочих не было молодых.

Прихлебывая кипяток, подумал, чем бы отблагодарить рабочих за их внимание. Пшел к своему водителю (он был курильщик), попросил у него в долг пачку махорки, вернулся и угостил рабочих фронтовым табачком.

Беседуя с рабочими, я рассказал им о последних боях в Невской Дубровке, похвалил ремонт двигателей — все они работают отлично.

— А нельзя ли и нам на фронт? Хочется по-настоящему повоевать, — спросил меня седоусый рабочий.

Что я мог ответить? Прав у меня таких не было, чтобы зачислять в часть. Да и не в этом дело. Я чувствовал, что рабочие завидуют нам, фронтовикам, которые, как они считали, делали главное дело — воевали с врагом.

— Отец, — говорю, — вот я второй раз на вашем заводе и вижу, что здесь вы больше воюете, чем мы. Нам ведь в Дубровке проще: надо наступать — садимся в танк, смотрим, где противник, — и вперед. И паек у нас лучше. В землянках тепло... Вам здесь намного тяжелее, и здесь, я думаю, больше настоящего боя.

Глубоко убежден, что ленинградским рабочим было гораздо труднее, чем фронтовикам. Как и на переднем крае, они постоянно рисковали своей жизнью — противник методически обстреливал город, а куда попадет снаряд, удастся ли уцелеть, никто не знал. Враг стрелял издалека тяжелыми снарядами... Нас, солдат, кормили, одевали, вооружали. А рабочий должен был заботиться сам о себе: питание, одежда, отопление, передвижение к дому и обратно на завод — все ложилось на его плечи. И все же рабочие считали, что настоящее, большое дело там, на передовой, где решалась судьба города, Родины.

Мы договорились о том, что в ближайшее время завод пришлет свою делегацию в Невскую Дубровку, чтобы встретиться с танкистами. Замечу, что в то время Ленинградская партийная организация, Военный совет Фронта организовывали шефство рабочих коллективов над воинскими частями. И я не сомневался, что такая возможность — встретиться с рабочими Кировского завода, имеющего большие революционные и боевые традиции, — представится и нам.

Забегая несколько вперед, хочу сказать, что впоследствии установились самые хорошие и тесные связи между рабочими завода и танкистами нашего батальона. И вообще это движение приняло массовый характер и имело очень большое значение как для рабочих коллективов, так и для воинов. Особое значение это имело для танковых частей. По существу, фронтовики, служащие и рабочие ремонтных и оборонных заводов представ-

ляли единое целое. И мы вправе сказать, что рабочие и работницы, технический состав ленинградских заводов, военно-ремонтных баз своей самоотверженной, подлинно героической работой в осажденном городе и на переднем крае внесли свой огромный вклад в дело разгрома врага под Ленинградом и полной победы над фашистской Германией.

...На Кировском заводе дела были завершены. Вернулся на 27-й ремонт завод и с утра следующего дня намеревался с группой ремонтников уехать в Невскую Дубровку. Однако меня вызвали в штаб бронетанковых войск фронта.

В штабе я получил новое задание: после сопровождения ремонтной бригады в Невскую Дубровку доставить поврежденные тяжелые танки на Ленинградский металлический завод. Раньше этот завод выпускал турбины, а сейчас получил задание ремонтировать танки КВ.

В Невской Дубровке осталось три тяжелых танка КВ, эвакуированных с пятака. Я понимал, как сложно будет выполнить полученную задачу. Ведь у всех трех танков были повреждены и двигатели и ходовая часть, а тягачей не было. Следовательно, надо любыми путями «поставить на ход» хотя бы один из танков. Я выбрал машину, у которой двигатель имел меньше повреждений. Через несколько дней этот танк уже можно было использовать в качестве тягача.

Еще неделя прошла, прежде чем первый танк был доставлен на металлический завод. Но пришлось оставить и танк-буксир, так как буквально во дворе завода его двигатель окончательно заглох. И неудивительно. Этот с трудом восстановленный нами для буксировки танк держался буквально на честном слове. Двигатель работал с постоянным перегревом, так как система охлаждения имела значительные повреждения. В пути через каждые 10—15 км приходилось на костре топить снег и доливать воду в радиаторы. Заглушить же двигатель мы боялись, так как работал он неустойчиво, с перебоями. Да и масла было чуть-чуть.

Конечно, было жаль, что теперь нам не на чем возвратиться в Невскую Дубровку за третьим танком. Но мы были рады и тому, что нам, хотя и с большим трудом, все же удалось доставить на завод эти две боевые машины.

У ворот завода нас встретил директор Г. И. Седов с группой рабочих, среди которых мне особенно запомнились Женя Силаев и Юра Харитонов — веселый, общительный и смешленый паренек. Седов рассказал, что завод после почти полуторамесячной остановки вновь вступил в ряды действующих предприятий Ленинграда. Он получил 250 т угля, жидкое топливо, смазочные материалы, ему было выделено 250 фронтовых пайков. Одновременно заводу поручалось уже в феврале отремонтировать семь танков КВ. Доставленные нами на завод танки были первыми из этой семерки.

Сначала мне показалось, что семь танков заводу на месяц — это не так уже много. Но потом убедился, что это не так. Не хватало электроэнергии, цеха совсем не отапливались. Был установлен рабочий режим: 50 минут работать, 10 минут греться у жаровень, которые дымились здесь же в цехах. Многих ремонтников приходилось подсаживать на корпуса танков — сами они не могли подняться. И все-таки рабочие стремились выполнять задания в срок. Это был поистине трудовой подвиг!

Кроме танков, на заводе ремонтировались бронепоезда, орудия и стрелковое вооружение, производились корпуса мин и снарядов. Многие рабочие, такие, как П. И. Шебанин, В. Ф. Блинков, П. И. Романенкова, Н. И. Бобров и другие, освоили смежные специальности, за все они брались, все у них спорилось, хотя и делалось на пределе физических сил. Как и другие заводы, металлический направлял ремонтные бригады в войска, чтобы ремонтировать танки и другую боевую технику непосредственно на поле боя. Чаще других на фронт выезжали бригады М. Васильева, А. Соколова, Ф. Потапова, И. Скуратовского, Г. Гусакова.

Рядом с мужчинами так же самоотверженно трудились женщины. По примеру Ирины Борисовны Булыгиной они смело взялись за ремонт боевых машин. Жена офицера, военпреда одного из ленинградских заводов, И. Б. Булыгина была контролером ОТК, сама отлично водила танк. Теперь она организовала и возглавила женскую бригаду слесарей-сборщиц, в которую вошли С. Сульмакова, Е. Крюкова, А. Ермолаева, С. Токарева, А. Задворная и З. Брейкина. Все они до этого выполняли подсобные работы: мыли танки, детали. А затем, накопив опыт, взялись за ремонт боевой машины.

Я видел их в работе ежедневно, днем и ночью, в холодных цехах. Без теплой одежды, без достаточного питания, они трудились из последних сил. И нельзя было не преклоняться перед их мужеством и стойкостью. Особенно когда им приходилось приводить в порядок машины, прибывшие прямо с фронта. Трудно ли им было? Помогая им вместе со своими товарищами, я тогда даже не мог задать такой вопрос, так как наперед знал ответ: «Да, нам трудно, очень трудно. Но мы работаем, как и все остальные, для фронта, для Победы!»

Надо было видеть их счастливые лица, когда после сборки и испытания из цеха вышла на фронт первая машина, восстановленная руками женщин, с надписью на башне «Ленинградские женщины — фронту!».

Всего за время блокады бригада Ирины Булыгиной отремонтировала и собрала девять боевых машин. Родина высоко оценила труд своих дочерей. Сама Ирина была награждена орденом «Красная Звезда». Один из членов этой бригады — Анна Григорьевна Ермолаева (ныне Гаврилова) и сейчас трудится на родном заводе слесарем-лекальщиком.

Огромная роль во всей этой большой работе принадлежала партийной организации завода. Коммунисты были там, где всего труднее. Они показывали пример мужества, выносливости, самоотверженности. Находили в себе силы помочь товарищам, ободрить совсем ослабевших. Многие инженеры (М. Бойченко, С. Емельянов, Г. Мартынов, А. Вихрев и другие) при необходимости становились слесарями и токарями. Ряд заводоуправленцев перешли работать в цеха. Когда линия фронта вплотную приблизилась к Ленинграду, на металлический завод была переброшена часть оборудования и деталей танков КВ с Ижорского и Кировского заводов. С Кировского пришли и бригады товарищей Потапова, Москвина, Задворного, знакомые с производством и ремонтом танков. Опираясь на них, главный конструктор завода Н. Богданов организовал подготовку необходимой технической документации в весьма короткие сроки...

Все это я узнал, а многое и увидел во время моих неоднократных приездов на металлический. А сейчас мне хотелось бы рассказать лишь об одном эпизоде на этом предприятии.

Около шести часов утра я буквально вбежал в проходную металлического завода — на дворе 30 градусов ниже нуля. Мне посоветовали так рано не ходить к военпреду Г. Е. Алексенко. Он всю ночь работал и только в пять утра пошел из цеха к себе. Поэтому больше часа я коротал в проходной. Она не отапливалась и, чтобы не замерзнуть, приходилось ходить из угла в угол. В душё я удивлялся терпению вахтерши, которая была уже в годах. Правда, на ней были валенки и тулуп. Втянув закутанную голову в воротник, а руки в рукава, она сидела, прислонившись к стенке, и дремала.

Я облокотился на подоконник, подул на стекло, потер его перчаткой. В образовавшийся глазок увидел Неву, вдоль берега которой шел сюда еще затемно. Как раз напротив стоял вмерзший в лед военный корабль. Его иллюминаторы казались мне глазами, которые зорко смотрели на набережную, на завод и как будто говорили: «Корабль жив, он готовится к плаванию». Мимо корабля шли цепочкой люди. Шли медленно, с трудом переставляя ноги. С каждой минутой на протоптанных по льду Невы тропинках становилось все больше и больше людей. Приближалось время утренней смены. «Как ни трудно, а живет, работает Ленинград», — с гордостью за ленинградцев подумал я.

В проходной появились первые рабочие. Вахтерша встала, расправилась, приветливо отвечала на «добroe утро» и внимательно проверяла пропуска. Она, конечно, каждого из них хорошо знала, но порядок есть порядок, и она его выполняла строго, по-военному.

У меня пропуска не было, и я спросил: «Как быть?» Вахтерша показала на маленькое окошко в стенке и сказала: «Постучите, пожалуйста».

Стучать не пришлось: я лишь слегка притронулся, и окошко приоткрылось.

— Вы к кому? — спросили меня.

— К военпреду, заявка должна быть.

— Удостоверение, — попросили меня и тут же выписали пропуск.

В приемной военпреда прохаживался инженер-майор Волков — военпред Кировского завода. Увидев меня, он подал руку, спросил:

— Опять просить танки?

— Нет, не просить. Помочь пришел.

— Это хорошо. Только как? Я вот тоже думал помочь, да ничего не получается. Какой-то заколдованный круг. Георгий Евгеньевич (он имел в виду Алексенка) совсем выбился из сил. Все заново замерил, перечертил, пересчитал, лично отрегулировал, а вот сегодня ночью опять вентилятор полетел. Ничего нельзя сделать с центровкой двигателя. Теперь уже и вентиляторов на заводе нет.

— Что ж теперь делать? — спросил я Волкова.

— Вот Георгий Евгеньевич все думает, — кивком головы на дверь кабинета указал А. Ф. Волков и добавил: — Наверное, придется начинать сначала.

Дверь вдруг открылась.

— А, фронтовик, здравствуй, — обратился ко мне Георгий Евгеньевич, — заходи. Скажи мне, когда эвакуировали танк, он не попадал в какую-либо историю?

— Какую историю вы имеете в виду? — не понял я.

— Я его спрашиваю, а он меня. Видал, как получается, — обращаясь к Волкову, сказал Г. Е. Алексенко.

— Прощу извинить меня, товарищ инженер-подполковник, я просто не понял вопроса, — сказал я, чувствуя, что Алексенко устал и поэтому немного взвинчен.

— Значит, я неясно его задал, — уже спокойно сказал Алексенко. — Мне надо знать, был ли взрыв под днищем танка. Кроме пробоины в левом борту и сгоревшего мотора, других повреждений мы не обнаружили.

— Как же, — ответил я, — у танка во время боя от взрыва фугаса была сильно повреждена ходовая часть. Прежде чем эвакуировать танк, мы неделю ее перебирали, работали под носом у противника, доставляя туда по одному катку и траку из других эвакуированных подбитых танков.

— Значит, деформировалось днище, — как бы рассуждая с самим собой, произнес Алексенко. — Надо проверить. Пойдемте.

— Может быть, передохнете немного, Георгий Евгеньевич, — предложил Волков. — Чайку попьем.

— Нет, нет. Надо проверить, а потом уж займемся чайком.

В цехе вокруг танка стояли рабочие. Им что-то говорил партторг Н. И. Хорьков. Увидев Алексенко, он обращался.

— Мы вот, Георгий Евгеньевич, решили отремонтировать вентилятор на месте, не снимая его, — сказал он.

— Думаю, лучше не торопиться. Давайте снова все проверим. Здесь есть маленькая новость. Нам фронтовик, — указал на меня Г. Е. Алексенко, — сообщил, что танк был подорван на фугасах. Поэтому проверим днище. Нарушение центровки при заводке двигателя, видимо, происходило из-за деформации днища. В этом, наверное, причина, а не в регулировке вентилятора с коробкой.

— Выходит, надо снова снимать двигатель и коробку? — спросил Хорьков с тревогой. Дело в том, что подъемные краны не работали из-за отсутствия электроэнергии и все приходилось делать вручную. А сил-то у рабочих в февральские дни 1942 года было очень и очень мало.

— Может быть. Но предварительно надо осмотреть днище, — ответил Алексенко и полез под танк.

Вылез оттуда он с трудом, постоял, прислонившись к танку, с закрытыми глазами. Очевидно, голова у него кружилась. Мы смотрели на него, и никто ничего не спрашивал. Понимали его состояние. Алексенко открыл глаза, обвел нас взглядом и сказал спокойно, будто ничего особенного и не произошло.

— Либо взрывной волной днище деформировалось на большой площади, либо от взрыва что-то произошло со станинами, на которых крепится двигатель и коробка. Руками определить вогнутость днища не удалось.

И в том, и в другом случае двигатель и коробку надо было снимать, так как причину неисправности танка легче всего было определить изнутри. А для этого по тем временам пужны были по крайней мере сутки. Я попросил поручить эту задачу моему экипажу, чтобы сохранить силы рабочих, которые потребуются позже, при центровке двигателя и обкатке танка.

— Хорошо, — согласился Алексенко, — постараитесь сделать к вечеру. Дополнительно выделим вам трех человек.

Кроме экипажа, состоящего из механика-водителя сержанта Н. М. Орлова и башенного стрелка рядового П. Н. Новикова, остались рабочие Гвоздев, Никифоров и Петрова. Обязанности распределили так: мы занялись коробкой передач, а рабочие — двигателем.

В моторном отделении работала Тоня Петрова, девушка лет шестнадцати-семнадцати. Она рассоединяла дюриты, снимала трубки топливной и масляной систем. На-

верху трудились Никифоров и Гвоздев, а я с Новиковым — в трансмиссии. Инструмента, к сожалению, недоставало. Поэтому некоторыми ключами, особенно «шведским» разводным, работали поочередно.

Гайки, болты, инструмент складывали аккуратно, чтобы ничего не затерялось и все было под рукой. Каждый знал, как трудно приходится при сборке демонтированных агрегатов, когда чего-то недоставало либо, еще хуже, оставалось что-то «лишнее». Затерявшуюся деталь рабочий, хотя и потеряет время, но найдет. А вот если обнаруживалась лишняя деталь, то приходилось весь агрегат разбирать и собирать заново.

Нам нельзя было ошибаться. И поэтому каждый был требователен к себе и к товарищам.

К вечеру двигатель и коробка были сняты. Алексенко и Хорьков не дождались, пока их позовут, пришли раньше и ждали, когда мы закончим работу.

Пришел и Волков. Оказывается, он сходил днем на Кировский завод и раздобыл там три лопасти для вентилятора. Еще две надо было сделать на месте.

Алексенко и Хорьков обследовали днище танка. Замерили, прокрутили.

— Вот, — услышали мы голос Алексенко. Он сидел на карточках и, указывая ручником на середину станины, скручивался: — Вот как это бывает!

Оказывается, от удара взрывной волны сварочный плов станины, на которой устанавливается и крепится двигатель, дал трещину. Дефект серьезный и, как объяснил Алексенко, когда двигатель работал на больших оборотах, нарушалась центровка, и вентилятор выходил из строя.

— Ну что, Георгий Евгеньевич, варить? — спросил Хорьков, когда Алексенко вылез из танка.

— Да, варить. Середина одной из станин вся в трещинах. Не знаю, как еще при заводке двигатель не сорвался с места.

— Что ж, варить так варить. Только сварщика придется где-то искать. Нашего вчера отвезли в госпиталь.

— Нам бы агрегат скорее заправить да нужные электроды найти. А сварить — сварим, — сказал Алексенко.

Сварочный агрегат был здесь же, в цехе. Его не направляли много дней. Варить было нечего. Карбид на

складе нашелся. В качестве электродов использовали куски стальной проволоки. Когда все было готово, а на это ушло около трех часов, Алексенко для пробы приварил к броневому листу кусок рельса. Несколько раз ударили по нему кувалдой — держитсяочно. Алексенко, поправив защитные очки, взял в руки несколько электродов и молча полез в танк. Сварка станины началась.

Парторг пошутил:

— Георгий Евгеньевич, не приваритесь сами, а то лишись последнего сварщика, да, кроме того, и военпреда.

— Ничего, товарищ парторг, за мной стоят гвардейцы, — он имел в виду Волкова и меня.

Примерно через полчаса Алексенко закончил работу.

— Пусть теперь остынет, а потом проверим.

Сварка получилась добротной, но от нагрева станину «повело». Правая сторона ее оказалась выше левой и имела наклон к борту. Сначала хотели поставить под лапы двигателя прокладки. Но, взвесив все «за» и «против», решили шабером снять со станины несколько миллиметров металла.

— Рабочий класс тоже кое-что умеет, Георгий Евгеньевич, — пошутил Хорьков и, взяв большой напильник, спустился на днище танка.

— Все равно, дорогой парторг, я, как военпред, буду проверять, — ответил Алексенко.

— Согласен. Но думаю, что поправлять не придется, — послышалось из танка.

Хорьков из рабочих, он мастер на все руки и работу выполнял на совесть. Честный, работящий, общительный — таким знали парторга. И когда он крикнул: «Георгий Евгеньевич, можешь проверять, готово!», то Алексенко просто дал команду опускать и устанавливать двигатель.

Всю ночь от танка не отходили Алексенко и Хорьков. Дежурили они по очереди. И работа спорилась, и уверенность у людей была в том, что переделывать не придется. Они несколько раз уточняли, проверяли крепление агрегатов, давали поправки, советы. Волков тоже всю ночь возился с вентилятором и к утру принес его. Сам приклеивал лопасти.

И пусть никого не удивляет, что районный инженер и военпред Г. Е. Алексенко, и парторг Н. И. Хорьков сами лично ремонтировали танк. Ведь это был первый

танк, который давал завод после ремонта! И стремление во что бы то ни стало быстрее отремонтировать тяжелый танк, дать его фронту — это стремление было похвальным. В то время пример командиров производства можно было смело приравнивать к примеру фронтового командира, который поднимает воинов в атаку и первый идет вперед на врага.

Когда установили двигатель и коробку, Хорьков предложил всем отведать чайку, а затем уже заводить танк и обкатывать его. Все охотно согласились, потому что очень устали — ведь работали всю ночь.

Чаепитие проходило здесь же, в цехе. Тоня целый чайник натопила снегу, вскипятила воду на печке-времянке. Кипяток казался вкусным и душистым. И каждый хвалил Тоню за ее заботу.

— Хорошо, что сахара нет, — шутя сказал Хорьков, — а то пришлось бы весь снег со двора перекипятить.

— Что верно, то верно. Но время дорого, приступим к делу, — отставив в сторону кружку, сказал Алексенко.

Заводить танк вызвался Хорьков. Минут пять он прогревал двигатель на малых оборотах. Мы с волнением прислушивались к рокоту стального сердца танка, волновались за исход испытания.

Алексенко громко крикнул Хорькову:

— Парторг, прибавь обороты!

Двигатель начал медленно набирать обороты. Все шло нормально.

— Дай первую скорость, — подал команду Алексенко.

Хорьков при выжатом сцеплении включил и отключил первую, затем вторую передачи. Вентилятор при рассоединении двигателя с коробкой вел себя нормально.

— Еще газку! — крикнул военпред.

Танк взревел. Мы, специалисты, слушали ровную и чистую «песню» двигателя, которая сопровождает его при нормальной работе на полную мощность.

Алексенко оглядел нас, улыбнулся. И все заулыбались ему в ответ.

— Что же, надо поставить на постоянные обороты, пусть двигатель еще немного поработает. А там и на обкатку, — распорядился инженер, сходя с кормы танка.

Хорьков продолжал оставаться в танке, чтобы убедиться, что температура воды, масла и давление поддер-

живаются в норме. Минут через десять вылез из танка, подошел к Алексенко и с радостью сказал:

— Принимай, Георгий Евгеньевич!

— Добро. Через час на обкатку. А сейчас, — обратился он ко мне и Волкову, — зайдем ко мне, есть о чем поговорить.

В кабинете Алексенко уже находилось несколько человек.

Здесь кроме военпреда Кировского завода инженер-майора Волкова были военпреды других заводов: капитан Предатько и майор Чугунов, а также офицер управления бронетанковых войск инженер-майор Васильев.

Г. Е. Алексенко открыл совещание. Он рассказал о случае, с которым нам пришлось столкнуться при ремонте тяжелого танка КВ. Одной из причин несвоевременного выпуска машины из ремонта он назвал отсутствие должной дефектации танка при поступлении на завод. Алексенко, как районный военпред, дал указание впредь на все поврежденные танки, поступающие из войск, прежде чем передавать в цеха для ремонта, составлять тщательную дефектацию. При этом следует осматривать не только явно поврежденные агрегаты, но и весь корпус танка, обращая внимание на возможную деформацию отдельных агрегатов и деталей. Ответственность за проведение дефектации танков на заводах Алексенко возложил на военпредов. Затем он предложил военпредам изучить совместно с дирекцией возможности каждого завода по изысканию инструмента, наиболее дефицитных материалов, агрегатов и деталей.

После совещания опять вернулись в цех. Хорьков заканчивал политическую информацию, или, как ее называли иначе, «десятиминутку». Рабочие, собравшись в кружок, внимательно слушали последние известия. За десять минут они узнавали положение на Ленинградском и других фронтах, обстановку в городе и на заводе.

Обкатка танка прошла благополучно. С завода провожали нас, пожалуй, все рабочие смены. Каждый пожимал нам руки, желал счастливого пути и успехов в быстрейшем разгроме врага. На проводы пришли Алексенко, Хорьков, представители дирекции завода. Получилось что-то вроде праздника, хотя никакой торжественной части, как говорится, не было. Трогательные проводы запали в сердце. В них, как в фокусе, отразилось нерушимое

единство армии и народа, их общие интересы, общие по-мыслы и стремления — сделать все для скорейшей победы над врагом.

У нас в батальоне работала бригада ремонтников 27-го ремзавода. Ее возглавлял бригадир слесарей по ремонту бронетанковой техники Петр Иванович Баранов.

Обстановка была тяжелая. На пятачке каждый метр земли простреливался противником. Поэтому работали в основном ночью. Менее опасно, но более трудно: работать приходилось в темноте — малейший свет, даже огонек от папиросы, — и тут же обстрел или из пулемета, или из миномета. Приспособливались по-разному, удавалось даже пользоваться электричеством от аккумуляторов. Делалось это так: танк накрывали брезентом, заделывали все отверстия и там работали, стараясь не греметь — враг стрелял и на звук. И все же, несмотря на предосторожности, бригада в Невской Дубровке несла потери.

Однажды во время ремонта снаряд упал совсем рядом с танком. Когда ремонтники пришли в себя, то оказалось, что Григорий Морозов сильно контужен: кровь шла из ушей и носа. Ехать в госпиталь отказался, попросил отправить домой, к родным. На попутных машинах Г. Морозова довезли до улицы Дзержинского, где он жил, под руки привели домой. Он приглашал товарищай прийти к нему на следующий день и отметить день рождения. Но Г. Морозов ночью умер — контузия и голод сделали свое дело. В этот раз ремонтники потеряли пятерых своих товарищей.

Бригада Баранова неоднократно выезжала на передний край в районы Невской Дубровки, Колпино, Красного Бора. Непосредственно в боевых порядках, под огнем противника она за период блокады отремонтировала более сорока боевых машин. Кстати, к моменту, когда писалась эта книга, П. И. Баранов жил в Ленинграде и работал слесарем-дефектовщиком.

В конце февраля 1942 года я снова выезжал на 27-й завод. Корпуса цехов были разрушены еще больше, чем прежде. В окнах ни одного стекла. Холодно, голодно. Продовольственные карточки почти не отоваривались: не было продуктов. В столовой выдавали лишь 500 граммов дрожжевого супа. И это на весь день.

Но люди держались стойко, работая по 18—20 часов в сутки. Начальники цехов по несколько суток не покидали своих рабочих мест. Они не только руководили, но и сами выполняли наиболее ответственные работы. Вспоминается характерный пример.

На завод было доставлено десять самоходных установок. Специалистов по восстановлению этих машин на заводе не было. И тогда начальник первого цеха Н. И. Абрамов и рабочий М. Я. Давыдов сами взялись за работу. Они решили вдвоем сверх плана отремонтировать эти боевые машины. Работали бессменно, оставаясь на местах даже тогда, когда рабочие уходили на свой короткий отдых. И часто, приходя на следующий день на работу, товарищи видели своего начальника у боевой машины. Его койка, стоявшая в небольшой каморке тут же в цехе, нередко оставалась неразобранной.

— Ничего, после войны отоспимся, — отшучивался Абрамов на замечания друзей.

В течение месяца все десять самоходных установок были отремонтированы, испытаны и отправлены на фронт.

Вспоминается встреча с рабочим Григорием Елькиным. Увидя его у танка измотанного, уставшего, еле передвигавшего ноги, я спросил:

— Что надо сделать?

— Я все сам сделаю, дружище, вот только еще раз проверю, — говорил он через силу, хотя в глазах светились упрямые огоньки.

Я знал, что работы еще порядочно, но, чтобы не обидеть рабочего, сказал:

— Вот и хорошо. Я хотел бы поучиться, посмотреть, как это делается. — И тут же влез на танк.

На днище я увидел неподвижно сидящего человека. Потрогал его за плечо, он молчал.

— Кто это? — спросил у Елькина.

— Друг, Леша Соколов, — ответил он.

Мы подняли рабочего, положили на корму танка. Жизнь в нем еще теплилась. Подошли рабочие, бережно сняли товарища и унесли в медпункт. Выходили Лешу Соколова, и он потом отремонтировал еще один танк.

На этом и других заводах хорошо трудились и 15—16-летние подростки. Особенно запомнились Коля Софонович, Коля Гордеев, Витя Рогов. Им под стать были и девушки. Слесаря-электрика узла связи Елизавету

Петровну Степанову (ныне Васильеву) за общительный характер и веселый нрав любовно прозвали «Чижиком». Пожилые работницы, глядя вслед молоденькой девушке, скрупенно качали головами:

— Ведь ребенок еще. Ей бы книжки читать да в модных туфельках на танцы бегать. Эх, война-война.

Но этот «ребенок» вызывал всеобщее уважение своим самоотверженным трудом.

Помнится, во время очередного воздушного налета был поврежден многожильный кабель, и база оказалась без связи. Командование потребовало в кратчайший срок восстановить повреждение. Сто пар проводов! Нужно отыскать в обрыве соответствующие нити, соединить их, изолировать, проверить. Такую работу не сделаешь в перчатках. А на улице по пояс снегу, пронизывающий ветер, трескучий мороз. Более суток работали Елизавета Петровна и ее напарник Василий Иванович Груздев. Забыли о еде, о сне, об отдыхе. И только когда связь была восстановлена, они позволили себе уйти домой.

Сейчас Елизавета Петровна проживает в Ленинграде, работает нормировщицей на одном из его заводов. Она ударник коммунистического труда, почетный донор РСФСР, активная общественница.

В первых числах марта 1942 года в цехе находились два капитально отремонтированных танка Т-34 и один БТ-7, на котором устанавливался двигатель В-2 танка Т-34. Для одного из танков не хватало подшипников бортовой передачи и ряда других деталей. На фронтовом бронетанковом складе их не оказалось. Не было и деталей топливной системы для БТ-7. Что делать? Меня пригласил главный инженер А. Ф. Пехотин и комиссар завода Виталий Герасимович Нестеров. Они попросили пойти на передовую и снять эти детали с наших подбитых танков Т-34. В мое распоряжение выделили слесарей-ремонтников П. И. Баранова, Пешехонова и Андреева. Помню, как Пехотин снял с себя валенки, шубу и даже ватные брюки и отдал их Баранову, потому что тот был совсем плохо одет... Операция прошла удачно, и недостающие детали на следующий день были доставлены в цех.

Каждый танк, прежде чем отправить его после ремонта на передовую, испытывался на ходу. Раньше это дела-

ли рабочие. Однако с течением времени они уже физически не могли выполнить обкатку. Эти обязанности взяли на себя наши экипажи. Часто и я садился за рычаги отремонтированного танка.

И вот при испытании танка БТ-7 19 марта 1942 года произошел со мной нелепый случай. На мосту через Невку танк вдруг потерял управление. Скорость была небольшая, километров десять в час, но на мосту гололед, и танк потянуло в сторону. Рассвет только наступал, и поэтому людей на улице не было. Лишь на другой стороне речки шли девушки из местной обороны. В их руках были заужены веревки, которые удерживали аэростат...

Пытаюсь затормозить, однако ничего не получается. Через мгновение танк ломает перила и падает башней вниз. Чувствую один удар, потом еще...

Свет погас. Пробую подняться в танке на ноги. На мне кто-то лежит и стонет. Это старшина Н. К. Репкин, который был в танке вместе со мной.

— Репкин, — зову я. — Ты жив?

— Вроде жив, — отозвался он. — Чуть шею себе не сломал.

Пока мы ощупывали друг друга, начала просачиваться вода. Слышно было, как она пробивается сквозь щели. Неужели конец? Погибнуть так глупо! «Лучше бы в Дубровке, когда начнется прорыв», — подумал я. О намечавшемся прорыве мне было известно. Командование снова пыталось расширить плацдарм и выйти к железнодорожному узлу Мга. Это должно было произойти буквально на днях. И этот танк, который я сегодня испытывал, предназначался для прорыва. А тут такая история...

Вода быстро заполняла танк. Холодная. Тяжелая. Вот она уже по пояс, как иголками, покалывает тело. Дышать становится тяжело. Пробую вместе с Репкиным подтянуться к днищу, ставшему теперь потолком. Единственная надежда на спасение — это аварийный люк. Но откроется ли он? Предпринимаю последние усилия, хватаясь, жму вперед и... люк открывается. Поток воды встречает меня, но я с силой выталкиваюсь из танка. К счастью, полынья, пробитая танком при падении, — над головой. Делаю первый вдох и тут же чувствую, что меня тянет под лед. Несколько почти бессознательных взмахов рук и ног — и я удерживаюсь на поверхности полыни.

В руки попадает веревка с привязанной курткой. На мосту крики:

— Держись! Держись!

Рядом показывается голова Репкина. По доскам, брошенным на лед, спешат люди и подхватывают старшину. Нас куда-то несут.

Оказались мы в тепло натопленной комнате. Женщина в белом прослушала пульс. Затем нас раздели, чем-то растерли, уложили. Вскоре пришли офицер штаба фронта Г. А. Федоров и главный инженер завода А. Ф. Пехотин. Советы следовали один за другим: то полежать, то немедленно ехать в госпиталь, то вставать и двигаться. Я спросил, кто нам помог выбраться из полыни.

— Девчата, — сказал Пехотин. — Аэростатники. Это они вас выручили.

Федоров и Пехотин осторожно расспрашивали, что случилось на мосту. Ничего определенного я сказать не мог. Говорю, что танк потянуло влево, а затормозить, остановить его не удалось: из-за гололеда на мосту он по инерции двигался, сломал перила и опрокинулся в реку.

Начали думать, как поднять танк. Федоров предложил ехать в ленинградский «Эпрон». Действительно, через несколько часов прибыли представители «Эпрона». Они пообещали на следующий день привезти помпу и резиновый понтоны. С завода подгонят танк-тягач, доставят тросы и полиспасты. Вот только не было водолаза. Поэтому на следующий день вместо водолаза застропить затонувший танк вызвался мастер завода коммунист Палладий Савицкий. Полынью расчистили до берега. Савицкий спустился в холодную воду, застропил танк за понтоны, прикрепил трос от тягача.

Когда вытащили и осмотрели танк, оказалось, что лопнула тормозная лента. Она была в свое время снята с горевшего танка... Приходилось идти на это, так как новых запчастей недоставало.

Танк отбуксировали на завод, промыли двигатель маслом, перезарядили аккумулятор и поставили другую тормозную ленту. И через сутки на этом танке я убыл в Невскую Дубровку.

Бои местного значения.—Новый командир.—Скрытая подготовка.—Штурм ледяной горы.—Прорыв блокады.—Стойкость и мужество.—Раненых отправляют на Большую землю.—Возвращение в Ленинград.

В апреле 1942 года фашисты сделали еще одну попытку овладеть пятаком в районе Московской Дубровки. В дальнейшем, видимо, они думали форсировать Неву и захватить плацдарм для наступления на Ленинград. Двое суток буквально горела земля. Никто — ни противник, ни наше командование — точно не знал начертания переднего края. Все смешалось, окуталось дымом. Обстановка менялась ежечасно.

Противник не считался с потерями, бросал в бой все новые и новые резервы.

Наше командование делало все, что могло, для удержания пятака. Переправляли боевую технику, людей, ставили дополнительные огневые задачи артиллеристам. Однако соотношение сил было неравным. Противник, имея огромное превосходство, овладел пятаком.

Сражались на пятаке и наши танкисты. Многие остались там навечно. Лишь некоторые, выполняя приказ, сняли пулеметы с танков и отошли на правый берег Невы. Лед на реке взломался, и это еще более осложняло положение тех советских солдат, которые пробивались к своим. В течение нескольких ночей с захваченного противником района переправлялись через Неву наши пехотинцы, артиллеристы и танкисты. По одному и группами они пробивались через вражеские боевые порядки к берегу реки и плыли к своим. Немногие спасались: ледяная вода, огонь противника оставляли мало шансов для благополучного форсирования. На правом берегу дежурили наши солдаты, чтобы оказать немедленную помощь тем воинам, которым удавалось переплыть реку.

В одну из ночей удалось перебраться к своим заместителю командира роты по техчасти старшему технику-лей-

тенанту А. Я. Кумаченко вместе с ремонтником сержантом Васечкиным. По рассказу офицера, они встретились посередине Невы, когда Васечкина покидали последние силы. Кумаченко помог сержанту ухватиться за бревно, на котором он переправлялся сам. Офицер нашел на берегу этот обрубок дерева, оставшийся то ли от зимнего настила на переправе, то ли от разбитого сарая.

Кумаченко был ранен в ногу. Ему быстро оказали помощь и, конечно, начали расспрашивать его о товарищах, дравшихся на пятаке. Со слезами на глазах Кумаченко рассказывал о подробностях боя, о мужестве танкистов, которые оказались на захваченной противником территории.

Гитлеровцы сразу же начали подрывать танки, стоявшие в боевом охранении либо подбитые при контратаках. Они подкладывали под днище машин мощные фугасы и мины и подрывали их вместе с экипажами, которые до конца оставались верными своему воинскому долгу. Так героически погибли экипажи старшего лейтенанта Н. А. Опрышко, лейтенанта Д. И. Фролкова, старшего сержанта П. С. Иванова, младшего сержанта М. И. Громова и другие.

Двое суток мы ждали заместителя командира батальона капитана В. Т. Волошина. Он пользовался среди нас особым авторитетом. Пожалуй, он больше всех делал для боевого охранения на пятаке в течение всей зимы 1942 года, чуть ли не ежедневно он переправлялся на левый берег, чтобы на месте определить сектор огня для каждого танка в зависимости от местности, расположения и возможного характера действий противника. При этом он учитывал огневые возможности танков, организовывал взаимодействие между экипажами.

Капитан Волошин десятки раз ползал по-пластунски на передний край, изучил каждый бугорок, яму, точно рассчитывал расстояние до противника, проверял, уточнял изменения в обстановке, учил рядовых, сержантов и офицеров огневому бою.

И в тот день, когда противник предпринял штурм, капитан Волошин был на пятаке, в одном из танков, руководил боем. А что было дальше, никто не знал. Думали, что погиб. Но, к счастью, он остался в живых. Через двое суток его нашли в госпитале. Оказалось, что раненого капитана переправили через Неву наши пехотинцы.

После боев на пятаке от боевых экипажей осталось лишь несколько человек. Танкисты сражались до последнего снаряда, до последнего патрона, до последнего вздоха.

По решению командования для доукомплектования 118-го отдельного танкового батальона на Карельском перешейке на базе 152-й танковой бригады формировались новые боевые подразделения. Основная база 118-го отдельного танкового батальона по-прежнему оставалась в Невской Дубровке. Такое положение создавало определенные трудности. Особенно нелегко было мне: поскольку техническое обеспечение вновь создаваемых боевых подразделений организовывалось через 152-ю танковую бригаду, приходилось мотаться в дальние концы. Зачем так делалось, я тогда не понимал. В самом деле: как можно было объяснить необходимость постоянных командировок на Карельский перешеек, когда штаб батальона, остатки боевой техники, склады, мастерские оставались в Невской Дубровке? Лишь позже понял, что это решение было правильным, потому что вводило противника в заблуждение. Все лето он считал, что наш танковый батальон занимает оборону по правому берегу Невы, в районе Невской Дубровки. На самом же деле боевые подразделения, за исключением трех танков, находились на доукомплектовании на Карельском перешейке.

Там же была организована учеба командного состава, которой руководил полковник П. И. Пинчук. Его мы хорошо знали еще в ту пору, когда в состав 152-й танковой бригады входил наш 48-й танковый батальон. Он был опытным командиром, очень строгим, но и в то же время душевным человеком. Видимо, продолжительная работа до войны преподавателем на Ленинградских бронетанковых курсах сделала из него хорошего педагога-воспитателя.

Он частенько бывал в нашем танковом батальоне, в роте, в которой я служил. Сначала Пинчук ко мне как бы присматривался. На занятиях то один, то другой вопрос задаст. И все по технике. Причем характер вопросов был с практическим уклоном: организация тех или иных мероприятий применительно к тактике действий противника.

Вначале я старался отвечать ему так, как меня учили

в училище. Я хорошо помнил занятия, которые проводили лучшие преподаватели училища: военинженер З ранга А. С. Карпенко, майор А. В. Шевелев, капитаны П. Д. Барыбин, М. Ф. Яхонтов, лейтенант Ф. И. Цветков и другие. Однако полковник Пинчук больше интересовался боевым опытом по организации технического обеспечения боя. И он, внимательно слушая ответы, требуя рассказа о самых незначительных деталях, видимо, пытался обобщить этот фронтовой опыт, сделать правильные выводы, научить нас глубже разбираться в обстановке и более целесообразно выполнять свои обязанности. П. И. Пинчук добивался своей цели посредством организации и проведения тактико-специальных учений.

Сначала было проведено учение с отдельно обозначенными танками, представляющими боевые подразделения. Затем темы последовательно усложнялись: организация танкотехнического обеспечения боя роты и, наконец, батальона.

Порой мне казалось, что в настоящем бою гораздо легче и проще выполнить задачу, чем на этих учениях. Полковник Пинчук требовал перемещать наблюдательный пункт, соблюдая установленную дистанцию. Следил за тем, чтобы в точно указанное время была оказана техническая помощь на месте сразу нескольким танкам, отрабатывал с нами вопросы эвакуации танков с поля боя, их ремонта в максимально сжатые сроки.

При этом условия выполнения задачи он всегда усложнял вводными: то противник контратакует и обстановка требует оказать немедленную помощь нашим поврежденным танкам, то противник вывел из строя несколько ремонтников, то нарушилась связь с тягачами и т. д.

Учеба дала многое, и главное — умение лучше видеть обстановку, чувствовать динамику боя.

Действительно, если раньше, выполняя свои задачи, я, как правило, привязывался к одному или двум поврежденным танкам, то теперь понял, что в случае наступления батальона всеми силами одновременно надо уметь видеть все поле боя и быть готовым оказать помощь каждому танку.

Как этого достигнуть? Подсказал опыт учений: надо иметь по возможности не один, а два наблюдательных пункта, организовать зрительную связь либо по радио с командирами танковых подразделений.

Этот опыт мне очень пригодился, когда мы вернулись
■ Невскую Дубровку.

Лето 1942 года. Боевая активность на нашем участке слабая: разведка, обмен артиллерийским огнем. Фашисты установили тяжелую артиллерию, забетонировали ее ■ при малейшем движении на нашем берегу немедленно открывали огонь.

Гадали, предпримут что-либо гитлеровцы или нет. В батальоне, конечно, не знали общей обстановки, но все же из той информации, которую до нас доводили, я, к примеру, уяснил, что для решительного наступления на Ленинград сил у фашистов недостаточно. Однако, зная их повадки, нужно было находиться в постоянной боевой готовности. Тем более что, по слухам, из-под Севастополя к Ленинграду подтягивалась сверхтяжелая артиллерея. Усилилась и бомбёжка города с воздуха.

Перед нами, как и в целом перед войсками фронта, стояла задача непрерывно укреплять свои позиции. В батальоне каждому экипажу было приказано оборудовать укрытие и зорко следить в назначеннем секторе. Моя задача заключалась в том, чтобы все танки были отремонтированы и в любой момент могли идти в атаку.

К этому времени мы почувствовали, что ладожская Дорога жизни работает гораздо лучше. Снабжение войск несколько улучшилось. Надо сказать, что весной и население города, и солдаты занимались посадкой овощей, что потом заметно пополнило наш скучный рацион витаминами. Кроме того, в пищу добавлялись все съедобные травы и растения.

Со всех концов нашей Родины поступали посылки, письма с теплыми словами благодарности защитникам Ленинграда за их героизм и стойкость в борьбе с фашистскими захватчиками.

...Командиром батальона вместо майора С. Ф. Семеркина, убывшего на повышение, назначили майора П. А. Воякина. Служба у нового комбата пошла не сразу, потому что он был не из танкистов. У каждого рода войск есть свои особенности, которые обязательно надо знать и учитывать в своей работе. А вот Воякин этого не учитывал и пока не делал серьезных попыток изучить танковое дело. Ставя задачу без знания боевых возмож-

постей танков, он, конечно, допускал ошибки. С офицерами батальона командир не находил общего языка.

К счастью, в батальоне был оставлен наш комиссар, майор Виктор Семенович Колибердин. Он сразу почувствовал неладное во взаимоотношениях офицеров с комбатом и очень тактично, последовательно и умно растапливал ледок отчуждения между командиром и подчиненными. Под стать комиссару был и секретарь партбюро капитан В. Д. Неаскин. Они под любым предлогом приглашали комбата в подразделения, чтобы побеседовать с танкистами, узнать настроение людей. И надо сказать, что Воякин стал внимательнее относиться к подчиненным, чаще советоваться с офицерами. Однако пополнять свои военные знания, видимо, считал необязательным.

Как-то в батальон приехал из штаба бронетанковых войск фронта полковник В. И. Волков. Опытный, как его часто называли, «прожженный» до мозга костей танкист, он сразу почувствовал непорядок в батальоне. Объявил тревогу без вывода материальной части. От комбата потребовал отдать боевой приказ, исходя из обстановки, изображенной на карте.

Воякин отдал приказ, однако он был крайне неудовлетворительным. Волков в присутствии офицеров никаких замечаний ему не сделал, а, как опытный методист, начал уточнять решение, привлекая к этому все командование батальона. Общими усилиями нашли наиболее целесообразное решение. Никто не обиделся, но все поняли, в том числе и комбат, что военному делу нужно учиться постоянно.

На следующий день, после отъезда Волкова, комбат вызвал к себе меня (я уже был капитаном) и начальника боепитания старшего техника-лейтенанта И. К. Лаптева. У него уже сидели майор В. С. Колибердин и новый начальник штаба капитан А. С. Лобус. Командир батальона приказал нам составить расписание занятий по изучению материальной части танков и их вооружения, определив для этого время и порядок их проведения.

Постоянно наряду с отработкой тактических задач изучались боевая техника и вооружение. Дело очень нужное. В ходе занятий окрепли теоретические знания и практические навыки не только офицеров батальона, но и самого командира. Совместные занятия сблизили

офицеров, позволили им лучше узнать друг друга. И комбат стал, как говорится, более человечным. Он и обращался к подчиненным более приветливо: «Как, товарищ капитан, у нас с перезарядкой аккумуляторов?» или «Капитан Мазур, когда я смогу вместе с ротой пристрелять свой танк?»

И офицеры стали относиться к комбату с настоящим уважением. Это создало хорошую, нормальную обстановку в батальоне. И заслуга в том больше всех майора Коллибердина, хотя сам он как бы находился в стороне. Такой уж у него был характер.

Многое значило для организации боевых действий «чувство локтя» с пехотой. В районе Невской Дубровки взаимодействие танкистов с пехотинцами 168-й стрелковой дивизии, а затем с гвардейцами 45-й дивизии было по всем линиям. В периоды затишья воины были всегда вместе и на занятиях и на отдыхе.

Каждый командир танкового подразделения знал, с кем он будет взаимодействовать. Отрабатывались различные приемы: десантирование, умение прыгать с танков на ходу и т. д. Причем занятия проводились не только на карельских учебных полигонах, но и здесь, под Невской Дубровкой. Часто танковые экипажи вместе с пехотинцами ходили по танковым маршрутам до самого берега Невы, изучали направления атак, поддержку танков огнем артиллерии.

Так проходили будни в период относительного затишья. Бои местного значения шли постоянно. Особенно они разгорелись, когда горстка пехотинцев удачно переправилась через реку и захватила клочок земли на левом берегу Невы. Это был маленький плацдарм, который командование стремилось удержать и расширить. Однако противник, зная, что Нева скоро будет скована льдом и тогда помочь пятаку усилится, решил в октябре снова отбросить наших пехотинцев на правый берег. Бои шли несколько суток. Наше командование видело, что наших сил на пятаке немного и им трудно устоять. Но понимало оно и то, что направить на помочь основные силы, сосредоточенные на правом берегу, — значит их потерять. А их до срока надо было сберечь. И берегли.

В рощах под Дубровкой, Шлиссельбургом, в Рыбацком, под Пулково, Урицком, Ораниенбаумом, на Карель-

ском перешейке и в других местах постепенно накапливались танковые части, артиллерия, пехота, создавались запасы. На передний край часто приезжали большие начальники, штабные офицеры. Много раз я видел здесь командующего фронтом генерал-полковника Л. А. Говорова и командующего 67-й армией — генерала М. П. Духанова. Все чаще у нас бывали командующий бронетанковыми войсками фронта генерал В. И. Баранов и его офицеры: М. И. Батлан, В. Д. Жуков, К. А. Зыков, М. Г. Вургафт, Васильев и другие. Шла разведка, проверка, учеба, оказывалась помошь передовым частям. Бывали здесь и инженеры из управления бронетанковых войск фронта Н. Н. Шестаков, Д. П. Карев, Г. А. Федоров.

По всему чувствовалось, что наконец-то готовится решительная схватка с фашистским спутом под Ленинградом.

Героев, находящихся на пятаке (как и в других местах), поддерживали огнем артиллерии из глубины. Поэтому противник не мог предпринять наступления, чтобы прорваться к берегу Невы и сбросить наши войска с пятака. Трудно было тем, кто сражался на плацдарме. Под Арбузово в самую трудную минуту, когда, казалось, уже было невозможно сдержать натиск противника, в атаку поднялся и повел за собой бойцов комиссар 70-й стрелковой дивизии, большой друг танкистов полковник Г. В. Журба. Как боевой солдат, он был тяжело ранен в атакующей цепи. В этом же бою на моих глазах погиб во время сильнейшего артобстрела А. С. Лобус...

Да, много-много потеряли своих боевых товарищей танкисты, пехотинцы, артиллеристы в этих боях местного значения, которые все же сыграли большую роль в общей подготовке к решительному удару по врагу.

Подходили к концу дни тяжелой блокады. Для каждого ленинградца, где бы он ни был: на переднем крае, у станка завода, у больничной койки, в научно-исследовательском институте, — эти дни были днями величайшего мужества.

Зашитники города становились крепче, увереннее. Их настроение особенно поднялось, когда поступило сообщение об окружении под Сталинградом 330-тысячной ар-

мии гитлеровцев. «Значит, — так все думали, — и здесь, у стен города Ленина, противник скоро будет разгромлен».

Конечно, в то время мы не знали замысла Ставки Верховного Главнокомандования, однако по всему чувствовали, что приближаются решающие события.

В наш район каждый день подходили все новые части, занимали указанные рубежи, готовились к бою. И вот наступил день, когда начался прорыв блокады. 12 января 1943 года помнит каждый человек, переживший эти страшные месяцы во вражеском кольце.

Готовился к наступлению и наш 118-й отдельный танковый батальон. В ночь на 12 января подошла «свежая» пехота, которая должна была действовать вместе с нами. Прогревались двигатели танков. Уточнялись карты. Встречались для организации взаимодействия командиры. Шли последние приготовления к предстоящему наступлению, которое с таким нетерпением ждали.

У Невы с высокими и крутыми берегами, сплошь усеянными воронками от снарядов, был тот рубеж, от которого войска должны были сделать стремительный рывок вперед.

К этому рубежу подтягивались и танковые части. Фронт усилил 67-ю армию 152, 220 и 61-й танковыми бригадами. В состав армии влились 86-й и наш 118-й отдельные танковые батальоны. Всего войска имели 224 танка — 84 средних и 140 легких. От Шлиссельбурга до Невской Дубровки сосредоточивались войска.

Подготовка велась серьезная. Особенно у наших соседей — в 61-й танковой бригаде под командованием полковника В. В. Хрустицкого. Дело в том, что лед на реке был тонким. Он не выдержал бы тяжелых танков. Усиливать же на виду у противника лед — значило раскрыть свои карты. Поэтому и была создана 61-я танковая бригада только из легких танков. В стороне от Шлиссельбурга, в районе, который не просматривался противником, испытала переправу боевых машин по льду. Помнился, незадолго до прорыва командиру батальона и мне было приказано прибыть на Неву в район Новосаратовской колонии. Когда мы подошли к реке, неожиданно появилась большая группа старших командиров. Среди них я сразу узнал К. Е. Ворошилова. Как потом выяснилось, перед прорывом блокады он был назначен на Ле-

нинградский фронт представителем Ставки Верховного Главнокомандования.

Вместе с К. Е. Ворошиловым находились Л. А. Говоров и А. А. Кузнецов. Среди генералов и офицеров я также узнал командующего бронетанковыми войсками генерала В. И. Баранова. Он что-то докладывал К. Е. Ворошилову, показывая рукой на реку.

Вскоре на лед вышли два танка Т-60. Все обошлось хорошо. Тут же рядом на подготовленную переправу пустили средний танк Т-34 с открытым люком механика-водителя.

Вслед за танком пошли К. Е. Ворошилов, Л. А. Говоров и В. И. Баранов.

С берега нам было видно, как метров через сто пятьдесят — двести лед раскололся и тридцатьчетверка пошла ко дну. В образовавшейся полынье показалась голова механика-водителя. Его тут же подхватывают понтонеры. Донесся голос командира 220-й танковой бригады полковника И. Б. Шпиллера:

— Сержант Иванов, бегом в землянку.

Нам потом сказали, что К. Е. Ворошилов наградил сержанта Иванова.

Начальство уехало, и понтонеры, как муравьи, начали копошиться на переправе в поисках допущенной ошибки. Оказалось, что переправа была подготовлена правильно, но лед еще не успел скрепиться с настилом. Словом, поспешили с испытанием льда. Всего лишь за несколько минут до испытания саперы закончили работу.

Командир батальона майор Воякин рассказал всем офицерам о том, что произошло на переправе, указал, что надо сделать, чтобы этого не случилось у нас. Наш 118-й отдельный танковый батальон должен был переправляться правее Шлиссельбурга совместно с 86-м танковым батальоном.

152-я и 220-я танковые бригады, укомплектованные тяжелыми и средними танками, находились в глубине. Они могли форсировать реку лишь после того, как переправы будут по-настоящему усилены.

В ночь на 12 января командиры экипажей нашего батальона прошли маршруты, обозначили проходы и обходы. Затем наметили остановки, рубежи регулирования, сигналы, время начала движения и атаки. Обговорили

способы преодоления препятствий, взаимодействия, свя-
зи, управления и множество других вопросов.

Коммунисты в ту ночь постарались довести постав-
ленные задачи до каждого солдата, призвали личный со-
став воевать отлично.

Коротка, ой как коротка, была эта ночь на 12 января 1943 года для всех и, конечно, для нас, танкистов! Всего, казалось, не переделать. У танкистов, как у студентов перед экзаменом, всегда не хватает нескольких часов. Казалось, все взвешено, проверено, но нет — еще раз про-
верка... и еще раз... Вроде танки одной и той же конструк-
ции. А между тем каждый из них имеет свои особен-
ности и в работе двигателя, и в регулировке. Поэтому перед боем, пока нет сигнала вперед, механики, техники, ба-
шенные стрелки, связисты, командиры проверяют до по-
следней минуты и обязательно обнаруживают какой-то дефект. И тут же устраняются неполадки, делают так,
чтобы спокоен был экипаж за боевую технику, был уве-
рен в ней.

Для разных родов войск в зависимости от положения их перед наступлением ожидание боя имеет свои особен-
ности. Для тех, кто находится в непосредственном сопри-
косновении с противником, требуется после подготовки одно — сигнал «Вперед». Другим надо выдвинуться в заданный район и занять там свои позиции. Это, по суще-
ству, уже начало боя, хотя пули и не свистят. Более то
го, все перемещения совершаются тихо, чтобы не демас-
кировать себя. Ведь если противник обнаружит, то упре-
дит с ударом, а это значит — срыв наступления. Поэтому
при выдвижении на позиции люди действуют с большей
осторожностью.

Так, в нашем батальоне выдвижение танков к заранее подготовленным и замаскированным укрытиям проходило по одному на малых оборотах двигателя и под аккомпа-
немент обычнойочной артиллерийской перестрелки. Май-
оры Воякин и Колибердин проверяли каждый экипаж, об-
ходя на позиции поочередно все танки.

Все вроде нормально, все готово. Только вот нет еще артиллериста и летчика, которые должны находиться с батальоном по плану взаимодействия. На предварительной встрече даже договорились, кто в какой танк садится, какие позывные. Но артиллерист и летчик почему-то за-

держивались. Командир батальона нервничал. Он все ходил взад и вперед по траншеи, посматривая на часы.

Наконец начальник штаба доложил командиру, что летчик и артиллерист прибыли и хотят сообщить некоторые дополнения, вызванные последними разведывательными сведениями. Оказалось, что на поддержку батальона выделяется не одно, а три звено-вылета. Назначались новые рубежи, с выходом на которые командир мог вызывать авиацию.

Артиллерист доложил, что в период переправы через Неву и при выходе на другой берег Невы танки будут поддерживаться двумя минометными и одной артиллерийской батареями. Две артиллерийские батареи перенаселяются на направление 61-й легкой танковой бригады. Однако с выходом батальона и действующей с ним пехоты на плацдарм их будут поддерживать три артиллерийские батареи.

Майор Воякин был доволен этими сведениями и тут же распорядился, чтобы к нему поочередно прибыли командиры рот. Еще раз обсудив с каждым из них план действий, он приказал занять места в танках, усилить наблюдение, следить за сигналом атаки — одна красная ракета.

И опять ожидание. Радостное и тревожное ожидание атаки. Сколько еще ждать, никто из нас не знал. Это известно там, вверху. А нам — нет. Может быть, пройдут еще секунды, минуты, а может быть, и часы.

На этот раз в моем распоряжении находился тягач (танк без башни), не то что под Белоостровом. В тягаче сидела группа эвакуаторов и ремонтников из трех человек, которые были вооружены пулеметом, автоматами и гранатами.

Все с нетерпением ждали сигнала атаки. На востоке уже чуть посветлело. Падал редкий снег, крупный, пушистый. Подумалось о том, что вот такие же хлопья снега падают сейчас на машины товарищей, на две танковые бригады, на стволы орудий, на каски пехотинцев. Сколько же всего войск, техники сосредоточено здесь, на участке всего лишь в пять километров?! Мне трудно было тогда даже представить себе это. Чувствовал, что много, что большая сила притаилась по берегу Невы. И знал, что долг свой воинский выполним до конца, добьемся победы над ненавистным врагом.

67-я армия Ленинградского фронта и 2-я ударная армия Волховского фронта нанесли два встречных удара по врагу. Но прежде чем соединиться, ленинградцам надо было преодолеть «Невский Измаил» — так прозвали пятнадцатиметровую кручу у Шлиссельбурга солдаты 86-й стрелковой дивизии. В течение месяца противник обливал берег Невы водой. И такое препятствие, казалось, преодолеть невозможно. Но советские воины, в том числе и танкисты нашего батальона, пошли на штурм ледяной горы.

Канонада, рев танков, устремившихся через Неву и взбирающихся на ее обрывистые берега, раскатистое «ура», возвестившее о начале прорыва блокады, — все смешалось в единый гул, который отзывался в сердцах каждого ленинградца радостным победным эхом.

На правом фланге с частями 45-й гвардейской стрелковой дивизии наступали 86-й и наш 118-й отдельные танковые батальоны. Им была поставлена задача совместно нанести удар там, где ожидал его противник, где не раз уже пробовали прорвать блокаду — непосредственно на невском пятачке. И когда началось общее наступление, противник не сразу разобрался, где действительно главный, а где вспомогательный, отвлекающий удар. Он менее всего рассчитывал, что наши войска рискнут лезть на облитые водой и покрытые льдом крутые берега Невы напротив 1-го, 2-го Городков, Марьино и под Шлиссельбургом. Хотя именно там и наносился главный удар. В центре действовала главная группировка 67-й армии — 136-я и 268-я стрелковые дивизии, а на левом фланге — 86-я стрелковая дивизия и 61-я танковая бригада.

Когда началось наступление, шквал огня вражеских артиллерийских и минометных батарей, ближних и дальних, обрушился на переправы. Танкисты не успели даже полностью переправиться на пятачок, как перед ними встало стена огня. От дыма и чада ничего не было видно. Где цели, где маршруты, где траншеи — об этом не думали. На полной скорости вперед и только вперед — таков был девиз танкистов. Ценой больших потерь танкисты достигли главного: на какое-то время отвлекли силы противника от главной группировки войск, которая хотя и с большим трудом, но вышла на берег Невы и 12 января захватила два изолированных друг от друга плацдарма: один на участке 2-й Городок, Марьино по

фронту 5 км и в глубину 3 км; другой — в районе Московской Дубровки по фронту 2,5 км и в глубину 1,5 км. Захват этих плацдармов позволил инженерным войскам 67-й армии с вечера 12 января приступить к созданию ледяных переправ для средних и тяжелых танков. В это время 45-я гвардейская стрелковая дивизия с остатками 118-го отдельного танкового батальона стремилась расширить плацдарм напротив Невской Дубровки. 86-й танковый батальон был направлен на поддержку 941-го стрелкового полка 268-й стрелковой дивизии. К пяти часам вечера 12 января части этой дивизии вместе с танкистами овладели пунктами Дачи, Гараж и продолжали наступление. Имела успех 136-я стрелковая дивизия, которой был придан 548-й танковый батальон 61-й танковой бригады.

45-я гвардейская стрелковая дивизия с утра 13 января возобновила наступление, чтобы не допустить переброски противником своих сил из этого района на другие направления. Бои носили ожесточенный характер. Прорвав третью траншею под Арбузово, казалось, мы лишили врага возможности сопротивляться. Произошла даже какая-то заминка в наступлении, и нам, особенно мне, находящемуся в боевых порядках танковой роты старшего лейтенанта Ганеева, подумалось, что вот и кончился бой. Противник не оказывает сопротивления, значит, силы его иссякли. Но я ошибся в своем предположении.

На опушке обгоревшего леса вдруг показались первая, вторая, третья цепи гитлеровцев. Неужели психическая атака? Нам было понятно, что вот-вот свои атакующие цепи противник поддержит огнем минометов и артиллерии. Есть два варианта: либо отражать атаку с места из-за укрытия, либо идти на сближение и драться врукошашную. Кто-то из строевых командиров выбрал второй и скомандовал вперед. С криком «ура-а!» пехота двинулась навстречу врагу. Когда оставалось метров сто друг от друга, обе стороны перешли на бег. В это время противник открыл минометный и артиллерийский огонь. Но было поздно. Наши цепи миновали огненный участок. В рукопашной схватке враг понес большие потери и откатился.

Теперь ближний бой перешел в бой дальний: наши танки и артиллереия вели огонь по артиллерийским и минометным целям противника. К вечеру подошли подраз-

деления 152-й танковой бригады, которые были введены в бой позже нас. Я оказался у танка старшего сержанта Мелконяна. Машина провалилась в какую-то яму и села цамертво. Тягач пока не вернулся — он оттаскивал подбитый танк к берегу. А без него сдвинуть танк не смогли. А тут еще противник перешел в контратаку и чуть было не захватил танк. Хорошо, что подоспели наши пехотинцы. Вскоре подошел тягач, и мы вытащили танк Мелконяна, который тут же поддержал атаку нашей пехоты.

Находясь в боевых порядках танкистов, которые отбивали контратаки противника на северо-западной опушке рощи Колокольчик, мне довелось видеть, как геройски сражались воины. Вызвали восхищение отважные действия экипажа во главе со старшим лейтенантом Гордеевым. Искусно маневрируя танком и огнем, воины уничтожили десятки фашистов. Дважды приходилось срещивать гусеницы. На руках по траншеям подносили танкисты снаряды, по одному передавали через люк в днище. Противник вел здесь ураганный огонь, пытаясь восстановить положение. Потом мы уже узнали, что на этом направлении стояла батарея 305-мм пушек. Кстати, эти пушки обстреливали и ладожскую Дорогу жизни.

Вражеская оборона была крепкой. Вместе с пехотинцами танкисты уничтожали дзоты, прокладывали путь наступающим. На моих глазах танк младшего лейтенанта Лаптева подошел к дзоту противника, извергающему потоки огня, и корпусом закрыл амбразуру. Пехота вновь поднялась в атаку.

18 января части 86-й стрелковой дивизии и танкисты 61-й танковой бригады освободили Шлиссельбург. За проявленный героизм и успешные боевые действия 61-я бригада позднее была преобразована в 30-ю гвардейскую танковую бригаду. Действительно, звание гвардейцев они заслужили по праву. Имея легкие танки Т-60 (их звали «малютки»), трудно было вести на равных бой с тяжелыми фашистскими танками. Выручали, как всегда, смелость, мужество и смекалка.

Однажды командир танка лейтенант Д. И. Осатюк встретился с двумя тяжелыми вражескими машинами. Те стали его преследовать. Осатюк начал маневрировать, отходя к позиции противотанковой батареи. Увлеченные

В. П. Воронин

И. К. Лаптев

Хаджи Мурат Анна Ших

А. А. Чистов

Г. А. Чапов

Н. С. Семенов

Т. Г. Шмарин

И. К. Письменников

М. Д. Кононов

А. Ф. Волков

П. И. Пинчук

И. Л. Хмельницкий

Д. П. Карев

Н. Н. Шестаков

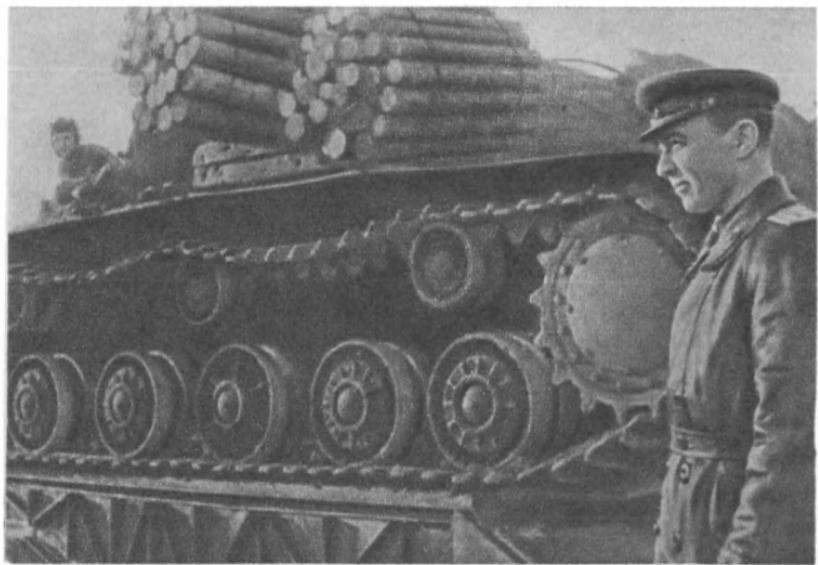
Танки 118 отб в учебной атаке на карельском полигоне.

В. Г. Бабюк

Н. А. Полевој

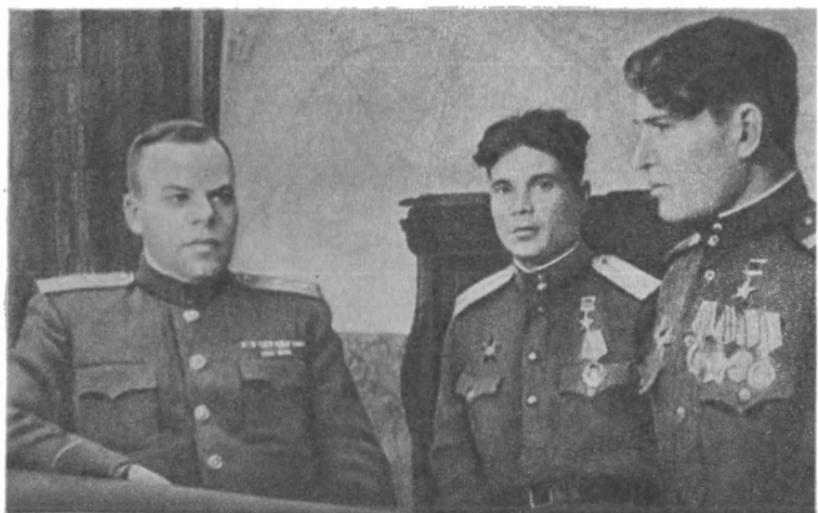
Г. А. Федоров

В. А. Проценко

И. В. Кононов

Герой Советского Союза М. С. Сальников (справа) на приеме у начальника Политуправления Ленинградского фронта генерал-лейтенанта Д. И. Холостова

В. Д. Иммерлишвили

Д. А. Кутилов, 1943 г.

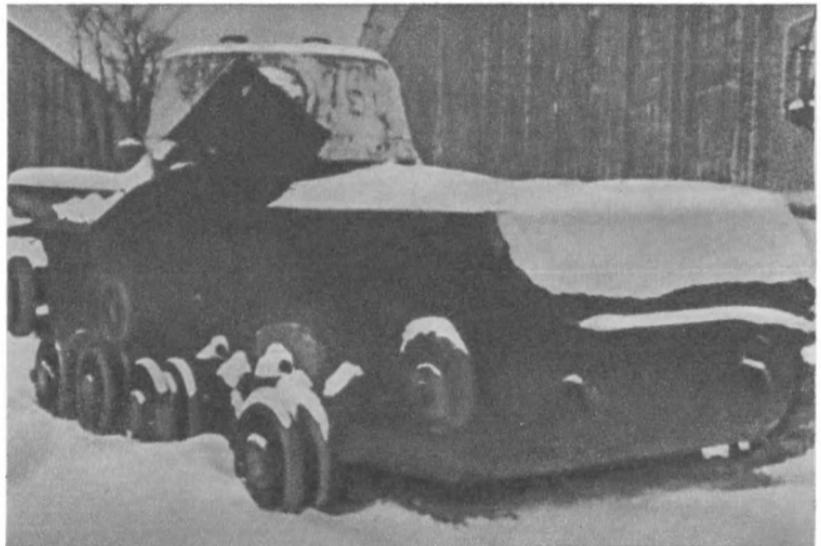
Танк успешно эвакуирован. Слева направо: капитан С. Д. Семеркин, майор И. Ф. Тимофеев, рядовой И. В. Тимонин. Декабрь, 1941 г.

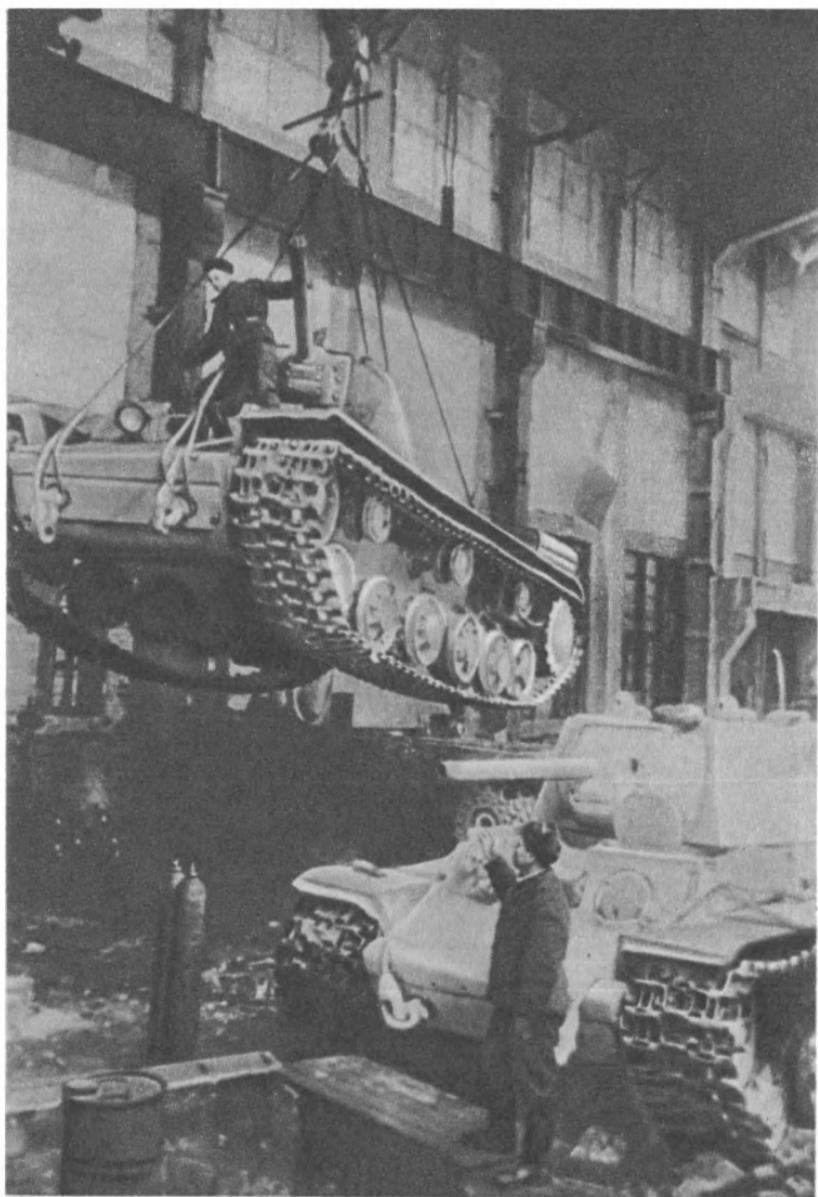
Б. И. Кольцов

И. Д. Строганов

Такими доставлялись на завод танки с поля боя

Оживает еще один танк. Внизу слесарь-сборщик Ф. Потапов, на танке А. Задворный. Декабрь, 1941 г.

И. А. Андреев

С. В. Сахаров

Один из танков КВ, собранный бригадой Ирины Булыгиной

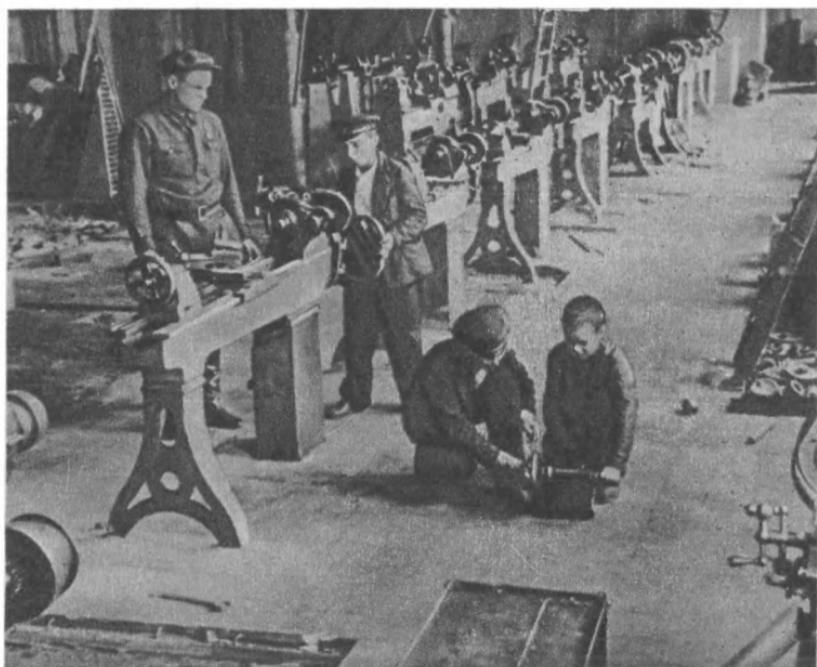
Бригада слесарей-сборщиков Ирины Булыгиной. Сидят внизу: И. Б. Булыгина (справа), Е. Крюкова. Стоят (слева направо): А. В. Задворная, З. Б. Брейкина, А. Г. Ермолаева, С. Г. Сульманова, С. А. Токарева (ныне Дерягина)

Миша Егоров

П. И. Баранов

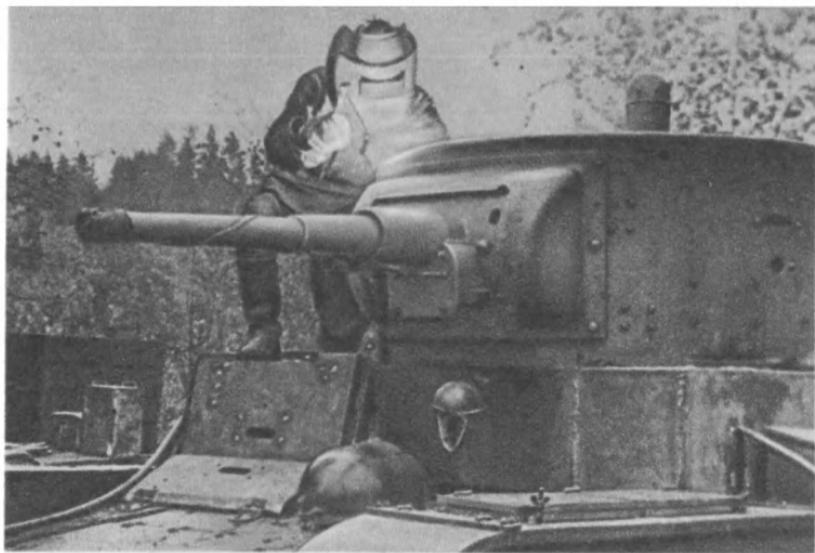
Они пришли на смену отцам. Ленинградский металлический завод.
1942 г.

В. И. Голиков и Г. А. Федоров среди рабочих завода № 27. 1944 г.

Старший мастер по сборке танков Б. М. Устинов (крайний справа).
Ноябрь, 1941 г.

Экранировка танка БТ в полевых условиях

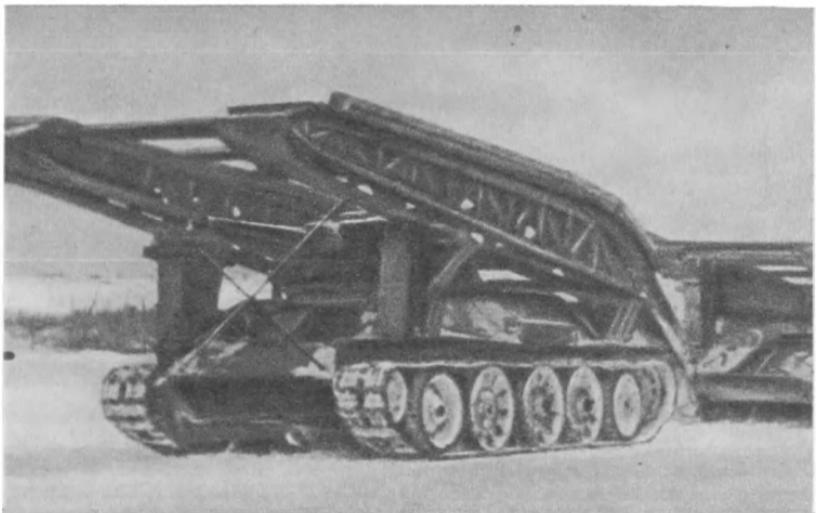
Член парткома завода Н. И. Хорьков знакомит рабочих цеха с фронтовыми новостями. Февраль, 1942 г.

Н. И. Бобров

П. И. Романенкова, 1965 г.

Танки — мосты, оборудованные на заводе № 27 по проекту офицеров управления БТ и МВ Ленинградского фронта

Встреча после войны. Встретились ветераны 27-го ремонтного завода. Слева направо: Н. И. Абрамов, Е. П. Степанова (ныне Васильева), бывший главный инженер А. Ф. Пехотин, ветеран завода, бывший начальник фронтовой ремонтной базы, Е. Н. Непомнящий и А. Н. Яковлев

В блокадные дни Ленинграда они трудились для фронта в цехах металлического завода. Первый ряд (слева направо): А. А. Иванов, А. Ф. Попов, В. Ф. Блинков, Г. А. Петров, Л. М. Хейфец, А. А. Сидоров; второй ряд: М. Панкова, П. М. Белоусова, Е. М. Ульяненкова; третий ряд: И. В. Васильев, А. Ф. Пруднченко, В. С. Доморад, В. А. Михайлов, И. С. Бертов, Б. Е. Гуревич

преследованием, танки врага не заметили опасности и были подбиты артиллеристами.

Дерзость и решительность помогли роте старшего лейтенанта Ф. И. Степанова выиграть трудный бой за лес Мак, где танкисты встретили до 300 солдат противника, которых поддерживали танки и орудия. Советские воины ворвались на позицию противника и разгромили его.

Только один танк старшего лейтенанта В. П. Воронина — заместителя командира 1-й танковой роты по политчасти — уничтожил три орудия и до тридцати солдат и офицеров противника.

Отличились в боях капитан Е. К. Коваленко, башенные стрелки сержант А. И. Прыгунов, старший сержант Н. И. Путяков и многие другие солдаты и офицеры.

По сравнению с танковыми экипажами мужество ремонтников-эвакуаторов не бросалось в глаза — ведь они лишь в исключительных случаях брались за оружие. Основное их дело — ремонт и эвакуация поврежденных танков. Однако свою задачу они выполняли не после боя, а под огнем противника и на виду у него, особенно когда производили сращивание гусеницы. Ведь спрятаться нельзя ни в окопе, ни в ямке — надо ремонтировать. Поэтому и потери были немалые. Но никто и никогда не уклонялся от своих обязанностей.

Трудностей, связанных с ремонтом танков на поле боя, возникало много. Приходилось доставлять запасные части, снимать годные детали и агрегаты из сгоревших танков, чтобы затем ставить их на другие машины. Часто выкачивали горючее из подбитых танков, перетаскивали боеприпасы, чтобы обеспечить уже отремонтированные танки. За этими делами забывалось, что находишься на поле боя. Свыкались с опасностью и действовали спокойно.

Не все понимали наше положение. Помню, лейтенант М. А. Фролов, танк которого был подбит, вместе с экипажем занял место в цепи пехотинцев и атаковал противника. Дескать, сами справляйтесь, а нам воевать нужно. Даже обидно стало.

И командир мой майор Воякин, когда его танк подбили, подбежал ко мне и бросил упрек за то, что много танков стоит на поле боя. А разве мы виноваты? Большинство танков сгоревшие — их к жизни не вернешь.

Только успел я передать своему комбату отремонти-

рованный танк, как подъехал командир 152-й танковой бригады полковник П. И. Пинчук. Танковая пушка была заклинена, сам полковник ранен. Он тут же потребовал другой танк. А где его взять? Пока подобрались к стоявшему неподалеку подбитому танку, два товарища погибли. Остались втроем. Отремонтировали машину — и надо же такому случиться! — не успел полковник Пинчук и трех выстрелов сделать по врагу, как его танк прошло термитным снарядом, и он загорелся. Подбежали к машине, вытащили раненого полковника Пинчука, и... тут мечта ранило самого.

Этот сон перед пробуждением мне почему-то запомнился. Будто меня встречают мать, отец, сестры, друзья. Деревня какой была, такой и осталась. Кругом цветут сады. А к дому все идут и идут: соседи, знакомые. Они все рады моему приезду в отпуск. После войны. В чине капитана. С орденами. На лицах у всех радость. У матери на глазах слезы. Это слезы счастья. Я пытаюсь успокоить мать.

— Не надо, не надо плакать, мама. Все хорошо. Ведь победа, и все радуются.

Но вдруг откуда-то появились солдаты в зеленом. Они то грозят, то снова прячутся. А наш батальон и я с ним идем вперед. Фашисты убегают. Друзья меня закрывают. Поддерживают. Я снова в танке, сажусь за рычаги, нажимаю педаль газа — танк идет на них, врагов. В линию рядом с моим танком идут танки товарищей. Их целая лавина. Я слышу могучий гул по всей ленинградской земле. Вижу, будто въехали мы на поляну. Кругом цветы, цветы, цветы... Товарищи уходят. А как же я? Открываю глаза, вижу — в землянке. Рядом кто-то в белом. Кругом тихо, спокойно.

— Где я?

Медсестра, прикрыв мне рот ладонью, говорит:

— Тихо, все хорошо. Вам надо помолчать...

А я смотрю на нее и глазам не верю. Ведь это же Надя, та самая девушка, с которой познакомился еще в сентябре 1941 года во время поездки из Агалатово в Пушкин.

Надя тоже узнала меня, крепко сжала мою руку. И это было самое лучшее лекарство в эти минуты: встретиться

почти с незнакомым человеком и в то же время кажущимся таким близким и родным! Надя бережно поправила мою раненую руку, сказала:

— Вас сейчас отправят в госпиталь, а мне пора — ждут, сегодня много раненых...

Мне стало не по себе. Никак не верилось, что из-за ранения в руку я должен оставить свой батальон, своих товарищей. И в какой момент!

Ведь блокада прорвана, и мне хотелось порадоваться победой вместе со своими фронтовыми друзьями. А тут жди отправки в госпиталь...

Ночью 18 января 1943 года нас, раненых, доставили в Манушкино, а через трое суток — в ленинградский госпиталь, что на Васильевском острове. Впервые с начала войны, попав на настоящую кровать и будучи еще слаб от потери крови, я спал целыми сутками. Даже когда просыпался, я думал о том, какими счастливыми должны быть люди, которые имеют возможность вот так спать без всяких ограничений. Однако уже через неделю белоснежная кровать и стены госпиталя стали влить. И не только меня, но и товарищей из палате — «ходячих». Хотелось немедленно уехать на фронт, в свои части. Да и не привыкли мы к таким порядкам, к такому обращению: осторожно, пейте вот это лекарство через час, а это через три, врач будет тогда-то...

Словом, на душе было муторно.

Пробовал уговорить врача Валентину Петровну отпустить в часть. Лицо у нее было усталое и строгое. Она выслушала меня и сказала:

— Нет, нельзя. — А потом добавила: — Мы вас эвакуируем на Большую землю.

— Как? — на меня словно вылили ушат воды.

— Так, — твердо выговорила она. И дала понять, что аудиенция окончена.

Я ушел в палату, лег на кровать, закрылся одеялом и все думал, думал. И по всему выходило, что изменить что-либо не в моих силах. Дело в том, что этот госпиталь выполнял роль как бы эвакуационного пункта. Мы, например, счастливчиками считали тех, кто остается здесь, в Ленинграде.

А на самом деле, оставались те, кто был еще не транспортабелен и находился в тяжелом состоянии. И как много старания и теплоты проявляли врачи, младший меди-

цинский персонал, чтобы помочь раненым, вылечить их, спасти им жизнь. Так разве можно было на них обижаться?

Заботу о раненых проявляли, как могли, и жители Ленинграда. Ежедневно в проходной выстраивалась очередь, чтобы сдать свою кровь раненым. И были по-настоящему счастливы, когда им это удавалось. Ведь врачи не у всех брали кровь. Собственно, не у всех можно было ее брать. Для многих ленинградцев это, по существу, означало лишение жизни. Но люди просили, может быть не понимая или не желая понять, что это опасно, просили взять их кровь. И плакали, когда им отказывали. Врачи, раненые благодарили их от всего сердца, успокаивали, тепло прощались.

Раненых навещали дети. Они читали книги, газеты, подавали воду, костили, халаты. Поправляли подушки. Прикрывали двери. Подкладывали в печки-времянки топливо. И улыбались, всегда улыбались. К ним относились одинаково тепло. Особенно любили детишек пожилые солдаты. Они усаживали их возле кровати, гладили, обнимали, вспоминали собственных детей, перебирая волосы на их головках. Отдавали им свои сухари, сахар. Дети отказывались, клали обратно — под подушку раненых. А если солдаты сердились и настаивали, то все равно они оставляли гостинцы на столике, когда уходили из палаты.

Бывали у нас и бабушки. Они штопали, подшивали, ухаживали за тяжело раненными, дежурили возле них.

Медицинских сестер не хватало. Они то и дело уезжали с ранеными, которые эвакуировались. Поэтому бабушки все ночи напролет были здесь. По первому зову они всегда появлялись рядом, и всегда с улыбкой, со словами «сыночек», «родненький».

И каждый, кто ощущал на себе заботу ленинградцев, на всю жизнь сохранит к ним любовь, будет беречь память о них до последнего дня.

К раненым часто приезжали фронтовые друзья. Навестили и меня: секретарь партбюро капитан Неаскин и рядовой Письменников, с которым я часто выезжал в Ленинград. Товарищи рассказали о заключительных боях по прорыву блокады. Они были тяжелыми, и батальон понес большие потери. Была поставлена задача восстановить поврежденные танки, шло укомплектование баталь-

она. Майора П. А. Воякина отзывали, и командиром батальона назначили майора Н. И. Лобанова. Моя должность остается за мной, надеются, что скоро вернусь.

Попытался я еще раз вырваться из госпиталя. Однако уговорить сестру-хозяйку, чтобы она выдала мне обмундирование, не удалось. А в халате куда уйдешь?

Так и остался в госпитале ждать эвакуации.

В госпитале мы были всегда в курсе событий на фронте. Мы знали, что советские войска, преодолевая упорное сопротивление врага, продвинулись дальше от Шлиссельбурга на Синявино. И как мы радовались, когда пришло сообщение о том, что Ленинград соединился с Большой землей! Он вздохнул полной грудью и готовился к новым решительным схваткам с врагом.

С прорывом блокады Ленинграда ускорилась и эвакуация раненых. Помню, к госпиталю утром подошли санитарные машины, в них погрузили нас, раненых, и повезли через Ладогу. Ехали долго, весь день. Когда начало темнеть, поднялась пурга. Но не стоять же на дороге! Регулировщики показали — путь открыт. И машины тронулись по Дороге жизни, спасшей ленинградцев от голодной смерти. Колонна двигалась медленно. Навстречу нам, с Большой земли, тоже шли колонны машин.

Посыпался гул самолетов, разрывы бомб где-то совсем недалеко. Машины увеличили скорость. Потом остановились. Затем снова тронулись. И опять остановились. По времени давно уже следовало быть на том берегу Ладоги, а мы все ехали, и неизвестно куда. На очередной остановке сопровождающий приоткрыл дверцу и сказал, что из-за налета вражеской авиации немного взяли в сторону. Позже оказалось, что колонна просто заблудилась.

Ждали, пока не рассвело. Начальник колонны уехал искать основной маршрут и возвратился через три часа. Стоял конец января, и мороз был крепкий. Тяжело раненных поочередно согревали одеялами, собранными в колонне.

Только к обеду колонна вышла на материк. Санитарный поезд давно нас ожидал. Это был поезд, оборудованный вагонами-теплушками, в которых уже были расположены печки-времянки. Нас очень быстро перегрузили, накормили горячей пиццей.

По железной дороге ехали медленно, с множеством остановок. Почти две недели добирались до Соколово, что под Вологдой.

Перевязок в теплушках не делали. Тогда пенициллина и различных сульфамидных препаратов не было. Поэтому раны не открывали, чтобы не внести инфекцию. Но некоторых раненых подстерегала другая беда — у них начинались воспалительные процессы, даже гангрена.

У меня в основном все было нормально. Правда, левая раненая рука заметно усыхала. Врачи успокаивали — все пройдет.

Через неделю сюда в вагоны. Поезд взял путь на Архангельск. Кто не мог дальше эвакуироваться, остались для лечения в Соколово. К нам в теплушку подсадили новичков с Ленинградского и Волховского фронтов. Ехали двенадцать суток. За эти дни ближе познакомились друг с другом. Слушая рассказы о боях, в которых они участвовали, как-то по-иному, в большем масштабе представлялась картина блокады, ее прорыва. Возникало чувство гордости за ленинградцев, весь советский народ, за его мужество, героизм, преданность великим завоеваниям Великой Октябрьской социалистической революции.

В Архангельске, как и в Ленинграде, создавались все условия, чтобы помочь раненым быстрее вернуться в строй. Нас навещали школьники, комсомольцы. Они также читали, писали письма домой, товарищам, дарили самодельные сувениры, устраивали вечера, встречи в клубах и многое, многое другое. Все это делали для того, чтобы раненые быстрее набирались сил.

Расскажу об одном вечере, состоявшемся в Интерклубе. Я пошел туда с другом Макарычем, тоже танкистом из-под Ленинграда. В клубе собралось много городской молодежи и гостей — мы, фронтовики, и англичане, в основном моряки с транспортных судов.

Вечер был посвящен дружбе с союзниками по борьбе с фашизмом.

Меня с Макарычем пригласили в президиум — все же фронтовики, оба капитаны, ранены, награждены. Спросили — кто из нас выступит перед людьми. Я ответил в шутку, что Макарыч, дескать, все может. Действительно, он согласился. Предоставили ему слово. Вышел к трибуне, вижу, волнуется. Пауза затянулась, но в зале было тихо — понимали его состояние.

Наконец он поклонился и сказал:

— Спасибо присутствующим за заботу. А мы воевали, били врага, будем бить и разобьем его. Будьте уверены.

Бурная аплодисменты загремела в зале. Больше ничего и не надо было говорить. Он сошел с трибуны и сел рядом со мной, розовый, смущенный.

Выступило еще несколько человек, и торжественная часть на том закончилась. В зале все перемешались: фронтовики, жители Архангельска и англичане.

К нам подошел долговязый англичанин. Поздоровался за руку и на ломаном русском языке попросил у Макарыча интервью. Макарыч согласно кивнул головой. Англичанин задал вопрос: как воюют их танки на Ленинградском фронте? Мы оба слышали, что на Ленинградский фронт будто бы прибыли английские танки «Черчилль», но танкисты их не любят: машины маломаневренны, имеют слабую броню и очень горят, так как работают на бензине.

— На ваших танках пока что воевать не пришлось, но товарищи говорили, что они слишком дымят, — откровенно сказал Макарыч.

— Это как понимать? — переспросил англичанин. — Разве ваши танки на газойле, плохом топливе, не дымят? — добавил он.

— Не в том смысле, — ответил Макарыч и продолжал: — Ваши танки, хотя и работают на бензине, но в бою горят от первого же прикосновения снаряда и дымят так, что ничего не видно, даже обещанного второго фронта.

У англичанина глаза от такого ответа стали большими, круглыми. Смутился, вынул трубку изо рта и кашлянул.

Рядом с нами стоял кто-то из представителей городских властей и, извинившись перед англичанином, осторожно взял меня и Макарыча под руки, сказал, что нам пора в госпиталь.

Было ясно, что интервью в таком духе продолжать нежелательно. Мы откланялись и ушли с вечера раньше времени. Дипломатов из нас не получилось.

Через две недели после вечера в Интерклубе я уговорил врачей отпустить меня в часть.

Обратный путь в Ленинград был таким же, как и в Архангельск, — через Вологду и Ладогу. В дороге я увидел и услышал много нового, интересного. Ведь теперь мне пришлось добираться до места на разных поездах — пассажирских и товарных, а то и просто на паровозе. Твердых расписаний для пассажирских поездов еще не было, а зеленую улицу давали товарнякам, которые доставляли груз на фронт.

Хоть и война, а пассажиров было много. Среди них большинство женщин. Много было раненых — кто с kostылем, кто с грубо обструганной палкой. Некоторых сопровождали медицинские сестры, других, видимо, жены или родственники.

В Вологде пришлось сделать вынужденную остановку.

На вокзале узнал, что первый поезд пойдет до Кобоны еще не скоро. Я даже обрадовался этому — была у меня мечта встретиться с девушкой студенткой, с которой я переписывался. В то время тысячи девушек писали письма на фронт, адресованные солдатам, сержантам и офицерам. Вручили и мне такое письмо еще в конце 1941 года. И мое желание встретиться с девушкой, от которой два года приходили хорошие, теплые, полные уверенности в победе и благополучном возвращении письма, — это желание было закономерным.

Спросил милиционера, где находится ее институт. Он сказал, что институт эвакуирован не за 80, не за 100 км от города. Транспорт туда почти не ходит, и он не знает, как можно мне помочь. Как ни жаль, а было ясно, что встрече не суждено состояться.

Возвращаясь на вокзал, я зашел в магазин. Просто так, посмотреть, ведь купить ничего нельзя было: все выдавалось по карточкам. И продавец, и немногочисленные покупатели обернулись ко мне. Спросили, что нужно. Мне было очень неловко. Я спросил спичек, хотя они мне были и не нужны. Тут же на прилавке появился коробок. Я поблагодарил и хотел уйти, но не тут-то было. Женщины обступили, засыпали вопросами: откуда, как там, на фронте? не видел ли случайно такого-то?..

Пришлось обстоятельно отвечать, что сам с Ленинградского фронта, возвращаюсь опять на фронт, что такого-то встречать не приходилось.

— А как же будешь там, на фронте, ведь рука-то подвязана? — спросила с тревогой пожилая женщина.

— Да это так, по привычке, а вообще все уже хорошо, — ответил я.

Когда я шел по улице, то замечал, как многие женщины внимательно всматривались в мое лицо, будто искали в нем какие-то знакомые им черты. И я, конечно, понимал, что у каждой из них кто-то на фронте — муж, брат, отец, жених, которых ждут, хотят увидеть, узнать о них. Между прочим, и я ловил себя на том, что в проходивших мимо людях тоже искал знакомых, надеялся на необыкновенный случай — а вдруг здесь увижу свою матер или сестер, которые смогли эвакуироваться сюда из далекой Украины, попавшей в оккупацию.

Вечером подошел поезд. Вместе с толпой я вышел на перрон и, как раненый, без особых трудностей попал в вагон. Он не отапливался и ехать было трудно. В пути поезд часто и подолгу стоял на полустанках. Люди выходили, набирали в различную посуду снег, пытались его растопить, чтобы попить воды. Только на больших станциях можно было взять воды и даже кипятку.

Через сутки выяснилось, что поезд до порта Кобона, куда я стремился, не пойдет. Уговорил машиниста товарного поезда взять к себе на паровоз. Меня даже угостили чаем. Я не отказался, потому что вконец продрог.

Кроме машиниста и его помощника был еще кочегар, прихрамывающий, в средних летах человек.

— Счастливый вы, — сказал он мне. — На фронт едете, а я вот отвоевался. Тоже был в танковых. На Волховском. В частях генерала Кононова. Может, слыхали? — спросил он.

— Да, слыхал, воевали хорошо.

— Нет, нехорошо воевали, — возразил кочегар. — Все больше в болота садились. Там такая местность, что не разгонишься, на дорогах лучше не появляться. Тут же фашист налетает.

— Кем вы были? — спросил я.

— Башенным. Под Новгородом удачно в бой раз сходили. Здорово ему, фашисту, дали. В конце боя танк угодил все же на мину. Взрыв, и вот — оторвало ступню. Так и списали. Просился снова на фронт — отказали. А я мог бы, руки-то здоровые, вон какие. — Кочегар показал свои огромные ручищи. Только на одной из них не было двух пальцев. Он заметил мой взгляд и быстро опустил руки.

— Да что уж, Иван Петрович, — вмешался машинист. — Ты свое сделал. И танкистом побывал, и в разведке участвовал. Теперь здесь ты вроде тоже за танкиста, все же возле машины, паровоз без тебя ни взад ни вперед...

— Так-то оно так, — вздохнул кочегар, — а все же там, на фронте, дело побойчее. Не рассчитался я полностью с Гитлером, вот и тянет туда, на фронт. Ладно уж, покочегарю здесь, все же ближе к фронту, — сам себя успокаивал Иван Петрович. — Душа радуется, когда вижу, как наши самолеты сбивают фашиев. Они нет-нет да и залетают сюда. Когда горит вражина, на душе легче становится. Как будто и я там, с нашими летчиками, когда сбивают фашиста.

— А откуда сами?

— Саратовский я. Да там никого и нет. Старуха померла. Сыновья где-то на Ленинградском. Вот и думаю, может, как-нибудь свижусь. Вы туда, капитан? — спросил он меня.

— Туда.

— Вот случай! Возьмете письмо? Все быстрее дойдет. Вот только подложу дровишек и напишу.

— Да вы пишите, а я дрова сам подброшу. Как-нибудь справлюсь.

Полез в тендер за дровами. С одной рукой не особенно ловко у меня получилось. Помог машинист.

Кочегар, примостившись в уголке, писал письмо. Закончил, свернул треугольник и тут всполошился:

— Адреса не помню. В чемодане оставил, в общежитии. Что же теперь делать?

— Не расстраивайтесь, — успокоил я его. — Напишите фамилию, имя и отчество, а я сдам письмо в нашу военную центральную почтовую станцию, а там разыщут сына.

— Это хорошо. Бери и не потеряй. Всё буду благодарен.

— Да что вы, все будет в порядке.

Когда приехал в Ленинград, я действительно сдал письмо в городскую военную комендатуру.

Неожиданное назначение. — Мои наставники и сослуживцы. — На синявинском направлении. — Танки снова идут в бой. — Проблемы ремонта. — На Военном совете фронта. — Вызов в столицу. — Сутки в родном доме.

До Ленинграда добрался без осложнений и очень быстро, устроившись с командой, которая направлялась в город.

Переночевал на 27-м ремонтаводе и утром явился в отдел кадров управления бронетанковых войск фронта. Представился. Меня узнал начальник отдела кадров майор Н. И. Кожевников, бывавший не раз в батальоне. Он позвонил инженер-подполковнику Г. А. Федорову, тому самому, который в апреле 1942 года вытаскивал из реки Невки танк, сорвавшийся при испытаниях с моста.

Федоров пригласил к себе, расспросил, где был, как добрался до штаба, поинтересовался, где бы я хотел служить.

— Конечно, в своем батальоне, — ответил я, не зная, что на мою должность уже назначен другой офицер...

— Подумаем, — ответил Федоров. — А пока получите в кадрах документы — и в учебный полк.

Я получил направление в 12-й учебный танковый полк, в резервную роту. В ней было около ста человек, ожидающих назначения на фронт. И я вместе с ними. Через неделю вызвали в отдел кадров, показали телеграмму из архангельского госпиталя. Текст гласил, что я убыл, не закончив курса лечения. Пришлось еще раз объяснять, что действительно уехал по собственному желанию и хочу одного — направления в часть.

— Что ж, будем долечивать здесь, — сказал майор Кожевников. — В часть посыпать вас нельзя. — И, взяв левую руку за локоть, спросил: — Действует?

— Ничего, — ответил я, хотя кисть руки слушалась плохо и болела.

— Пока будете работать у нас, в штабе. А там посмотрим, — сказал Кожевников.

Так случайно в моей службе произошел крутой поворот.

Меня направили к инженер-полковнику Д. П. Кареву, начальнику ремонтно-эвакуационного отдела управления бронетанковых войск фронта.

Он принял очень тепло, подробно объяснил характер работы, поспешил заверить, что я смогу часто бывать в частях. Карев мне понравился с первой же встречи. И это впечатление о нем, как о человеке исключительно внимательном, вдумчивом и душевном, со временем переросло в искреннее уважение.

Сначала мне поручили так называемый войсковой ремонт с задачей ежедневно докладывать о состоянии боевой техники и принимать меры к быстрейшему ее восстановлению. «Мои» части стояли в Рыбацком, под Пулково, Дубровке, Агалатово.

Выделили мне мотоцикл. Я был вполне доволен еще и по той причине, что мне легче выполнять совет врача систематически тренировать левую руку. Он уверял, что со временем от физической нагрузки рука придет в норму.

К вечеру, когда я возвращался в штаб, рука сильно болела и опухала. Врач говорил, что так вначале и должно быть. Я уже увлекся своим делом, возвращался из войск довольный, с массой впечатлений и, право, забывал о руке.

Подготовленные мною доклады о состоянии боевой техники были достаточно полными, и я почувствовал, что начальник вроде бы доволен. Да и в частях встречали хорошо. Я обычно привозил решения командования о выделении запасных частей, ремонтных средств, помогал на месте справиться с тем или другим «недугом» танка.

Со временем я совсем прижился в штабном коллективе. Меня назначили на должность помощника начальника отдела и перебросили на промышленный ремонт. На первых порах было трудно привыкнуть к смене обстановки. Дело в том, что люди на заводах требовали к себе иного подхода, чем военнослужащие, хотя трудовая дисциплина была не слабее, чем в воинских частях, только какая-то растянутая. Вместо «есть» — «сделаю», «ладно», «постараюсь», «как получится», словом, не по-фронтовому. Правда, положение несколько облегчалось тем, что мне

уже приходилось бывать и работать на некоторых из этих заводов. Но тогда было проще. Я выступал в роли рабочего, отвечал за ремонт своих танков. Другое дело — теперь. Надо было уточнять производственные возможности заводов. Планировать ремонт. Обеспечивать заводы ремонтным фондом. Распределять специалистов по военным заводам. Следить за отправкой отремонтированных танков. Объединять усилия заводов. И многое другое. Всему этому нужно было учиться. Эту сложную науку управления мне помогали постигать работники аппарата заместителя командующего бронетанковыми и механизированными войсками (БТ и МВ) фронта инженер-полковника Н. Н. Шестакова. И словом, и делом, и личным примером.

Большим авторитетом у нас пользовался инженер-майор И. Л. Хмельницкий. Мы его называли «инженерный человек». Самые ответственные вопросы — сложные инженерно-технические расчеты, проверка и разработка проектов, производственных планов — поручались именно ему. И если учесть, что все это приходилось делать во фронтовых условиях, когда не было ни библиотеки, ни квалифицированной консультации, то можно себе представить, каким эрудированным он был, какими обладал глубокими инженерными знаниями.

К нему можно было обратиться за разъяснением в любое время. Он никогда не отказывал в помощи. Отложит в сторону свои бумаги, выслушает внимательно и постепенно, без нажима подводит к решению вопроса. И кажется, до чего все просто и ясно. Даже неловко порой бывало, что отвлек человек от работы по такому пустяку.

Инженер-майора И. Л. Хмельницкого уважали не только в штабе. Он всегда был желанным гостем на ремонтных заводах и предприятиях. Тогда специалистов-инженеров было недостаточно. С Хмельницким советовались, как лучше сделать или переделать ту или иную деталь.

А переделок было много. Запасных агрегатов и деталей не хватало. И рабочие проявляли максимум инициативы, изобретательности, чтобы отремонтировать танк. Однако и самодеятельности в этом деле допускать нельзя. Надо точно знать, можно ли заменить данную деталь на другую, выдержит ли металл и т. д. На эти вопросы, разумеется, могут ответить только специалисты. На ремонтных заводах, повторяю, инженеров было недостаточно, и

поэтому обращались, когда можно было, также к тому, кто их курировал, — к инженер-майору Хмельницкому. Его очень часто брали с собой и Н. Н. Шестаков и Д. П. Карев, когда выезжали на ремонтные предприятия.

Надо сказать, что инженер-майор Хмельницкий никогда не газовался. Чем больше он был нужен людям, тем больше он старался для них сделать.

С теплотой вспоминаю и о другом специалисте нашего отдела — снабженце майоре С. М. Адливанкине. Казалось бы, что может быть проще: собрал заявки, выяснил потребности, распределил по частям. Но в том-то и дело, что ресурсы были крайне ограничены. С Большой земли даже после прорыва блокады много прислать не могли. А заявки из войск и от ремонтных предприятий поступали. И их надо было каким-то образом удовлетворять. В противном случае сыпались доклады: из-за отсутствия запчастей столько-то танков небоеспособны.

Майор Адливанкин всегда анализировал, почему вышли из строя запрашиваемые агрегат или деталь, и требовал от инженеров-эксплуатационников, ремонтников на месте принимать меры по устраниению причин, ведущих к неисправностям. Это был правильный путь в тех условиях. Улучшение эксплуатации, предупредительный ремонт на месте — все это сокращало потребности в запчастях, продлевало жизнь танков.

Кроме того, майор Адливанкин старался лично проверить запросы частей и ремонтных предприятий. После того как он побывает на местах, заявки обычно сокращались наполовину. За это майора Адливанкина поругивали, считали «скрягой». А что ему оставалось делать? Положение с запчастями было очень трудное. Все учитывалось, как говорится, на вес золота и направлялось только туда, где в этом действительно нуждались.

По предложению майора Адливанкина практиковался так называемый обезличенный ремонт. Это означало, что танковая часть, которая сдавала агрегаты или детали в ремонт, могла их и не получить, если другая часть испытывала большую нужду.

Конечно, войскам и ремонтным базам было очень трудно без своего резерва запчастей, и это заставляло личный состав более внимательно относиться к эксплуатации танков и использованию запчастей, минимум кото-

рых — пусть лишь по отдельным номенклатурам — имелася в каждой части.

Такая линия позволяла в основном удовлетворять нужды бронетанковых войск в запчастях за счет их ремонта, производства, точного учета и целенаправленного использования.

Сразу же остановлюсь еще на одной важной проблеме снабженцев. Речь идет об обеспечении бронетанковых частей различными видами материальных средств, особенно боеприпасами и горючим. Танкисты очень часто перенацеливались с одного направления на другое и, следовательно, переподчинялись. На практике это нередко приводило к полному нарушению организации материального обеспечения.

В штабе фронта, в органах тыла задумывались над новой организацией материального, технического и медицинского обеспечения бронетанковых частей и соединений в зависимости от складывающейся обстановки. Однако предложения носили общий характер и касались в основном соединения; заранее или в ходе операции им направлялись соответствующие распоряжения о выделении необходимых сил и средств тыла.

Труднее обстояло дело с материальным, техническим и медицинским обеспечением отдельных танковых батальонов, полков, ремонтных баз, а также мелких подразделений (групп) танков, которые передавались на доукомплектование или перегонялись в ремонт или после ремонта в части. Таких танковых подразделений и отдельных групп в полосе фронта накапливалось много. Даже в ремонтном отделе не могли уследить за этими перемещениями танков. А боевая жизнь требовала знать, где кто находится, и принимать меры по их материально-техническому обеспечению. По этому поводу принимались самые различные меры. Одна из них, например, заключалась в следующем. Каждый командир или начальник, который отправляет в новый район подразделение либо отдельные танки, был обязан полностью обеспечивать их материальными средствами на весь путь следования, а также установленными по нормам запасами, позволяющими вести боевые действия сразу же по прибытии в новый район или часть. За выполнением этого требования следили очень строго.

Обеспечение бронетанковых войск при изменении обстановки осуществлялось командованием БТ и МВ фрон-

та по согласованию со службами тыла фронта. Здесь нашим направленцем был майор В. Д. Параничев. Он должен был уточнять и согласовывать все вопросы, связанные с перемещением складов и их отделений, организовывать обеспечение танковых и ремонтных частей, находящихся под контролем управления БТ и МВ фронта.

И еще одна важная обязанность была у майора Параничева — организация ремонта специальной техники: бронетранспортеров, различных агрегатов и мотоциклов. Такой техники в частях было много, но она находилась, как мы говорили, в состоянии «россыпи». Сначала майор Параничев с разрешения командования договаривался ремонтировать эту технику на предприятиях Ленинграда. С увеличением объема этой работы по предложению Параничева была создана 72-я ремонтная база. Она занималась исключительно ремонтом бронетранспортеров, мотоциклов и различных машин специального назначения, находящихся в бронетанковых частях. Базу расположили рядом с 27-м ремонтным заводом. Ее начальником был назначен опытный организатор и ремонтник подполковник А. И. Смирнов.

Нелегко было базе справляться с объемом работ. И главным образом потому, что она почти не имела запчастей для ремонта специальных машин. С бронетранспортерами, например, было проще, так как для их ремонта использовались автомобильные агрегаты (хотя и их поступало не более десяти процентов от потребности). Выходили из положения как могли: использовали ремфонд, т. е. вышедшие из строя машины, искали нужные детали на сборных пунктах аварийных машин, на заводах и предприятиях. А через некоторое время база наладила самостоятельное производство таких важнейших деталей, как поршни, поршневые кольца. Были организованы пропечка цилиндров, шлифовка валов, отливка заготовок для поковок и многое другое. Словом, база практически выполняла функции целого ремонтного предприятия.

Надо сказать, что опыт 72-й ремонтной базы позднее, в 1944 году, был применен на других подвижных ремонтных базах (ПРБ). Так, в боях за Прибалтику на всех ПРБ в полевых условиях осуществлялись производство и реставрация многих деталей, которые ранее получали с промышленных предприятий.

Возникали, конечно, трудности с оснащением баз, оборудованием. В основном приходилось рассчитывать на свои силы. Так, например, формы для отливок, различные приспособления для обработки поршней, колец, цилиндров, блоков, дисков колес и многих других деталей создавались непосредственно на базах. Все это вынуждало иметь на ремонтных базах не только сборочные ремонтные подразделения. Приходилось также значительно усиливать подразделения специальных и механических работ.

По существу, подвижные ремонтные базы представляли собой бронетанковую полевую «промышленность» фронта, опыт работы которых не потерял своего значения и до настоящего времени.

Работа в управлении БТ и МВ фронта была для меня новой, и поэтому приходилось, не считаясь со временем, вникать в тонкости дела, набираться опыта.

Особенно важно было изучить вопросы, связанные с ремонтом промышленными предприятиями города бронетанковой техники. Инженер-майор Хмельницкий часто брал меня с собой на планерки к директорам заводов, где я соприкасался непосредственно с проблемами промышленного ремонта и их решением. Кроме того, я знакомился с людьми, руководителями заводов, конструкторами. В то время я впервые в подробностях узнал о выдающихся советских творцах танков, особенно о Н. Я. Котине, создавшем танк КВ здесь, в Ленинграде, и М. И. Кошкине, сконструировавшем танк Т-34 на харьковском заводе. Ни того, ни другого в Ленинграде не было, они, по слухам, работали где-то на Урале, однако имена этих людей всегда произносились с уважением и гордостью.

С каждым днем задачи по ремонту танков для фронта возрастили и становились сложнее. И справиться с ними даже такому городу, как Ленинград, с его передовой по тому времени промышленностью, было очень трудно. Дело в том, что с большинства заводов вывезли основное оборудование и самое главное — не хватало специалистов: кто эвакуировался, а кто ушел на фронт.

Кроме того, не всегда удавалось выжать максимум из имеющегося оборудования и материалов в связи с большими разрушениями на заводах, отсутствием достаточно-го количества электроэнергии, топлива. Порой из-за отсут-

ствия какой-то, казалось бы, незначительной детали (вроде электролампочки, конденсатора, масло- или топливо-проводов) нельзя было отремонтировать агрегат, а значит, и танк.

Поднимался вопрос о налаживании производства мелких деталей непосредственно на каждом заводе, где ремонтировались танки. Это было сложно, трудно и, прямо скажем, нерационально. Но другого выхода не было. Например, на металлическом заводе, где ремонтировались главным образом танки КВ, развертывались цеха по ремонту, переделке и производству только тех деталей и запасных частей, которые нужны были лишь для танков КВ. А 27-й ремонтный завод из-за отсутствия двигателей к танкам БТ вынужден был брать на Кировском заводе двигатели В-2, предназначенные для танков Т-34. Установить их на танки БТ не так-то просто. Вносились много конструктивных и технических изменений, и все это на ходу, в надежде на смекалку и опыт рабочих, техников, инженеров.

Пытались привлекать другие заводы, но и здесь встречались с определенными трудностями.

Помню, я изучал возможности одного из заводов для оказания помощи в ремонте контрольных приборов и электрооборудования. Встретился с директором А. И. Ивановым, изложил ему просьбу. Он мне сказал, что его, как старого коммуниста, рабочего, назначили директором временно, потому что мужчин практически на заводе уже не оставалось. В райкоме ему поставили задачу — организовать круглосуточную охрану завода, а также дежурство пожарных групп. А людей совсем нет. Истощенные блокадой, они не могли справиться даже с этой задачей. Смертность была высокой. Директор сказал, что вот и его жена недавно скончалась. Старшая дочь Нина, студентка Текстильного института, уехала на станцию Рахья за Ленинград, где добывает торф для города. Младшая дочь Галя до февраля 1942 года оставалась на окопных работах и даже не смогла проститься с матерью.

Мы вышли на территорию завода, заваленную снегом. Только узенькие тропочки вели от проходной к управлению и от цеха к цеху. Вокруг непривычная тишина, лишь доносился неторопливый звук скребков, которыми дежурная команда, состоящая из женщин, расчищала дорожки.

Увидев нас, они подошли, обступили, начали спрашивать, чем они могут помочь командиру.

Я ответил, что мне поручено лишь осмотреть завод. Женщины наперебой уговаривали посмотреть получше, уверяли, что здесь еще много оборудования и что они готовы, если нужно, делать что-нибудь для фронта.

Меня охватило волнение. В самом деле, нужно обладать высочайшим мужеством, чтобы в таких тяжелых условиях, потеряв детей, мужей и родных, быть готовыми отдать свои иссякающие силы общему делу — победе над врагом.

О своем посещении завода, его нуждах и возможностях я подробно доложил командованию. Через некоторое время состоялось решение Военного совета фронта, и заводу помогли развернуть выпуск электрооборудования, в том числе и для военных нужд.

К восстановлению бронетанковой техники были привлечены и другие заводы и промышленные предприятия. И надо сказать, что в этом сложном деле существенную помощь оказывали партийные организации города. Они делали все, чтобы использовать имеющиеся ресурсы в интересах фронта.

Хотя положение Ленинграда после прорыва блокады и улучшилось, город оставался еще фронтом, он до сих пор подвергался артиллерийскому обстрелу. На Дворцовой площади, где размещался штаб бронетанковых и механизированных войск и где мы работали, ежедневно слышались разрывы снарядов. Было ясно, что безопасность Ленинграда может быть обеспечена лишь после полного разгрома противника. И по всему чувствовалось приближение решающих боев.

Производство ремонта танков несколько увеличилось. Готовые машины тут же отправлялись на фронт.

В то время мне пришлось столкнуться с одним характерным явлением: танкисты не хотели отдавать танки на заводы, а сами пытались отремонтировать их на месте. Но в полевых условиях не всегда было возможно справиться с большим и сложным ремонтом. Вот и приходилось выезжать в части, разбираться в каждом отдельном случае: что более целесообразно — оставлять поврежденный танк на месте или отправлять его на завод?

Особенно увеличился объем этой работы в связи с операциями, которые были проведены нашими войсками весной и летом 1943 года под Ленинградом. В районе Колпино (55-я армия), Смородино (54-я армия), Синявино, Арбузово (67-я армия). Во всех этих операциях самое активное участие принимали бронетанковые войска Ленинградского фронта.

Наиболее сильные бои проходили на синявинском направлении летом 1943 года.

После прорыва блокады Ленинграда противник стал накапливать свои силы в районе Синявино, собираясь восстановить утерянное положение. Чтобы сорвать этот замысел, 22 июля в сложных условиях труднопроходимой местности (торфяные болота) наши войска после сильной артиллерийской подготовки начали наступление.

Позднее маршал Л. А. Говоров об этом наступлении говорил: «Понимая огромную важность этого плацдарма для своих позиций под Ленинградом, противник не считался с жертвами, чтобы удержать синявинские высоты в своих руках. Он бросал одну дивизию за другой, создавая такое насыщение обороны живой силой, какого еще не знала военная история». И все-таки наши части овладели рядом опорных пунктов под Синявино. При этом противник потерял в районе Синявино свыше 45 тысяч офицеров и солдат убитыми и ранеными. 11 дивизий, то есть больше одной трети всех сил северной группы гитлеровцев, были обескровлены, а некоторые из них почти полностью уничтожены. Фашисты были вынуждены направить под Ленинград еще несколько дивизий, сняв их с других фронтов. Этим была оказана существенная помощь советским войскам, которые сражались на Курской дуге.

Здесь и на других участках Ленинградского фронта были задействованы почти все бронетанковые части. Потери были велики. В основном танки подрывались на минах, вязли в болотах, попадали в ловушки. Впереди чуть ли не каждого танка приходилось посыпать саперов. Минные тралы хотя уже тогда и применялись, но болотистая местность не позволяла их использовать.

Фронт эвакуации поврежденных танков с каждым днем ширился. Подтягивались эвакосредства из глубины. Еще в начале 1943 года 82-ю эвакуационную роту укомплектовали тяжелыми и средними тягачами. Не так-то

просто решилось командование переоборудовать 20 танков под тягачи. В то время это было равнозначно почти полку. Но на эту меру пошли, так как были убеждены в том, что с помощью тягачей можно будет эвакуировать, а затем отремонтировать танки для укомплектования многих полков.

До прорыва блокады 82-я эвакорота использовалась на различных участках, а также при перемещении танковых частей через Ладогу на Большую землю. Для эвакуации же танков с поля боя эту роту впервые использовали лишь в Синявинской операции. Это диктовалось необходимостью быстрой эвакуации поврежденных танков.

Командующий БТ и МВ фронта генерал Баранов для организации эвакуации привлек весь аппарат инженер-полковника Шестакова. В эту группу попал и я. Прежде всего нам надо было узнать, что эвакуировать и откуда. Некоторые сведения о местонахождении поврежденных танков мы получили от частей. Но они нуждались в уточнении. Кроме того, необходимо было знать степень поврежденности танков и условия их эвакуации. Тогда можно было установить очередность эвакуации и выделить тягачи, которые справятся с задачей.

Глубокой ночью генерал Баранов заслушал инженер-полковника Шестакова о плане эвакуации. Конечно, отрывочные данные из войск и наметки плана не удовлетворили командующего. Он приказал самим произвести разведку местности, в ходе которой установить: где противник и свои войска, каковы подходы к поврежденным танкам и условия их эвакуации. Возникал также вопрос и о том, когда и на каких участках можно эвакуировать танки. Дело в том, что движение тягача могло восприниматься противником как движение танка и вызывать ответные меры. Следовательно, надо было согласовать со штабами маршруты тягачей, чтобы они не помешали нашим войскам.

Короче говоря, эвакуация в таком масштабе оказалась для нас очень серьезной задачей, своего рода специальной операцией, которая должна быть организована при активном участии общевойскового штаба.

Для разведки местности были созданы четыре группы. В каждую входили офицер и два эвакуатора из экипажа тягачей. Я возглавил одну из них. В моем подчинении

были старшина Дмитрий Минаев и сержант Николай Козин.

Наша группа получила участок 5 км шириной и 7 км глубиной. Район небольшой, однако, чтобы его изучить и осмотреть каждый поврежденный танк, нам не хватило ночи. Поврежденные танки находились, как правило, на самом переднем крае, и противник держал их под прицелом. Это тоже затрудняло выполнение задачи.

Всего мы осмотрели двенадцать танков. Четыре из них стояли в тридцати — сорока метрах от первой траншеи противника. За ними укрылись наши пехотинцы. К танкам подбирались по одному. Я наметил тяжелый танк. Он находился в глубокой яме-ловушке перед траншееей противника. Была видна только его башня, в которой, как нам сказали, расположились бойцы. Противник методически освещал местность ракетами, стрелял наугад, поэтому добирались к танку по-пластунски.

Весь в грязи, промокший, дополз я до танка и, улучив момент, залез на корму. Немного отдохнул и начал негромко стучать ключом по башне — никакого ответа. Стал выбивать дробь наподобие морянки, слышу — отвечают. Затем чуть-чуть приоткрылся люк.

— Свои, откройте, — полуушепотом сказал я.

— Кто свои?

— Проверить танк надо. Можно ли его завести или тащить требуется.

Люк открылся, я нырнул в танк.

Мои спички размокли. У пехотинцев тоже не оказалось ни курсса, ни огнива. Темень — хоть глаз выколи.

— Долго ли сидите в танке? — спросил.

— Со вчерашнего дня, — ответили мне. — Пулемет здесь хороший. Диски есть.

— Что думаете делать?

— Приказано держаться до новой атаки. Взводный недавно тут был, он и приказал.

Я сел на место механика-водителя, провел рукой по щитку измерительных приборов, потянул на себя рычаги тормозов — все, кажется, нормально. Заводить двигатель даже не пытался. Выбраться не выберешься, а внимание противника к себе привлечешь. Собственно, меня больше интересовало другое: насколько сильно застрял танк в яме, с какой стороны лучше подойти к нему, чтобы легче его вытащить. Ждать рассвета — не хотелось терять столь-

ко времени. Поэтому я решил выйти из танка и в момент, когда местность будет освещаться ракетой, осмотреть яму.

Проползял я вокруг танка около часа. Все хотелось поточнее оценить обстановку для эвакуации. Грунт, признаюсь, меня не обрадовал — глина вперемешку с торфом. Дороги поблизости не было. Хорошо заметны были лишь танковые маршруты, проходившие по кочкам, сваленным и обгоревшим деревьям. Я отметил про себя, что эти деревья можно использовать как подручный материал для подъезда тягача к танку.

После осмотра вернулся на наблюдательный пункт, где остался Минаев. Он уже начал беспокоиться за меня и хотел идти на разыски.

До утра оставалось еще часа три. Теперь наступила очередь Минаева идти разыскивать еще один танк, о котором нам ориентировочно было известно по данным штаба. А я должен был оставаться здесь, чтобы дождаться, как было условлено, Козина. Вымокший до нитки, я продрог и, чтобы хоть немного согреться, ходил по траншее взад и вперед. Примерно через час появился Козин. Он нашел поврежденный танк и обследовал подходы к нему. По его заключению танк Т-34 сильно обгорел, хотя особых внешних повреждений не было видно. Танк находился в 50 метрах от траншеи противника. В нем — наши пехотинцы. Им удалось забраться в танк через аварийный люк, открытый, видимо, при эвакуации раненых танкистов.

Часа через полтора вернулся и Минаев. Он тоже остался доволен разведкой. Танк Т-34, который он обследовал, можно эвакуировать: разбиты только ведущее правое колесо и гусеница. Внутри танка, вероятно, взорвались снаряды.

Светало, когда мы вернулись на командный пункт В. И. Баранова. Вскоре возвратились все разведывательные группы. Собранные сведения были обобщены и доложены инженер-полковнику Шестакову. Всего за ночь было обследовано 32 поврежденных и застрявших танка. Когда об этом доложили генералу Баранову, он обрадовался и приказал подготовить план одновременной эвакуации всех машин в следующую ночь.

...На карте один за другим наносили условные значки найденных танков. К ним подводили маршруты, просчитывали расстояния, назначали места для пунктов наблюдения и связи.

Силы 82-й эвакороты распределялись так: два взвода (без одного отделения — два тягача) в направлении Арбузово, один взвод в направлении рабочего поселка № 7. В резерве находилось одно отделение. Начальником первой группы был назначен я, второй — капитан Лукин. Для связи с наблюдательным пунктом выделялись офицеры Б. И. Кольцов и И. Д. Строганов.

План эвакуации, который был нанесен на карту, генерал Барапов одобрил. Выход тягачей приурочивался к началу атаки нашей пехоты на тех же направлениях и артиллерийской подготовке, которую намечалось провести перед атакой. Учитывалось и то, что выход двенадцати тягачей на широком фронте вместе с наступающими войсками мог быть воспринят противником как танковая поддержка атаки, что, в свою очередь, оказалось бы на фашистов сильное психологическое воздействие.

По существу, на одном направлении проводились две самостоятельные операции: одна наступательная, другая эвакуационная.

Время выхода было назначено на 4.00.

Точно в срок началась мощная артиллерийская подготовка. Мимо наших тягачей из глубины прошли танки 30-й гвардейской танковой бригады. Вслед за ними тронулись и мы. Но задача наша теперь несколько усложнилась. Кроме эвакуации поврежденных танков мы должны были быть готовыми оказать максимальную помощь танковым частям, участвующим в наступлении.

Инженер-подполковник Федоров еще раз напомнил нам, начальникам первой и второй групп, о необходимости эвакуировать все танки, находившиеся в границах намеченных участков.

В распоряжении нашей группы было восемь тягачей. Моим заместителем назначили командира эвакороты капитана С. И. Кабарчука. Офицер опытный и расторопный. Он выдал каждому механику-водителю тягача подготовленные им самим карточки-маршрутки с точным указанием азимута движения. В лесисто-болотистой местности без такой карточки трудно попасть в назначенное место. Кроме того, на карточку наносились маршруты движения, обходы, проходы, ямы, отдельные деревья и т. д. Это было очень нужное дело, хотя все равно мы не были уверены

в том, что все тягачи сразу выйдут в обследованные и указанные на карточке места. Поэтому на каждый тягач посадили человека возле люка механика-водителя, чтобы следил за местностью. В случае необходимости он шел впереди тягачей, указывая удобные проезды.

С капитаном Кабарчуком мы остались на наблюдательном пункте. Здесь же находился резервный тягач и радиостанция, с помощью которой поддерживалась связь с тягачами.

Судя по затихающей канонаде, противник отходил. Мимо нас проследовали пехотинцы, минометчики — видимо, вводились вторые эшелоны для развития успеха.

Примерно через полчаса радиостанция начал принимать до-клады. «Четвертый» и «пятый» тягачи приступили к эвакуации, «седьмой» застрял, «третий» — не может вытащить танк из ямы (самого засасывает). Следом поступили сообщения еще от трех тягачей. Один из них уже возвращался с поврежденным танком, два («первый» и «второй») спаренно эвакуируют танк без гусеницы и просят разрешения подтащить танк к маршруту и оставить его для ремонта на месте, так как машина все время садится на днище. Тягачи работают на пределе и могут выйти из строя.

Вот так сразу прояснилась сложность эвакуационной обстановки. А тут еще новая задача — часть тягачей направить за наступающими бронетанковыми частями. Там тоже есть потери.

Я передал тягачам по радио распоряжение ускорить эвакуацию. Но прошло около двух часов, уже рассвело, а ни один из них не появлялся — рев двигателей слышался все еще вдалеке. Тягачи с трудом тащили поврежденные танки. То от одного, то от другого экипажа поступали просьбы ограничить эвакуацию только до маршрутов, по которым могли бы подойти к танкам ремонтные средства.

Я запросил об этом штаб и получил согласие. Едва успел передать полученное разрешение, как из штаба поступило новое приказание — эвакуировать танки во что бы то ни стало. В это время противник совершил сильный авиационный налет. Досталось и эвакуаторам. Несколько бомб упало недалеко от тягача, в котором находился капитан Кабарчук. К счастью, беда прошла мимо.

Уже потом мы узнали, почему командование настаи-

вало на обязательной эвакуации поврежденных танков. Противник предпринял сильную контратаку и на некоторых участках продвинулся вперед. Создавалась угроза выхода противника в тыл наших войск, а значит, и срыва эвакуации. Поэтому, отменив свое первое распоряжение, я снова потребовал ускорить эвакуацию. Капитан Кабарчук взял на себя руководство эвакуацией танков справа. Он направился туда на резервном тягаче, а я на «восьмерке» в другую сторону. В ремонтной летучке остались радиостанции и два эвакуатора в качестве связных-наблюдателей.

Минут через пятнадцать я подъехал к тягачу, который застрял в трясине. Механик-водитель сержант Василий Бабюк теперь пытался завести двигатель поврежденного танка, чтобы его использовать для эвакуации тягача. Дважды это ему удавалось, но, как только он включал передачу, двигатель глох. Вместе с сержантом осмотрели двигатель и обнаружили повреждение — перебита трубка к топливному насосу. Неисправность быстро устранили, и сержант Бабюк поврежденным танком вытащил свой тягач. Однако танк пришлось эвакуировать — он мог двигаться только прямо. Одна из бортовых передач и, видимо, планетарный механизм были повреждены.

Остальные тягачи, которые я встретил на маршрутах, также сталкивались с большими трудностями. Можно сказать, волоком тащили поврежденные танки. До дороги оставалось один-полтора километра, как вдруг на нас обрушился шквал минометного огня. «Заградительный или поддержка атаки противника?» — пронеслось в голове. Эвакуаторы, идущие впереди тягачей и указывающие им направление, не дрогнули, продолжали выполнять задачу. Налет повторился. Минны рвались то впереди тягачей, то за ними. Противник не видел нас и, вероятно, вел обстрел по данным авиационной разведки. И то, что огонь не достигал цели, можно объяснить только тем, что его не корректировали. Потом выяснилось, что противник вел методический огонь по секторам в надежде накрыть наши резервы, которые выдвигались для отражения вражеской контратаки.

Наши пехотинцы и танкисты, временно оказавшись в трудном положении, отбили контратаки противника и вскоре снова перешли в наступление. Это помогло нам закончить эвакуацию, стянуть поврежденные танки в один район и передать их ремонтникам. А со второй полу-

вины для мы приступили к выполнению новой задачи — эвакуации поврежденных танков наступающих частей.

В этой операции отличились эвакуаторы Д. Минаев, Н. Козин, В. Бабюк, И. Гез, Г. Триньковский, В. Богданов. Каждый из них эвакуировал по нескольку танков.

Чтобы ускорить процесс восстановления танков, генерал В. И. Баранов потребовал по возможности ремонтировать их на месте, привлекая к этому и экипажи. На помощь прибыло с заводов несколько ремонтных бригад. Мы поделили между собой поле боя на районы, произвели дефектацию танков, то есть установили характер их повреждений, закрепили за каждой ремонтной бригадой танки и определили сроки их ремонта. Дни и ночи, не зная отдыха, танкисты, эвакуаторы, войсковые ремонтники, рабочие, войсковые инженеры и техники под огнем противника восстанавливали танки, давали им новую жизнь. Каждому было ясно, какое большое значение имеет своевременный ремонт танков для Ленинградского фронта. Ведь тогда Большая земля не могла еще полностью удовлетворять потребности фронта в боевой технике. И наша задача заключалась в том, чтобы каждый поврежденный танк вернулся в строй.

Такое встречается редко: танк, который в течение года был подбит восемь раз, но всегда восстанавливался и снова шел в бой!

Механиком-водителем на этом танке был Михаил Сальников, которого я знал почти с самого начала войны. Както рота нашего танкового батальона на короткое время была отведена из Агалатово в поселок Осиновая Роща, что в 25 км от Ленинграда. В роту прибывало пополнение — танкисты, случайно оказавшиеся в мотострелковых частях. И вот мне представился огромного роста человек.

— Механик-водитель Сальников, — сказал он басом.

— Как звать?

— Михаил.

— Какие машины знаете?

— БТ и Т-26. А еще трактор «Ворошиловец». Ездил на нем.

Я был рад такому специалисту. Закрепил за ним танк, который нуждался в замене двигателя. Не прошло и часа, как мне доложили, что Сальников уехал на «Ворошилов-

це». Когда он вернулся, я потребовал объяснить свое поведение.

— Не выдержал. Увидел трактор и потянуло за рычаги, — оправдывался Сальников.

Трудно было поверить такому доводу. Несколько дней я внимательно присматривался к нему — не выкинет ли еще какой-нибудь фортель. Сальников работал с упоением, не зная усталости. И я понял его сердце, его любовь к технике, его выходку — после долгой разлуки с боевой машиной ему и на тракторе поездить — большая радость.

Вскоре его перевели в другую часть. И вторично мы встретились здесь, под Синявино. Но потом пути наши опять разошлись.

Я внимательно следил за его боевыми делами. Знаю все эти восемь случаев, когда его танк подбивали и он горел. Помню также, хотя и по рассказам, бой, за который он получил высокое звание Героя Советского Союза.

Служил он тогда в прославленной бригаде полковника А. Н. Ковалевского, в экипаже лейтенанта Тришкина.

Однажды экипаж тридцатьчетверки получил задание разведать шоссейную дорогу в направлении станции Сийне. В двух километрах от станции у развилки дорог танкисты должны были остановиться и вести наблюдение до подхода 86-й стрелковой дивизии, с которой взаимодействовала танковая бригада. Однако танк подорвался на мине, не дойдя до указанного ему места. Комбриг приказал остаться в машине механику-водителю и башенному стрелку, а лейтенанту вернуться.

Михаил Сальников и Алеша Алексеев замаскировали ветками танк и стали наблюдать за дорогой, которая проходила в нескольких десятках метрах от них. Вскоре из-за пригорка появились танки. Густая пыль и порядочное расстояние не позволили воинам определить кто это: свои или противник.

— Алеша! Передай нашим: от хутора мимо нас проходит колонна танков, — приказал Сальников.

Но вот появились новые машины. Теперь было ясно, что это фашисты.

— Алеша, заряжай! — закричал Сальников, прильнув к прибору наведения.

Снаряд за снарядом посыпал Сальников навстречу вра-

гу. И отстоял свою позицию. Фашисты не прошли. Когда подошли наши и подсчитали потери врага, то глазам своим не верили. Пятнадцать танков противника горели факелами на поле боя.

Позже в часть пришло сообщение: Указом Президиума Верховного Совета СССР механику-водителю Сальникову Михаилу Степановичу присвоено звание Героя Советского Союза. Правительственной награды был удостоен и башенный стрелок Алексей Алексеев.

Я был очень рад, когда узнал, что Сальников остался жив, вернулся в Ленинград и работал на Балтийском заводе.

В конце октября 1943 года командующий бронетанковыми войсками генерал В. И. Баанов поставил нам задачу — в двухдневный срок подготовить для доклада на Военном совете предложения по восстановлению в кратчайший срок поврежденной техники и доукомплектованию всех частей фронта.

Два дня. Для фронтовых условий это много и мало. Много для оформления предложений и мало для того, чтобы глубоко разобраться с положением дел на месте. Те данные, которыми мы располагали, устарели, хотя получили их всего лишь несколько дней назад. Да это и понятно. На Ленинградском фронте не так уж было много танков, чтобы пренебречь ошибкой даже в несколько единиц. Нельзя было составить объективное представление о состоянии укомплектованности и материальной части только по докладам командиров частей, несмотря на то, что связаться с ними, проверить и уточнить сведения не так было и трудно. Но дело в том, что па фронте так уж, видимо, повелось, что командир старается доложить обстановку с «запасом», с резервом его возможностей. И командира можно было в какой-то мере понять.

Вот почему по специальному плану работники штаба разъехались по частям.

Вместе с капитаном Строгановым я прибыл в танковую часть подполковника Соколова. Время было позднее, за полночь, но командир нас ожидал. Представил все данные о наличии и состоянии танков. Мы знали, что после тяжелых боев в части оставалось по его же сводке всего семь исправных машин. Подполковник улыбнулся, уви-

дев в моих руках сводку, и сказал, что сейчас на ходу уже девять машин.

— Очень кстати. Спасибо, товарищ подполковник, — ответил я. — Но разрешите мне с капитаном Строгановым ознакомиться с их ремонтом и уточнить, в каком состоянии и где находятся другие танки.

— Может быть, вы, молодые люди, отведаете нашего фронтового чайку, отдохнете, а с утра — за дело, — предложил командир.

Я поблагодарил и ответил, что к утру должен доложить командованию об исполнении задания.

— Ну что же, тогда за дело.

Выйдя из землянки на улицу, мы столкнулись с заместителем командира по техчасти майором Н. М. Кубраковым. Он с довольным видом бодро доложил командиру о том, что приказ выполнен в срок — двенадцатый танк отремонтирован!

Подполковник Соколов поморщился и сказал:

— Вот сейчас мы ваши отремонтированные танки проверим.

Видно было, что доклад зампотеха был не ко времени. Нас же это очень обрадовало. Все-таки вместо семи по сводке и девяти по докладу командира оказалось уже двенадцать исправных танков!

Пока шли к танкам, командир все жаловался, что запчастей нет, хвалил ремонтников и в то же время подчеркивал, что поставленные детали и агрегаты не совсем надежные, что надо к исправным танкам относиться осторожно.

Вот и танки. Экипажи их были на месте. Я занялся проверкой здесь, а капитан Строганов уехал с майором Кубраковым в соседнее подразделение.

Когда мы собрались в землянке командира и подвели итоги, то получилось, что в части насчитывается 25 исправных танков и тех, которые можно восстановить за три-четыре дня. И это через полторы недели после выхода из жестокого боя! Слов нельзя было найти, чтобы поблагодарить танкистов за их самоотверженный труд.

Винить командира за сводку тоже было нельзя. Когда она составлялась, то, вероятно, отражала истинное положение, но не учитывала огромное стремление, желание танкистов побыстрее восстановить боевые машины, не

учитывала их героический труд. А именно в этом и крылись резервы быстрейшего ввода в строй танков.

Утром в штабе подводили итоги: можно было дать для доукомплектования фронта свыше 200 танков, но из них примерно 120 требовали заводского ремонта.

Стали прикидывать: в какие сроки и где можно было бы их отремонтировать? О состоянии и возможностях заводов мы имели представление. И получалось, что для того, чтобы справиться с задачей, нужно полтора-два месяца. Генерал Баранов не согласился с этим сроком. Он приказал продумать вопрос о привлечении к ремонту танков экипажей, а также об организации работы по демонтированию, извлечению агрегатов из подбитых танков непосредственно на поле боя. И добавил нам еще одни сутки. Видимо, и у него был резерв времени для подготовки к Военному совету.

Дополнительная поездка на передовые позиции была полезной. Выяснилось, что в течение одной, максимум двух недель можно эвакуировать и отремонтировать дополнительно в войсках своими силами по крайней мере около 50 танков.

Когда генералу В. И. Баранову доложили об этом, он остался довольным. И все же сказал, что если еще, мол, поработать, то можно найти больше.

В качестве офицера, помогающего готовить документы, схемы, различные справочные материалы, мне довелось быть в зале во время заседания Военного совета фронта. Кроме военных здесь были директора заводов, связанных с ремонтом танков, секретари парткомов, руководящие партийные работники города.

Заседание вел А. А. Жданов. Он предоставил слово генералу В. И. Баранову. За 20 минут генерал точно охарактеризовал положение с укомплектованностью войск, изложил возможности войск, некоторые просьбы к заводам.

— Это, конечно, похвально, что танкисты сами многое могут сделать, — сказал А. А. Жданов после окончания доклада. — Но не повлияет ли это на подготовку экипажей, на их боевую готовность?

Генерал Баранов ответил, что, конечно, большая занятость экипажей ремонтом каким-то образом отразится на

подготовке и сколачивании экипажей, особенно на новом пополнении. И в то же время он заверил, что танкисты всегда готовы выполнить любую задачу.

— Хорошо, мы верим танкистам,— заметил А. А. Жданов.

Затем директора заводов докладывали о возможностях по ремонту танков.

Доклад директора 27-го ремонтного завода инженер-полковника А. С. Хопрова носил сугубо статистический характер и для нас, танкистов, не представлял большого интереса, потому что возможности завода мы знали хорошо.

С большим вниманием слушали выступление директора металлического завода. А. А. Жданов начал расспрашивать о мероприятиях дирекции, партийной организации по увеличению производственных возможностей завода не только для ремонта танков, но и для выпуска народнохозяйственного оборудования. В этих вопросах чувствовалась забота о будущем — о восстановлении Ленинграда как крупного промышленного центра.

Я слушал директоров заводов, секретарей парткомов, и мне казалось, что они отличаются от военных лишь формой одежды. Они, как я понял, тоже разрабатывают свои операции, планируют сроки наступления, атаки. И задачи у них, пожалуй, не менее сложны, чем у нас, военных.

В заключение А. А. Жданов еще раз коснулся вопроса привлечения экипажей для ремонта танков, сказав о том, что это надо делать только в исключительных случаях. Главное сейчас — быстрее подготовить танковые войска к новым боям, организовать повседневную боевую подготовку и наращивать ремонт боевой техники за счет заводов. Этого требует Родина.

На Военном совете пришли к убеждению, что заводы могут восстановить 200 танков. И не за два месяца, а за две-три недели. Этот вывод вытекал из докладов директоров заводов.

Где-то в середине ноября из Москвы поступило указание подготовить и доложить предложения по расширению базы полевых средств эвакуации и ремонта. Цель его была ясна — продумать техническое обеспечение броне-

танковых войск в условиях крупного наступления, когда Ленинград останется в глубоком тылу, а фронт получит новые танковые соединения. Иными словами, полевой ремонт в больших масштабах. Для этого надо было разработать предложения по созданию полевых подвижных ремонтных заводов и баз.

С докладом по этому вопросу в Москву выехал заместитель командующего БТ и МВ фронта инженер-полковник Н. Н. Шестаков. Меня он взял помощником.

Ехали поездом по новой дороге, через Шлиссельбург. Москва приняла хорошо. Н. Н. Шестаков многих знал. С одними он вместе учился, с другими встречался по службе. Уже на второй день был назначен прием у маршала бронетанковых войск Я. Н. Федоренко.

Меня охватила, прямо скажу, робость. Маршал представлялся мне огромным, хмурым и твердым как броня. Было как-то страшновато даже попасть ему на глаза. Портфель, который я нес, показался вдруг очень тяжелым.

Как только открылась вторая дверь, в кабинет, сразу послышался голос:

— Пожалуйста, Николай Николаевич, рад вас видеть. Рад, очень рад. Ну как добрались? Как приняли здесь наши тыловые танкисты? Садитесь, пожалуйста.

Я переступил порог и замер.

— А это капитан ваш? — сделав кивок в мою сторону, спросил маршал и, подавая мне руку, сказал: — Здравствуйте, здравствуйте. Садитесь. Рассаживайтесь, товарищи.

Все сели за большой стол. Николай Николаевич Шестаков начал обстоятельно и по памяти докладывать, сколько имеется исправных танков, сколько в ремонте, сколько готовых к такому-то сроку, какие потери предполагаются до конца года, сколько имеется моторов и других агрегатов в запасе, сколько их требуется. В заключение он изложил просьбу штаба фронта оказать помощь в формировании полевых ремонтных заводов и баз.

Обращаясь к начальнику Главного управления ремонта генералу А. А. Сосенкову, маршал спросил:

— Как, Александр Алексеевич, утвердим эти предложения? Ничего не изменилось после того, как вы мне доложили вчера и сейчас докладывает Николай Николаевич?

— Да, товарищ маршал, — ответил Сосенков. — С Николаем Николаевичем мы уточнили их расчеты. Можно

согласиться с тем, что на первом этапе надо рассчитывать в основном на специалистов и ремонтные средства заводов Ленинграда, которые можно использовать для формирования баз. Что касается второго этапа, то, как вы решили, товарищ маршал, мы дополнительно изучим наши возможности и доложим в конце недели...

— Хорошо, — подвел итог маршал. — Так и решим. Вы можете, Николай Николаевич, оставаться и завершить эту работу.

Николай Николаевич поблагодарил маршала и попросил разрешения выехать обратно в Ленинград, чтобы доложить командующему бронетанковыми войсками фронта о принятом решении и начать выполнять поставленную задачу, а к концу недели возвратиться. Он также сказал, что может оставить капитана Голушки, который полностью в курсе дела.

— Хорошо, так и порешим, — ответил маршал. Он встал и попрощался с нами, пожелав счастливого пути и успехов.

После проводов Николая Николаевича Шестакова в моем распоряжении осталось больше половины дня. Я решил посмотреть Москву, походить хотя бы по улицам, прилегающим к центру столицы.

К вечеру, вконец уставший, я задержался у входа в Спасские ворота. Слышал, что по вечерам И. В. Сталин здесь проезжает, вот и надеялся увидеть его. Часостоял, но так никого и не увидел. Какие-то машины выезжали из ворот Кремля, какие-то въезжали. Может быть, и он проезжал...

Утром следующего дня в управлении мне сообщили, что придется подождать три-четыре дня, пока не разрабатывают необходимые документы.

Я связался по телефону с инженер-полковником Шестаковым, доложил обстановку. Он выслушал и сообщил, что на мое имя прибыло письмо от родственников. Николай Николаевич, как и мои товарищи, знал, что я со дня на день ждал вестей из родных мест — Киев, Житомир уже были освобождены.

Я попросил распечатать письмо и прочитать. Писала сестра. Она кратко сообщила о судьбе родных. Не знаю, правильно ли я поступил, но тут же по телефону обратил-

ся к Шестакову с просьбой, если это возможно, разрешить мне уехать на эти три-четыре дня домой. Он ответил, что через час-полтора позвонит и сообщит решение генерала Баранова.

Случилось так, что мне разрешили съездить домой. Уже через два часа я получил командировочное предписание за подпись генерала А. А. Сосенкова и выехал на Украину, домой, где не был три года. Ведь после окончания Киевского танкового училища в июне 1941 года мне так и не довелось побывать в отпуске.

Только через двое суток я добрался до Киева. Здесь узнал, что на Коростень, куда надо было мне ехать, пассажирские поезда пока не ходят.

Недалеко от вокзала располагалось мое бывшее училище, и я пошел к нему, рассчитывая встретить знакомых. Я зашел в проходную, представил документы и попросил разрешения пройти в свою восьмую роту, в которой обучался.

Оказывается, командирами учебных взводов этой роты были наши бывшие курсанты: помкомвзвода В. П. Фомин и старшина А. М. Кривой. Теперь оба они были старшие техники-лейтенанты. Встреча была радостной и трогательной. Они кое-что рассказали о товарищах выпускниках: А. Д. Мусиенко, С. А. Баеве, Ф. М. Музыке, П. Н. Ананко. На фронт ушли начальник училища генерал-майор Л. М. Горикер, его заместитель полковник Ф. Н. Раевский, командир батальона майор А. В. Шевелев, наши командиры учебных взводов лейтенанты Ф. И. Цветков, И. А. Чернявский и многие другие.

Фомин и Кривой откровенно завидовали мне, очень хотели попасть на фронт. Потом я узнал, что и Фомину, и Кривому удалось все-таки попасть на фронт.

В училище мне посоветовали выйти на шоссе Киев — Житомир и ждать попутной машины. И действительно, на контрольно-пропускном пункте мне удалось сесть на грузовик, который направлялся через Житомир, Коростень в Народичи, то есть прямо ко мне домой. Это была счастливая случайность. К вечеру я буквально подъехал к порогу дома. Мать, увидев меня, только вскрикнула: «Божечки ты мий, та ты дивись, с того свиту явився» — и... потеряла сознание. Сестры растерялись: не то со мной здороваться, не то маме помочь оказывать. Но мать тут же очнулась, улыбнулась, обняла меня и расплакалась.

Дома я был всего один день. От старшей сестры Ольги узнал, что отец погиб всего неделю назад под Тернополем. Ни матери, ни младшим сестрам об этом она не говорила, сказала, что получено из военкомата сообщение о том, что отец пропал без вести. И сестра, и я успокаивали мать, говорили, что расстраиваться пока не следуем — на фронте всякое бывает.

Лишь через несколько лет мать призналась, что она знала о гибели отца, но молчала, потому что не хотела расстраивать меня. Получилось так, что я мать успокаивал, а она меня жалела, говорила, что я много и так пережил. Она с сестрами, пожалуй, пережила не меньше, а может быть, и больше меня. Но мать есть мать. Ее сердце всегда бережет прежде всего детей.

Позже я выяснил некоторые подробности об отце. Он сумел бежать из поезда, в котором его везли вместе с военнопленными из-под Ярцева, и добрался до дома. Его, видимо, кто-то из предателей заметил, и вскоре в дом вошли фашисты. В присутствии матери и сестер Ольги, Анны и младшей одиннадцатилетней Марии был объявлен приговор о расстреле отца за бегство и содействие партизанам. Однако отцу было суждено еще жить.

Мать рассказывала, что один из фашистов, увидев на столе еду, потребовал принести еще чего-нибудь.

Мать воспользовалась этим случаем и вышла в кладовую. Там она открыла окно, которое выходило в огород, и вернулась с картофелем.

Отец стоял у печки. Она подошла к нему, загородила спиной и прошептала: «Окно в кладовой...» Отец тут же выскочил в коридор и через окно в кладовой махнул в огород.

Вслед за ним кинулись фашисты. Однако они выбежали через открытую входную дверь на улицу. Этой задержки отцу было достаточно, чтобы огородами добежать до леса и скрыться от погони.

Воспользовавшись суматохой, скрылись и мать с сестрами. Несколько дней они жили в другой деревне. Домой вернулись тогда, когда фашисты бежали: наши войска овладели Коростенью. Об отце долго не было ничего известно. Лишь позже узнали, что он снова был в рядах Советской Армии и погиб в бою за освобождение села Башковцы Тернопольской области.

Всесторонняя проверка. — Мальчик из Сиверской. — Смелость города берег. — Подвиг комбриза. — Блокада снята полностью. — Партийное собрание. — Прием танков Волховского фронта. — Начальник и его помощники. — Прирученные «тигры». — Фронтовые будни.

Возвратившись в Ленинград, я снова погрузился в работу. Дел было много. Командование в тот период потребовало всесторонней и глубокой проверки каждой части, подразделения, каждого танка и экипажа.

Создавались комиссии за комиссией, которые проверяли и перепроверяли. Может быть, это было и излишне. Так, по крайней мере, мне казалось. Но командование, видимо, знало, что делало. Потому что все равно каждая комиссия находила что-то новое, давала свои предложения, проверяла устранение недостатков. А главное — комиссии держали в напряжении части, способствовали поддержанию высокой боевой подготовки.

Бывая в частях, мы не только проверяли, но и помогали организовать ремонт и обслуживание танков.

Вспоминается случай, когда мне с группой офицеров было приказано переправиться через Кронштадт в Оранienбаум, на плацдарм, где находилась наша приморская группа.

С трудом мы добрались до командующего бронетанковыми войсками приморской группы полковника М. И. Батланна. Уже не молодой, но очень подвижный, он искренне обрадовался нашему прибытию, тут же выделил нам двух офицеров и порекомендовал сегодня же выехать к танкистам майора Н. И. Лобанова.

Вскоре я убедился, что понятие «выехать» в условиях приморского плацдарма означало либо ползти, либо двигаться перебежками. И в основном — ночью.

Неделю мы пробыли в приморской группе. Помогли организовать ремонт аккумуляторов, разработали план-перечень работ для каждого подразделения, в котором

отражались порядок и сроки ремонта, обслуживания и оказания технической помощи для каждого танка.

Когда полковник Батлан убедился, что дело налажено, он вызвал меня, поблагодарил всю группу и передал указание, чтобы к утру следующего дня нам явиться в свой штаб. Извинился, что задержал на трое суток. Оказывается, об этом он просил разрешения у генерала В. И. Баранова.

Новая командировка совпала с началом операции Ленинградского фронта. Удар советских войск под Ленинградом намечался с двух направлений: от Пулково и южнее Ораниенбаума.

Подготовка к наступлению проводилась заблаговременно, тщательно и интенсивно. Во всех частях танкисты учились преодолевать эскарпы, противотанковые рвы, минные поля, борясь с противотанковой артиллерией противника.

В районе Токсово командующий войсками Ленинградского фронта генерал армии Л. А. Говоров, член Военного совета А. А. Кузнецов, начальник политуправления генерал-лейтенант Д. Н. Холостов лично проверяли готовность танкистов к преодолению сложных препятствий. Применение танков-мостов, минных тралов, преодоление сложных заграждений на учебном поле в обстановке, приближенной к боевой, — все это было показано командованию. Мастерство танкистов было высоко оценено.

В 12-м учебном танковом полку, расположенному в Лесном, готовились механики-водители, командиры машин, наводчики. Помещения общежитий Политехнического института, его лаборатории превратились в боевую школу для тысяч танкистов. Командир полка полковник В. И. Михеев со своим штабом, опытными преподавателями сумели создать замечательную техническую базу, чтобы готовить подлинных мастеров боевых специальностей.

В ходе подготовки к наступлению особую трудность представляло сосредоточение ударной группировки войск на Малой земле — в районе Ораниенбаума. Этот участок фронта был отрезан от Ленинграда с суши. Пути по Финскому заливу просматривались и находились под постоянным огнем противника. Да и лед был не настолько толст, чтобы переправлять по нему артиллерию и танки.

В двадцати километрах северо-западнее Ленинграда находится поселок Лисий Нос, расположенный на берегу Финского залива. До войны он был излюбленным местом отдыха ленинградцев. На мысе когда-то была пристань, откуда пароходы отправлялись в Кронштадт. К ней подходила и ветка железной дороги.

В декабре 1943 года здесь накапливались войска для переправы на плацдарм. В окружающих рощах сосредоточились танки, артиллерия, боеприпасы. Днем на берегу запрещались какие-либо перемещения. Лишь с наступлением темноты к пирсу подходили корабли, на которые грузились боевая техника и воинские части. И потом без огней они отходили в сторону Ораниенбаума.

Командующий бронетанковыми войсками генерал В. И. Баранов, его помощники ночью, под ледяным ветром руководили погрузкой каждого танка. В темноте по обледенелому помосту с узкого пирса перебраться танку своим ходом на палубу корабля — дело трудное и опасное. Но танкисты с честью справились с задачей. 152-я танковая бригада (командир полковник А. З. Оскотский) и 104-й танковый полк (командир подполковник Борисов) стали основной ударной силой армии на плацдарме.

В ночь на 14 января 1944 года я получил распоряжение выехать с группой офицеров в район Пулково. От Дворцовой площади до Пулкова езды было всего час. На перекрестке дорог Пулково — Гатчина, Пулково — Красное Село мы были остановлены проходящими колоннами танков. Здесь же недалеко стояла группа офицеров-танкистов нашего штаба. Среди них начальник штаба полковник Н. А. Полевой. Когда я представился ему, он передал указания генерала В. И. Баранова объехать все маршруты выдвижения танкистов и принять меры по ремонту отставших танков.

Нас было четыре офицера с двумя мотоциклами.

Я с капитаном Строгановым выехал на первый маршрут, а капитаны Б. И. Кольцов и К. И. Лукин — на второй.

В километре от Пулкова мы натолкнулись на два танка, стоявшие на обочине дороги. Первый был исправный, но задержался для оказания помощи второму, у которого произошло, по словам экипажа, замыкание электропровод-

ки. Здесь же стояла ремонтная летучка из технического замыкания.

Я приказал командиру исправного танка следовать в заданный район, а сам попытался установить причину замыкания проводки.

Провозился долго, но обнаружить неисправность не удалось. Решил снова начать проверку электросети.

И вот неожиданность! Неисправность оказалась там, где ее меньше всего ждали: отломилась от провода клемма аккумулятора. Поскольку она была в металлической оплётке, обрыв труdnо было заметить.

До рассвета обнаружил еще три неисправных танка. Стояли они недалеко друг от друга. Возле них «врачевал» майор Н. М. Кубраков, заместитель командира батальона по техчасти, знакомый еще по Невской Дубровке.

С этими танками дело оказалось посложнее. У одного заклинило двигатель. Молодой механик-водитель по неопытности допустил оплошность. У второго двигатель работал с перебоями, глух. У третьего разрегулировались тормоза, но эту работу Кубраков уже заканчивал. А вот с двумя остальными пришлось нам с капитаном Строгановым повозиться.

Почему заклинило двигатель? Найти причину никак не удавалось. Пришлось прибегнуть к методу, который не рекомендуется в подобных случаях — буксировке. Машину прицепили к танку, уже отремонтированному Кубраковым.

Двигатель завелся и работал нормально. Лишь стрелка масломанометра не качалась. Поскольку двигатель завелся при помощи буксира и работал на слух нормально, можно было предположить, что с подшипниками ничего серьезного не произошло. Быстро обнаружили и неисправность масломанометра — слабо затянутый штуцер приемника.

У последнего танка вода попадала в цилиндры через прокладку головки блока. Этот танк пришлось задержать, чтобы подтянуть ослабленные шпильки головки блока. К пяти часам утра, как и было приказано, мы были на рубеже, откуда намечалось наступление в направлении Красного Села.

Генерал В. И. Бааранов собрал накоротке оперативную группу штаба и каждому из нас дал определенное задание. В общем виде для всех оно заключалось в следую-

щем: проверить механиков-водителей, а тех, кто имел практику вождения менее двух часов, заменить танкистами из учебного полка. Далее. Проверить наличие ремонтных и эвакуационных средств в частях. Подтянуть фронтовые ремонтные средства в район Пулково, а также подвижные отделения складов бронетанкового имущества. Поставить задачу фронтовым ремонтно-эвакуационным средствам быть в готовности перейти в район Красного Села сразу же, как только им овладеют наши войска.

Может показаться странным, почему такие указания давались так поздно, по существу тогда, когда наступление уже началось. Так надо было, чтобы скрыть начало операции. Ведь если бы наши ремонтно-эвакуационные средства, допустим, раньше, до начала операции, перемещались на указанные маршруты, то противник, конечно, мог определить (хотя бы примерно) время и направление главного удара.

Разумеется, не всегда можно рассчитывать на своевременное обеспечение боя и операции при таком запоздалом выдвижении к фронту необходимых средств. Но в принципе это требование, по опыту знаю, должно соблюдаться, чтобы обеспечить скрытность операции.

Получив задание, мы разъехались по частям.

Прибыл в 220-ю танковую бригаду полковника В. Л. Проценко. Встретился с заместителем командира бригады по техчасти майором С. Г. Стеркиным и изложил ему суть своего задания. Тут же приступил к выборочной проверке механиков-водителей. Все они удовлетворяли предъявляемым требованиям. Правда, я наткнулся на слишком юного механика-водителя, который мне показался просто мальчиком. К тому же сидел он за рычагами танка командира бригады. Детское лицо с курносым, веснушчатым носом, красными от бессонницы глазами, перепачканными щеками — таким он представился мне, четко, по-уставному. И улыбнулся. Присутствующие тоже улыбались. Им не впервые было представлять начальству лихого мальчишку механика-водителя Мишу Егорова. Я придирчиво спрашивал его об обязанностях, но Миша отвечал полно, со знанием дела.

— Давно на танке?

— С начала войны, товарищ капитан, — выпалил он. Я недоверчиво покачал головой. Но Миша говорил правду. Потом мне рассказали, что Миша Егоров жил со своими родителями на станции Сиверская. А началась война, и он попал к танкистам, быстро постиг науку механика-водителя и вскоре его посадили на танк командира 51-го танкового батальона 220-й бригады Алексея Васильевича Ермилова, о котором, как и о его однополчанах, в то время слагали песни.

К сожалению, Ермилов не довел своих танков до Берлипа. Он был тяжело контужен при прорыве блокады Ленинграда и ослеп.

Несмотря на свои 16 лет, Миша мастерски водил боевую машину, был смелым и отважным парнем. Вот один из эпизодов, записанный со слов А. В. Ермилова.

...Валил спег, и оставшаяся в стороне Ям-Ижора словно задернулась белой кисеей. В смотровую щель были видны лишь развороченная колея дороги, спины автоматчиков на броне идущего впереди танка да черные стволы сосен. Наконец в просвете между деревьями показалась сбегавшая к поселку поляна. Ермилов, как говорится, нутром почувствовал, что здесь должны быть вражеские зенитки. Так оно и было.

«Больше скорость!» — скомандовал он. Миша Егоров понял замысел командира, рывком вывел танк на открытое место и, маневрируя, помчался навстречу батарее. Справа и слева рвались снаряды, а танк упорно шел на врага. Вдруг машина содрогнулась от удара снаряда, и Ермилов услышал стон Миши Егорова. Однако танк продолжал двигаться. Контуженный механик-водитель не бросил рычагов. В этом бою враг все же поджег танк. Мишу в бессознательном состоянии вынесли из машины и направили в госпиталь.

Через два месяца юный танкист вернулся в бригаду, которая находилась в районе Лектусе. Поскольку на танке Ермилова должность механика-водителя была занята, Мишу по рекомендации комбата назначили на танк комбрига И. Б. Шпиллера.

Из-под Лектусе 220-я бригада была переброшена под Синявино, где вступила в ожесточенный бой с противником. Вместе с бригадой продолжал свой боевой путь и Миша Егоров. О его подвиге писала «Смена» 29 сентября 1943 года в очерке «Сынки».

В очерке, правда, не сказано, по каким причинам Миша тогда оставил танк командира бригады и оказался вместе со своим товарищем, молодым парнем Сергеем Лукановым, в другой машине. Говорилось, что Егоров и Луканов, выкопав ночью глубокий окоп, поставили Т-34 на стыке двух наших пехотных частей. Пока один из них внимательно наблюдал за противником, другой отдыхал на траве неподалеку от машины. Пехотинцы в шутку называли их хозяевами танка, а еще за молодость — сынками.

Все начиналось неожиданно. На рассвете четвертого дня затишья шквал артиллерийского и минометного огня обрушился на спрятанный в укрытии танк. А потом в атаку пошла пехота.

Первую атаку отбили легко. Фашисты даже не удалось приблизиться к нашим траншеям. Были отбиты вторая и третья атаки. Но в четвертый раз автоматчики обошли танк справа, прорвав оборону нашей пехоты, и теперь их очереди доносились откуда-то сзади, от второй линии наших траншей. И тут случилось несчастье: взрывом снаряда сбило гусеницу, забило землей ствол пулемета. Но танкисты и не подумали об отходе. Разорвав рубашку, Луканов готовил жгуты для протирки пулемета.

— Сейчас пойдут, — сказал он Егорову. — Приготовь гранаты.

Немцы снова пошли в атаку. Миша, уже вынув предохранительную чеку, вновь услышал дробь танкового пулемета.

— Диски, давай диски! — крикнул Луканов.

Под конец боя ствол пулемета раскалился от непрерывного огня.

К утру следующего дня Миша и Сережа подсчитали, что было отбито 19 атак. В двадцатую фашисты так и не пошли.

— А ты знал, что у нас сбита гусеница и мы не можем отойти? — спросил Мишу Луканов.

— Знал. Но я думал о том, что мы не можем пойти вперед...

Продолжал Миша свой боевой путь снова на танке командира бригады...

И вот теперь Миша Егоров, герой-танкист, перед моими глазами. И таких, как он, — смелых, отважных, умелых — было много. И все они готовы были идти в бой.

Командиры подразделений, политработники, сами экипажи ни в коем случае не хотели заменять какого-либо механика-водителя, так как были уверены в них, даже несмотря на то, что некоторые из них прибыли недавно и не имели достаточного опыта. Такое единство, сплоченность коллективов радовали, вызывали уверенность в успешном решении боевых задач.

С таким настроением мы вернулись во второй половина дня для доклада командующему. Можно было подумать, что генерал В. И. Баранов сделает нам замечание: мол, плохо работали, не знаете истинного положения на местах. Но нет. Он только и сказал:

— Я так и знал. Однако убедиться еще раз в этом надо было.

В 10 часов 40 минут 14 января 1944 года после продолжительной артиллерийской подготовки, гул которой мы отчетливо слышали, наши войска перешли в наступление с приморского плацдарма в районе южнее Оранienбаума. Удар наносился в направлении Гостилицы, Ропша. Фронт был взломан на протяжении более 10 км. Оборона немцев не выдержала и в первый же день дала трещину на 4 км в глубину. Попытка противника восстановить положение не достигла цели.

Танкисты полковника А. З. Оскотского вместе с войсками 2-й ударной армии буквально прогрызали оборону, создаваемую немцами с осени 1941 года. Всего здесь действовало 130 танков, из них 63 тяжелых. Командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант И. И. Федюнинский решил 152-ю танковую бригаду использовать для развития успеха. Она и вошла первой в город Ропшу.

Весь день 14 января нас держали под Пулково. Даже 15 января, когда войска Ленинградского фронта нанесли фашистам мощный удар из района Пулковских высот, танкисты все еще ожидали приказа. И только 18 января войска, наступавшие из района Пулково, сломив упорное сопротивление противника, вместе с танкистами начали успешно продвигаться к Красному Селу.

На рассвете колонны танков скрытно подтягивались для атаки. Слева — Воронья Гора, сильный опорный пункт противника. Отсюда он в любую минуту мог обрушить на нас смерч огня. Кроме того, Красное Село расположено

на высотках, и близлежащая местность была видна как на ладони. На месте бывшего Красного Села осталось несколько каменных домов, превращенных фашистами в крепости с пушками и пулеметами. Из подземелья Красносельских высот выглядывали стволы артиллерии. Этот сильно укрепленный пункт надо было брать штурмом. И первыми должны были идти танкисты.

19 января после артиллерийской подготовки, которая длилась более двух часов, подразделения, наступавшие из района Пулково, подошли к Красному Селу. Танки, приняв боевой порядок, начали спускаться вниз, к железнодорожному полотну, преодолели его и пошли на Красное Село. Удар танкистов был сокрушительный. Потери, конечно, были, и немалые, но штурм удался.

Вечером 19 января из Красного Села по дорогам — на Ропшу и Кингисепп — двигались две колонны наших танков. Кингисеппское шоссе, казалось, было свободно от противника, и командир бригады подполковник В. Л. Проценко вел танки вперед, поддерживая хорошую скорость. Но у деревни Телези, на дороге, ведущей из Петергофа на Гатчину, танкисты заметили отходящую колонну вражеских войск. Комбриг, не теряя драгоценного времени, атаковал противника. Внезапный удар танкистов был столь ошеломляющий, что фашисты не успели опомниться. Противник был полностью разгромлен и уничтожен.

А через некоторое время в селе Русско-Высоцком танкисты соединились с нашими войсками, наступавшими от Оранienбаума. Петергофско-стрельнинская группировка противника была окружена, а затем и уничтожена. В разгроме ее участвовали танкисты 1-й танковой бригады полковника В. И. Волкова, 30-й гвардейской танковой бригады полковника В. В. Хрустицкого, 152-й танковой бригады полковника А. З. Оскотского, 220-й танковой бригады полковника В. Л. Проценко.

Помнится Петергоф в день освобождения. Город, созданный трудом и талантом русских людей, украшенный лучшими в мире скульпторами и архитекторами Лебланом, Растрелли, Козловским, Прокофьевым, Воронихиным, фашистские варвары превратили в руины. Летний дворец разрушен. Развален большой грот и львиный каскад. Погищены статуи Самсона и Нептуна. Исковеркана фонтанная аллея. Вырублены сотни вековых деревьев, мостики взорваны. Угнаны в Германию и замучены в лагерях

смерти многие жители города. Никогда не забыть этой страшной картины. Сердце каждого нашего солдата наполнялось ненавистью к врагу.

Тяжелые бои проходили на всех направлениях. Танковая бригада В. Л. Проценко получила приказ прорваться к Гатчине. В районе города Пушкин фашисты оказали ожесточенное сопротивление. Из-за сильного артиллерийского огня у населенного пункта Романовка бригада вынуждена была остановиться. Пришлось подтягивать новые силы. Бригада понесла большие потери, но выполнила задачу.

Большие трудности испытывал танковый полк подполковника Борисова, вооруженный английскими танками «Черчилль». Они заметно уступали советским танкам. Слабая маневренность, уязвимость, пониженная проходимость затрудняли их боевое применение.

Тяжелые бои с превосходящими силами противника велись в районе Волосово. Отсюда был единственный путь на Кингисепп, и противник рассчитывал использовать его для отвода своих сил, а может быть, он рассчитывал использовать выгодные рубежи и остановить наше наступление. Так или иначе, но противник собрал здесь сильный кулак. Поступили данные и о том, что противник где-то в этом районе имеет танки «тигр».

В распоряжении советского командования в районе Волосово находилась 30-я бригада, которой командовал полковник В. В. Хрустицкий. Он дважды пытался с ходу овладеть Волосово, и оба раза неудачно. В бригаде осталось всего 35 танков. Полковник Хрустицкий собрал все экипажи. Он подробно расспрашивал вернувшихся из боя о том, где огневые точки противника. Разведка также доложила некоторые данные. В. В. Хрустицкий решил провести дополнительную, ночную разведку, а с рассветом ударить с севера и юга в обход станции Волосово. По радио он сообщил в штаб бронетанковых войск о тяжелом состоянии и просил помощи.

Мне было приказано немедленно выехать в район Красного Села, где находилась фронтовая ремонтная база, и отремонтированные танки совместно с экипажами доставить в район Волосово, чтобы передать их бригаде полковника Хрустицкого. На базе оказалось семь исправных танков, принадлежавших другим частям. Но это роли не играло. К трем часам ночи все машины были доставлены

в бригаду. В четыре часа тридцать минут я представился полковнику Хрустицкому. Он расцеловал меня семь раз — за каждый танк. Мы знали друг друга давно. Это был человек неиссякаемой энергии. Никто, наверное, не видел, когда он нормально ел и отдыхал. Он все это делал на ходу. Себя он не щадил, а вот от офицеров требовал, чтобы каждый солдат прежде всего был накормлен, одет и имел необходимый отдых.

Он был очень спокойным и рассудительным командиром. Прежде чем принять решение, глубоко продумывал каждую мелочь. Любил говорить: «Торопись, торопись, батенька, быть врага, но как быть — решай не спеша, чтобы не ошибиться, чтобы наверняка бой выиграть».

Был требовательным и принципиальным. Не любил поддакивания. Хвалил за прямоту. Не пропускал даже мелочей и на все недостатки указывал подчиненным. Танкисты на него не обижались. Они знали, что он не только взыскивал, но и заботился о них.

Пожалуй, единственный был у него «недостаток» — он непременно старался быть в самом пекле боя. Так случилось и в тот раз.

В пять часов утра после короткой артподготовки бригада Хрустицкого атаковала врага, прорвала его оборону, устремилась на Волосово. Казалось, вот она, победа. Но противник ввел резервы, нанес удар во фланг бригаде. К этому времени танкисты уже понесли большие потери. Силы оказались неравными. Командир понял: настал критический момент боя. И он принял хотя и рискованное, но оправданное решение — всей бригадой «только вперед!». И сам повел танкистов на врага. Это был ожесточенный бой. Экипаж Хрустицкого, умело машинируя, подбил несколько танков противника, раздавил противотанковую пушку, уничтожил много гитлеровцев. Сопротивление врага было сломлено. И когда бой, казалось, был уже завершен, машина комбрига загорелась. Один за другим раздались взрывы — в танке рвались боеприпасы...

Так погиб командир бригады гвардии полковник В. В. Хрустицкий. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тогда же я узнал и о смерти Миши Егорова. В ночь на 20 января 1944 года танки 220-й бригады, преследуя отступающего противника в направлении Русско-Высоц-

кого, наткнулись на фашистских «тигров». Один из них в упор выстрелил по ближайшему танку, танку, который вел Миша Егоров.

Почти вся бригада хоронила Мишу на братском кладбище в Русско-Высоцком.

До сих пор в моей памяти не тускнеют образы танкистов-героев, и перед глазами встают картины последнего боя полковника В. В. Хрустицкого и кладбищенский холмик Миши Егорова — мальчишки из Сиверской.

В ходе операции к концу января — началу февраля 1944 года фронт проходил от Ленинграда уже в 100—150 км. Там находились танки, требующие эвакуации и ремонта. Задача сложная, и по этому поводу состоялось партийное собрание штаба бронетанковых войск фронта. Докладчик генерал В. И. Бааранов познакомил коммунистов с общей обстановкой, подчеркнул, что войска Ленинградского фронта уже к концу января в основном выполнили поставленные задачи. Были освобождены города Пушкин, Павловск, Гатчина. Войска Волховского фронта освободили Новгород, Шимск, овладели Тосно. Теперь можно было говорить о том, что блокада Ленинграда полностью снята. Создавались благоприятные условия для разгрома 18-й армии фашистов. Наступление же Советской Армии на Правобережной Украине не позволяло врагу перебросить дополнительные силы с юга под Ленинград и Новгород.

Но противник продолжает яростно сопротивляться, и город Луга находится пока в руках немецко-фашистских захватчиков. Чувствовалось, что ему удалось создать в этом районе сильную группировку (как потом выяснилось, группировка состояла из 16 пехотных и танковой дивизий). Он рассчитывает задержать дальнейшее наступление войск Ленинградского фронта, сохранить за собой шоссе и железную дорогу Луга — Псков и отвести остатки разгромленных соединений 18-й армии на основной тыловой рубеж в районе Пскова и Острова.

Обстановка на фронте диктовала и наши конкретные задачи, изложенные командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронта.

Коммунисты в своих выступлениях показали полное понимание обстановки и внесли ряд конкретных предло-

жений, направленных на успешное выполнение поставленных задач. Так, учитывая большой размах операции и ограниченное количество ремонтно-эвакуационных средств, коммунисты предложили освобожденную от противника территорию, где действовали танкисты, разделить на полосы (зоны), за которыми закрепить определенные ремонтные базы, а также офицеров штаба. Высказывались и другие практические предложения по эвакуации поврежденных танков, их ремонту и доставке в части.

После собрания был составлен специальный план, распределены силы, и началась упорная, напряженная работа.

После того как Волховский фронт успешно провел Новгородскую операцию, а войска Ленинградского и Волховского фронтов овладели Лугой, командование нашего фронта ориентировало генерала В. И. Баанова о возможной передаче некоторых танковых соединений и частей Волховского фронта в состав Ленинградского. И как только дорога Ленинград — Новгород стала свободной, для решения этого вопроса в штаб бронетанковых и механизированных войск Волховского фронта выехал заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Ленинградского фронта теперь уже генерал-майор инженерно-технической службы Н. Н. Шестаков.

Путь хоть и не дальний, около 200 км, но готовились к нему основательно. В тот год зима была снежной. На дорогах часто случались заносы. Да и автомобиль наш М-1 был уже старенький. Так что запаслись горючим, дегтялями. С большим трудом лишь к вечеру следующего дня мы добрались до штаба генерал-майора танковых войск И. В. Кононова — командующего бронетанковыми и механизированными войсками Волховского фронта. Нас уже ожидали. Оказывается, даже навстречу выслали автомашину, но где-то мы с ней разминулись.

Трудная была дорога, но запомнилась она по иной причине. Тяжелые впечатления производили разрушения, которые остались после изгнания гитлеровских захватчиков из этих районов. Непокоренная врагом Ижора была сожжена чуть ли не полностью. Людей почти не видно. Только кое-где из землянок да редких изб поднимались столбики дыма — значит, жизнь начинается, несмотря ни на что. Та же картина при въезде в Новгород. Город казался вымершим. С трудом выбрались мы через развали-

ны к реке Волхов, переправились на другой берег и вскоре нашли штаб генерала И. В. Кононова, который размещался в сборных полукруглых, чем-то напоминающих юрты деревянных домиках.

Очень подвижный, приветливый, небольшого роста и чуть-чуть полнеющий, с открытым взглядом веселых глаз, с располагающей к себе улыбкой, генерал встретил нас очень радушно. Пригласил перекусить. За ужином наметился и примерный план нашей работы, который был уточнен утром.

Предстояло объехать все части, которые передавались нам, ленинградцам. По списку в них имелось около ста танков на ходу. Однако первые же встречи с заместителями командиров по технической части 124-й танковой бригады инженер-майором С. И. Титовым и 122-й Краснознаменной танковой бригады инженер-подполковником Н. А. Козиным убедили нас в том, что и количество танков, и их состояние не отвечают данным штаба. И это было понятно: танкисты в последних боях понесли большие потери, действуя в исключительно сложных условиях местности и прорывая сильную, годами создаваемую глубоко эшелонированную оборону противника. Кроме того, волховчанам по-своему было очень тяжело с ремонтом танков. Они действовали в районах, где промышленных предприятий почти не было. Поэтому все работы производили в поле на подвижных фронтовых ремонтных базах. Правда, таких баз, можно сказать, было достаточно. Но ремонтировать танки в поле, в мороз, когда нет требуемого количества запасных частей, и к тому же вблизи переднего края — дело не из легких.

Объехав все части и изучив реальные возможности ремонта, мы обменялись мнением с представителями волховчан. Генерал Шестаков подробно донес обо всем своему командующему — генералу В. И. Баранову, а вскоре мы и сами выехали обратно.

В Ленинграде узнали, что штаб бронетанковых и механизированных войск переместился в Толмачево, под Лугу. Здесь нам, офицерам, занимающимся ремонтом, была поставлена задача в недельный срок закончить восстановление боевой материальной части в танковых частях, действующих на направлениях Псков, Порхово, Остров, Струги Красные.

Под Порхово и Псковом я впервые столкнулся с ремонтом танков в полевых условиях в массовом масштабе. Вот когда сказалось решение, принятое еще во время пребывания Н. Н. Шестакова в Москве, о формировании для Ленинградского фронта подвижных ремонтных баз. Именно они и обеспечивали ремонт.

Танки, как правило, находились на большом расстоянии друг от друга, в местах, куда пробраться на ремонтных летучках почти невозможно. Тягачей недоставало, поэтому использовали боевые машины, чтобы подталкивать к ремонтным базам поврежденные танки.

Много хлопот приносили дороги, особенно за Лугой. До Пскова все мосты были взорваны, и, чтобы их навести, требовались огромные усилия саперов, их мужество, самоотверженность.

Помнится такой случай. Инженер старший лейтенант Дмитрий Александрович Кутилов (из ленинградских ополченцев) трое суток не отходил от строящегося моста через реку. Но когда он узнал, что вот-вот должны подойти танки, вошел в ледяную воду и сам стал укреплять мост, показывая пример солдатам. И мост был построен к сроку.

Выполнив в основном задание по ремонту танков и доставке их частям Ленинградского фронта, мы получили новую задачу — организовать «прием на себя» боевых машин, идущих из-под Новгорода в направлении Медведь, Остров, Псков, Луга. Дело оказалось сложным, так как ремонтные средства использовались для обеспечения передовых частей и их не хватало, чтобы расставить еще на путях движения танковых колонн волховчан. А когда началась распутица, то стало совсем тяжело.

Однако никакие трудности не остановили танкистов. Все так старались, что не надо было даже особенно проверять, подталкивать. В основном требовалось только помочь, указать, куда двигаться, где части, где противник.

С большим напряжением трудился весь штаб бронетанковых и механизированных войск Ленинградского фронта. Ни днем ни ночью не прекращалась работа. Работали с огоньком, по-боевому, всегда оказывали друг другу помощь. Необходимо отметить, что такой деловой стиль шел в первую очередь от руководства. Мы учились у начальников организации дела, решению самых разнообразных вопросов, инициативе и активности.

Инженерно-техническую службу бронетанковых и механизированных войск фронта возглавлял генерал Николай Николаевич Шестаков. Он везде успевал бывать, все знал и работал с каким-то особым, присущим ему предвидением. Каждый из нас знал о том, что Николай Николаевич все равно все проверит, во всем детально разберется. И мы не только из-за большого к нему уважения, но и, откровенно говоря, из-за боязни ошибиться старались глубже и всесторонне подготовиться к докладу, полностью выполнить любое задание. Николай Николаевич никогда не распекал подчиненных за промахи, упущения, а тактично просил еще раз уточнить, выяснить все обстоятельства дела, и этого было достаточно, чтобы человек не повторил ошибки.

Его ближайшими помощниками были инженер-полковник Д. П. Каравеев, инженер-подполковник Г. А. Федоров, подполковники С. М. Адливанкин, В. Д. Параничев, инженер-майор И. Л. Хмельницкий, Г. А. Хапов, майор Б. И. Гильченок, инженер-капитан М. М. Марков, капитаны Б. И. Кольцов, И. Д. Строганов и другие. Советы друг с другом, постоянная инициатива, предельное старание каждого — это было главным в их работе, в отношении к любому делу, каким бы оно ни было: большим или малым.

Следует подчеркнуть, что всех нас как бы цементировала, целеустремляла наша партийная организация. Заместитель командующего по политической части полковник Виктор Иванович Голиков был очень уважаемым человеком. Он приходил к коммунистам не проверять, не указывать, не требовать, а обменяться мнениями. И это достигало желаемой цели. Правильные, нужные, наиболее важные идеи, мысли, предложения коммунистов он собирая по крупицам, выносил на обсуждение коллектива, внедрял опыт лучших в практику.

Нельзя не сказать доброго слова и о младших специалистах, служащих. Это они помогали нам доводить дело до конца, как говорится, до исходящих и входящих, выражать его в графиках, таблицах. А сколько печаталось срочных, несекретных и секретных, особо секретных документов! Часто товарищи просились на фронт, туда, где совершались настоящие боевые дела. И большого труда стоило их удержать в штабе. Но обязанности свои они выполняли всегда добросовестно. Такими были Валя

Иммерлишвили, Зина Строганова, Антонина Яковлева и другие. В равной степени со всеми нами они делали большее и нужное дело.

С новой силой разгорелись бои на кингисеппском направлении. Наши войска овладели станцией Волосово, перерезали дорогу Гатчина — Нарва. Немецко-фашистское командование бросало свои последние резервы. Между Ропшой, Опольем и Кингисеппом появились тяжелые танки «тигры». Мы уже знали о них, знали, что все эти фашистские звери были биты на Курской дуге. Ни сверхтолстая броня, ни мощные пушки, установленные на них, ни звериные названия не устрашили советских воинов. Хваленое гитлеровское оружие не выдержало могучего удара наших войск и здесь, под Ленинградом. Немало их — подбитых и сожженных — осталось на поле боя.

Для нас, эвакуаторов, «тигры» были в новинку. Мы должны были убрать их с дороги и, кроме того, попытаться завести один из «тигров» и доставить его в Ленинград для показа населению. На Дворцовой площади открывалась выставка трофейного оружия.

Разобравшись в техническом устройстве «тигра», я довольно быстро его завел. Однако через пару километров выяснил, что у машины пробит водянной радиатор. Значит, паш противотанковый снаряд пронизал «тигровую» броню! Кстати замечу, что «тигр» был очень неповоротлив и на плохие дороги совершенно не рассчитан — он то и дело тонул по днище.

Почти сутки провозился я с этой машиной. Со мной был экипаж, состоящий из ремонтников. Очень хотелось довести трофей и показать ленинградцам. Но за сутки мы прошли не более десяти километров. Было ясно: выполнить задачу в установленный срок невозможно. Я доложил об этом генералу Н. Н. Шестакову. Он тоже понял, что с «тигром» нам не справиться, и приказал доставить в Ленинград другой танк — Т-III. С большим трудом, доливая через каждые 15—20 километров воду в поврежденные радиаторы, через сутки я все же пригнал его в Ленинград и установил на Дворцовой площади. Здесь уже были выставлены на обозрение многоствольные минометы, тяжелые орудия, обстреливавшие Ленинград, различные вооружение и боевая техника. На стволах пушек и на

корпусе танка уже белели надписи «Смерть фашизму!», «Гитлер капут!».

Еще больше этого теперь уже металлического лома осталось под Ленинградом. Чем ближе мы подъезжали к Кингисеппу, тем больше встречались на обочинах дороги разбитые вражеские танки, автомобили, орудия. Попытка противника прикрыть свое отступление наспех сколоченными арьергардными группами тяжелых танков с пехотой не удалась.

По этим же дорогам шли затем эвакуаторы и ремонтники, чтобы быстрее оживить наши танки. Работа спорилась. Иначе и быть не могло. Радость победы удваивала силы. Старались ремонтники, старались экипажи поврежденных машин. И это значительно сокращало сроки ремонта.

В Кингисепп я попал утром. Для города это было первое утро освобождения — ночью враг бежал.

На высоком берегу реки Луга стояли наши танки. Кто-то из танкистов попытался переправиться на другой берег. Он спустил танк с крутого берега на лед, но метра через два провалился. Дал задний ход и вышел на берег. Гитлеровцы обрушили на него с противоположного берега шквал огня. Танк тоже отвечал огнем. Его поддерживали другие машины. Где-то ухнули наши пушки и полетели снаряды на другую сторону берега. Артиллерийская дуэль длилась несколько минут.

Пехота с ходу форсировала реку и зацепилась на том берегу. А вот с танками дело застопорилось, нужны были переправы...

Недалеко от реки у разрушенной церкви, напротив взорванного моста, была назначена встреча с заместителем командующего бронетанковыми войсками 2-й ударной армии инженер-полковником В. И. Извозчиковым. Он прибыл сюда для того, чтобы организовать техническое обеспечение при форсировании танками реки. При нем находились два офицера. Один из них, капитан А. Я. Кумаченко, оказался знакомым по Невской Дубровке. После того как он весной 1942 года попал в госпиталь, мы с ним не встречались. Инженер-полковника Извозчика я тоже знал раньше. Он прибыл в состав фронта вместе с 2-й ударной армией. Первая же встреча с ним произвела на меня очень хорошее впечатление. По всему чувствовалось, что он большой специалист инженерно-танковой службы.

До армии работал в частях, на ремонтных предприятиях. В беседе больше слушал, чем говорил. Он умел расспрашивать людей. Если говорил, то только о других. О себе — ни слова. Отвечал только на прямые вопросы. В обращении с подчиненными был очень прост, звал всех по имени и отчеству, а тех, кто помоложе, просто по имени. И выговаривал по-особому, будто успокаивал подчиненного: «Конечно, вы ведь старались. В другой раз получится лучше». И в другой раз провинившийся работал так, чтобы больше не выслушивать такого замечания, не подводить своего начальника.

Примерно в таком же духе Извозчиков сделал замечание капитану Кумаченко за то, что тот опоздал сюда к берегу реки Луга с тягачом и тем самым не выполнил задачу — проверить возможность прохождения по льду. Было задумано подцепить к тросу танк и подстражовать его: если лед не выдержит и машина провалится, то быстро ее вытащить на берег. Но у въезда в Кингисепп тягач был задержан, и, пока выясняли что к чему, прошло минут двадцать. А за это время случилось то, о чем я уже выше рассказывал. И теперь надо было эвакуировать поврежденный танк.

Капитан Кумаченко, опустив голову, выслушав замечание начальника, спросил разрешения идти выполнять задание. Тот кивком головы дал добро.

При нашей встрече я передал Извозчикову просьбу заместителя командующего бронетанковыми войсками фронта генерала Шестакова сообщить, куда и сколько необходимо направить ремонтных средств.

Извозчиков раскрыл карту, показал, где стоят поврежденные и неисправные танки, предложил перенести эти данные на мою карту. На ней же он обвел карандашом районы эвакуации, подчеркнул те танки, которые будут ремонтироваться на месте, и те, которые, по его мнению, фронт должен эвакуировать и ремонтировать своими средствами. Расписался на моей карте и просил доложить эти данные генералу Шестакову.

Возвращаясь в штаб, я всю дорогу думал, как и где лучше развернуть ремонтные средства.

До Кингисеппа не было почти ни одной деревни. Все сожжено. Развертываться в лесу? Однако там еще бродили мелкие группы противника, а для организации надежной охраны мы не располагали силами. Кроме того, основ-

ной ремфонд может появиться только при форсировании реки. Да и есть ли смысл эвакуировать от реки далеко в лес за Кингисепп поврежденные танки? Не лучше ли организовать ремонт непосредственно на окраине Кингисеппа? Правда, близко от противника, но зато значительно сокращается время, необходимое для того, чтобы вернуть танки в боевой строй.

Свои соображения я доложил генералу Шестакову. Он внимательно выслушал меня и сказал:

— Предложение утверждаю. В ваше распоряжение выделяется 21-я ремонтная база.

Быстро подготовив соответствующее приказание, я выехал в район Ополье для встречи с начальником базы инженер-капитаном А. Н. Живилиным. Однако начавшаяся внезапно оттепель так развезла дорогу, что практически приходилось тащить мотоцикл на себе. Километров через пять я выбился из сил и вынужден был оставить мотоцикл в одном из разрушенных сараев. Замаскировал, как мог, и пошел пешком в надежде на попутный транспорт, хотя понимал, что никакая машина по такой дороге не пройдет. Часа три прошагал, как вдруг услышал шум трактора. Обернулся. Действительно, трактор шел в мою сторону и тянул за собой прицеп на полозьях. На душе повеселело.

Когда трактор поравнялся со мной, я поднял руку. Водитель выключил скорость, сбросил газ, и двигатель заработал на холостых оборотах. В кабине сидели двое в комбинезонах.

- Куда путь держите? — обратился я к ним.
  - А вам что? — спросили меня.
  - Может быть, подвезете?
  - Садитесь. А покурить не найдется?
  - Некурящий, — ответил я.
  - Жаль.
  - Так куда путь держите? — снова спросил я.
  - До Кингисеппа!
  - Вот это хорошо, и мне туда, — обрадовался я.
  - А кто ты будешь?
- Я был тоже в комбинезоне, в солдатской шапке, а ремень, хотя и офицерский, но кто не носил его в войну?
- Представился как офицер штаба фронта.
- Ого, начальство! Садитесь.

Несколько минут ехали молча. Потом тот, у кого были эмблемы артиллериста, поинтересовался, знакома ли мне дорога на Кингисепп. Я ответил, что только вчера проезжал по ней. Есть и другая дорога, получше этой.

— А нам все равно. Мы на своем «танке» хоть куда доберемся.

И только он это сказал, как в тракторе заскрежетало, и водитель, выключив двигатель, удивился:

— Что за оказия?

Он вылез из кабины, поднял капот и стал внимательно рассматривать двигатель, от которого шел пар. Я тоже присоединился к водителю.

— Надо попробовать провернуть рукояткой, — сказал я.

— Понимаете в технике? — спросил он меня.

— Немного. Вместе разберемся.

Водитель взял рукоятку и, стоя по колено в грязи, с трудом ее поворачивал. На слух я определил, что с коленчатым валом вроде все в порядке.

— Ну-ка, Володя, нажми на стартер, — вынув заводную рукоятку, крикнул водитель.

Тот нажал на кнопку. Шестеренка стартера, едва войдя в зацепление, заскрежетала и остановилась. Из стартера пошел дымок.

— Выключай, — крикнул я. — Дело ясное — замыкание в стартере. Заведем от рукоятки и проверим электросистему.

Я сел в кабину. Водитель, провернув несколько раз рукояткой, завел двигатель. Стрелка амперметра указывала на сильную разрядку.

— Что будем делать: исправлять стартер или поедем? — спросил я у водителя.

— Как, старшой? — обратился водитель к Володе.

— Если можно ехать, то надо ехать. Времени у нас в обрез, — ответил Володя.

Это решение, конечно, устраивало и меня.

До Ополья добрались во второй половине дня. На дороге мне встретились ремонтные летучки. Я догадывался, что это втягивается в лес 21-я ремонтная база. Вскоре встретился и инженер-капитан Живилин. Он обрадовался моему появлению и сразу же начал просить трактор, чтобы оказать помощь ремонтным летучкам, которые застряли в 10—15 км отсюда. Я сказал, что трактор не мой.

— Да какая разница. В общем-то он нашего фронта,— запальчиво сказал Живилин и обратился к моим спутникам с такой же просьбой.

Сержант, по имени Володя, ответил, что он обязан доставить боеприпасы, которые находятся в прицепе, и временем не располагает.

— Обождите до вечера, — предложил он. — Вот доставим боеприпасы и возвратимся.

Надежд на это мы, конечно, не питали. Дорога плохая и куда эти боеприпасы потом повезут, тоже неизвестно. Так «Ворошиловец» и ушел, обдав нас едким дымом.

Я ознакомил инженер-капитана Живилина с приказанием генерала Шестакова. Он сокрушился о том, что не может в срок полностью развернуться в Кингисеппе.

И винить инженер-капитана Живилина тоже было нельзя. Дороги разбиты, а ремонтные летучки на стареньких зисах и газиках были не в состоянии двигаться по бездорожью.

— Что же будем делать? — спросил меня инженер-капитан Живилин.

— Решение, я думаю, может быть только таким: попытаться на буксире доставить в Кингисепп хотя бы несколько специальных машин и основной состав ремонтников. Остальным на месте ждать ночи — возможно, будут заморозки. Если нет, то завтра у саперов раздобудем трактор. А работу по ремонту танков начнем немедленно. Надо также поискать в Кингисеппе мастерские и использовать их оборудование.

Инженер-капитан Живилин тут же подозвал к себе офицера.

— Командиров подразделений ко мне! — приказал он.

— Здесь только двое: командир 1-й и 3-й рот. Остальные с машинами, в пути.

— Ко мне, кто есть.

На совещании было решено оставить по одному водителю на машину, а всех ремонтников направить в Кингисепп. Туда же во что бы то ни стало надо вывести электростанцию и сварочное оборудование. Для подстраховки выделялись еще две ремонтные летучки типа «Б», на которые грузили весь ремонтный инструмент, имеющийся на остающихся здесь машинах.

— Личный состав с лопатами и пилами, — продолжал инженер-капитан А. Н. Живилин, — пойдет за электростанцией и сварочной в готовности исправлять дорогу и восстанавливать машины.

Примерно через час колонна двинулась. Шли медленно, с большими трудностями. Лишь глубокой ночью добрались до Кингисеппа и начали сразу же искать удобное место для развертывания.

У самого въезда в Кингисепп со стороны Ленинграда находилось сильно разрушенное здание — только стены остались — бывших мастерских, которые я приметил еще раньше. Подъехали к нему. Внутри стояли какие-то станки и расположились на отдых пехотинцы. Искать старшего начальника, чтобы тот дал добро на развертывание в этом здании ремонтной базы, — дело бесполезное. А здание приглянулось многим. Вдруг появились медики с нескользкими ранеными. Потом пришел какой-то офицер, кажется, артиллерист, потому что речь он вел со своим спутником о том, что неплохо было бы разместить здесь «штабеля» (так артиллеристы называли боеприпасы). Словом, кому достанется здание, трудно было сказать.

Но вопрос решился как-то сам собой. Ближе к рассвету подошел тягач, буксирующий танк. Капитан Кумаченко объявил, что по указанию заместителя командующего бронетанковыми войсками 2-й ударной армии инженер-полковника В. И. Извозщикова здесь будет развернут армейский сборный пункт поврежденных машин. Это заявление особого воздействия не оказалось на присутствующих. Все они остались. Инженер-капитан Живилин приказал завести электростанцию в здание. Благо, проемы в стенах были большие. Когда машина начала вползать в помещение, пехотинцы пробудились, сержант скомандовал: «Строиться!», — и через несколько минут небольшая колонна бойцов ушла. Но девушка-медик стала строго нас отчитывать за то, что мы якобы врываемся в ее медицинский пункт.

— Так ведь его здесь нет, — возразил инженер-капитан Живилин. — Вы ведь и легкораненых куда-то уже отправили.

— Нет, так будет! — резко ответила она.

— Если будет — мы уйдем. А сейчас давайте знакомиться и мириться.

Она называлась санинструктором танковой бригады.

— Так это совсем здорово, — сказал инженер-капитан Живилин. — Танкисты всегда между собой договорятся.

Санинструктор успокоилась и начала упрашивать Живилина выделить ей транспорт, чтобы доставить тяжело раненного офицера в полковой медпункт. Кроме единственного автотягача, мы ничем не располагали. Бережно перенесли в него раненного офицера из разведроты бригады и отправили в близлежащий госпиталь.

Через часа два своим ходом прибыл танк с заклиненной башней. Он тащил за собой другой танк с пробитым бортом. Мне вручили записку от инженер-полковника Извозчикова, в которой он разрешал мне использовать для подтаскивания ремонтных летучек тягач и даже танк, но предупредил, что, как только наладим сварочный агрегат, нужно немедленно срезать болванку, застрявшую между башней и корпусом, отправить танк в подразделение.

Я был очень благодарен инженер-полковнику Извозчикову за помощь. Однако использовать танк для буксировки ремонтных летучек не стал. Вместе с инженер-капитаном Живилиным мы начали готовить сварочный агрегат, и уже через час нам удалось освободить башню. Экипаж тут же уехал на передовую.

Одновременно с ремонтом второго танка мы продолжали устраиваться. Приказ к 12.00 развернуть базу в основном был выполнен. Ведь кое-что уже развернуто, один танк отремонтирован, другой в работе, а тягач пошел за остальными ремонтными средствами. Обо всем этом я доложил по телефону Н. Н. Шестакову. Звонил с командного пункта инженер-полковника Извозчикова. Генерал сказал, чтобы я принял меры для быстрейшего развертывания всех сил базы. Дело в том, что вскоре пойдут танки, которые будут форсировать реку, и поэтому надо быть в готовности оказать им помощь. Я возвратился на базу, имея от Извозчикова разрешение задержать тягач на такое время, которое потребуется для подтаскивания всех ремонтных средств.

На фронте часто бывало — рассчитываешь на одно, а получается другое. Так и тогда. Казалось, все идет нормально, но вдруг — налет вражеской авиации. Видимо, противник заметил выдвижение наших войск к переднему краю. Три фугаски упали и на нашу базу. В резуль-

тате появились убитые, раненые и полностью сгорели две ремонтные летучки.

Я пошел к Извозчикову, доложил ему о случившемся. Связавшись с генералом Шестаковым и поговорив с ним, Извозчиков приказал остальные ремонтные средства размещать в лесу и тщательно маскировать. Район — роща юго-восточнее Кингисеппа.

— Слушаюсь, — ответил я. А сам подумал, как это сделать, если даже с дороги невозможно съехать. Но решение было правильным, тем более что должны были помочь саперы.

Вскоре на дороге появилась первая летучка. Я остановил ее и указал рощу, где ей следует располагаться. Подошли еще несколько машин. С помощью тягача все машины были втянуты в рощу. Лишь три летучки остались где-то на дороге. Они тоже подвергались воздушному налету и требовали ремонта. Но сейчас у нас было много средств на месте. Однако главного не было: электростанции, зарядного агрегата и основного инструмента. Десять хороших ремонтников мы потеряли (три убитых и семь раненых). Инженер-капитан Живилин немного оглох после контузии, но в госпиталь не пошел.

К вечеру на базу прибыл офицер от Извозчикова. Он передал приказание от моего командования проверить и доложить состояние техники в трех полках (в двух танко-самоходных и одном танковом). В других частях эта работа должна проводиться инженер-полковником Извозчиковым.

Полки, как мне сообщили, сосредоточились в лесах южнее и севернее Кингисеппа. Они понесли потери при налете авиации противника.

До утра мне удалось побывать в двух частях: 31-м гвардейском танковом полку и 397-м танковом полку. Третьего полка не нашел. Как потом выяснилось, он изменил район сосредоточения.

В этих полках вместе с техническим составом удалось в основном проверить танки, нуждающиеся в среднем ремонте. Таких оказалось двенадцать. Мелкий, текущий ремонт в расчет не брался. Это возлагалось на экипажи. Вызвал в полки четыре ремонтные бригады, и к вечеру в основном с этим объемом работы мы справились.

А в ночь уже был получен приказ о выдвижении полков к переправам.

Придя на командный пункт Извозчикова, я связался с нашим штабом и доложил инженер-полковнику Кареву о проделанной работе. То же сделал и Извозчиков.

Инженер-полковник Карев приказал нам организовать за счет 21-й ремонтной базы техническую помощь готовящимся к переправе полкам и подготовиться как к эвакуации танков, так и к переброске ремонтных групп на другой берег реки Луга. Это решение диктовалось тем, что, пока на базе нет ремфонда, ее целесообразнее использовать на маршрутах, в частях, на переправах, где ремонтные бригады могли сделать многое. Так оно и было. Уже после форсирования реки мы подсчитали, что за время наступления в течение одних только суток оказали техническую помощь и отремонтировали больше чем 60 танков. Это двухмесячная производственная норма базы! Такой объем работы стал возможен только потому, что ремонтировались машины на месте и при самом активном участии экипажей. Я был свидетелем, когда ремонт танков производился даже на паромах. К концу переправы мы потеряли двенадцать человек, но зато не было ни одного танка, который бы из-за неисправности не вышел на противоположный берег.

Около двух часов ночи я подъехал к расположению штаба бронетанковых и механизированных войск. В палатке ремонтного отдела увидел обычную картину: все работали. Меня встретил майор Хапов.

— Вот легок на помине. Заходи к Дмитрию Петровичу. Он ждет, — сказал Георгий Андреевич.

Инженер-полковник Карев внимательно выслушал мой доклад. Похвалил за оперативность, но заметил, что было бы еще лучше, если бы я позвонил ему по телефону и доложил о результатах проверки 220-й танковой бригады перед возвращением в штаб. Действительно, в бригаде я задержался почти на сутки: проверял танки, прибывшие после ремонта из 23-й рембазы.

— Такая задача вам не ставилась, — сказал Дмитрий Петрович, — но раз уж задержались — нужно было позвонить. Это позволило бы выиграть и-а-а-м, — протяжно сказал Дмитрий Петрович, — около трех-четырех часов.

Д. П. Карев очень хорошо знал людей и имел к каждому свой подход. Если он видел, что человек несерьезно,

безответственно относится к выполнению заданий, то без обиняков взыскивал строжайшим образом. И наоборот, если человек старался, но у него что-то не получалось так, как хотелось бы, Дмитрий Петрович никогда не ругал, а порой даже авансом хвалил такого офицера и одновременно с присущим ему тактом учил, как надо делать. За это Дмитрия Петровича любили и уважали все без исключения офицеры штаба.

Карев поставил мне новую задачу: выехать в 23-ю ремонтную базу и помочь спланировать и организовать занятия с офицерами и особенно с младшими специалистами.

— База только сформирована. Люди не совсем подготовлены. Отсюда и факты некачественного ремонта, да и в сроки они не укладываются. Надо разобраться. Поможет вам в подборе литературы и подготовке материалов к занятиям майор Хапов. Но поедете вы один, — заключил Дмитрий Петрович. — Все ясно?

Занятия я проводил и раньше, когда служил в танковом батальоне, и задание не представлялось для меня очень сложным. Однако тратить на это время, когда идут бои и нужны танки, много танков... Так я подумал, а сказал:

— Когда выезжать?

— Как будете готовы, дождите мне. Желательно выехать завтра, а занятия начать послезавтра.

От Дмитрия Петровича я пошел к майору Хапову. Мы с ним размещались в одной палатке. Здесь и работали, и отдыхали. Хотя кровати, поставленные возле столов, редко служили местом отдыха. Большей частью мы находились в войсках, а там приходилось отдыхать по-разному, когда как.

Георгий Андреевич Хапов уже был в палатке. Он сдвинул оба стола и на ватманском листе бумаги составлял расписание занятий.

— Начинай, — сразу же предложил он мне.

Майор Хапов был исключительно работоспособный. Он всегда стремился принять участие в любом деле, где он мог помочь, проявить инициативу, выполнить новое задание. Все делал с душой, с огоньком. Иногда, конечно, и срывы бывали. Тогда Георгий Андреевич сам себя наказывал. На время замыкался в себе. Ходил хмурый, недовольный. А потом обязательно искал повода, чтобы из-

лить, как он говорил, душу товарищу. Мы все знали эту черту характера и старались быстрее «разгрузить» его душу. После этого он снова становился самим собой и снова загорался делом.

— С чего же начинать? — спросил я у Георгия Андреевича.

— Во-первых, — ответил он, — делай второе такое же расписание. Тебе оно пригодится для инструкторско-методического занятия на базе, в которую ты поедешь. Во-вторых, проштудируй методичку. Вот она лежит на столе.

Оказывается, он уже заканчивал разработку примерного расписания для проведения занятий в ремонтных базах. Он коптел над этим уже трое суток, пока я ездил в войска. Методички были уже готовы.

Я занялся методичкой. Георгий Андреевич составил ее настолько хорошо, что не надо было обращаться к дополнительной литературе. Здесь все было: тематика, цели, порядок проведения занятий, вопросы и даже примерные ответы.

Мне так и хотелось похвалить Георгия Андреевича, но сдержался, потому что знал — он этого не любит. Своебразный человек! Он мог даже обидеться на товарища, похвалившего его. А если хвалил начальник, то он после этого в кругу товарищей говорил: «Да что там особенного. Пожалуй, я бы сейчас лучше сделал».

Иногда мы разыгрывали его, начинали критиковать за якобы слабые стороны в его работе. Достаточно, например, было сказать: «Поверхностно все же вы, уважаемый Георгий Андреевич, проверили технику в полку. Обнаружились новые неисправности». И он, как факел на ветру, разгорался и спрашивал: «Где, на каком танке, какие, скажите, пожалуйста...» Каждый из нас «находил» столько дефектов, что их хватило бы на несколько полков. Тогда Георгий Андреевич убеждался, что над ним подшучивают...

Под утро к нам запел Карев, не стал ни о чем спрашивать, а приказал спать по полтора часа «на каждый глаз». И ушел. Это означало три часа отдыха, а затем — к нему.

Когда мы пришли к Кареву, то там уже было большинство офицеров отдела: Г. А. Федоров, И. Л. Хмельницкий, В. Д. Параничев, Б. И. Кольцов, М. М. Марков, С. М. Адливанкин. Оказывается, Дмитрий Петрович вы-

звал всех, чтобы рассмотреть выполненные нами планы занятий.

Повесив расписание, Хапов начал докладывать. Все внимательно слушали, делали какие-то пометки. Затем офицеры обменялись мнениями. В основном все одобрили методику организации и проведения занятий в ремонтных базах.

Дмитрий Петрович подвел итоги, внес некоторые уточнения и утвердил материалы. В заключение он подчеркнул важность и необходимость учебы и в военное время.

Начальник 23-й ремонтной базы капитан Е. Н. Непомнящий, пожалуй, из всех, кого я знал, был самым неутомимым человеком. Безде бывал, все видел, всем помогал. Он был строг к подчиненным, взыскивал с тех, кто нерационально, по его мнению, использовал время. И когда узнал, что у него будут проводиться занятия, заявил категорично: «Мы должны работать, делать танки, а не заниматься напраслиной». Он настолько болезненно воспринял мой приезд, что даже позвонил в штаб и пытался уговорить командование отменить занятия. Его, конечно, отчитали.

— Ничего не понимаю, что творится. С одной стороны, требуют выполнения плана, с другой — отрывают людей от дела, устраивают здесь курсы... — возмутился Непомнящий.

Я спокойно сказал, что завтра на инструкторско-методических занятиях ему надо быть лично со всеми командинрами.

— Еще чего?! Нет уж, увольте!

Я напомнил, что это приказ.

Первое занятие прошло хорошо. Было много вопросов. Капитан Непомнящий сидел с видом, будто его ничего не касалось. В конце занятий, подводя итоги, я сказал, что на основе этих инструктивных указаний с завтрашнего дня начнутся ежедневные плановые занятия по два-три часа в день. С первой группой, в которую входят командинры подразделений, будет проводить занятия капитан Е. Н. Непомнящий, а с младшими — сами командинры подразделений, то есть по принципу: начальник учит своих подчиненных.

Капитан, видимо, не ожидал, что и ему придется вести занятия. Он даже переспросил: не ошибка ли это.

Е. Н. Непомнящий был одним из тех, кто любит решать все сразу, не откладывая на завтра. Эта напористость нравилась начальникам. «Если он взялся, сделает» — таково было их мнение о капитане. И действительно, если Непомнящий сам за что-либо брался, то обязательно справлялся с делом. Но ведь не все его подчиненные были такими же мастерами, как он сам. При небольшом объеме ремонтных работ и достаточном времени капитан успешно справлялся с поставленными задачами. А когда создалась сложная обстановка — частые перемещения, двухтрехкратное увеличение объема работ при жестком графике ремонта танков, базу начало лихорадить. Даже при круглосуточной работе он не мог за всем уследить, всюду поспеть. Когда же ему докладывали о задержках в ремонте, он нервничал, устраивал разносы. На организаторскую работу все не хватало времени. Некогда было провести даже партийное или комсомольское собрание. Кстати, именно по просьбе коммунистов, которые обратились в политотдел штаба, было решено организовать занятия и помочь Непомнящему найти правильный стиль руководства.

Капитан Непомнящий, хотя и без удовольствия, но все же хорошо готовился к занятиям и проводил их на довольно высоком методическом уровне. И через пару недель он заметил, что положение постепенно выправляется. Личный состав, получив за это время некоторую подготовку в демонтажных и монтажных работах, реже обращался к Непомнящему за советами, уменьшилось количество переделок, сократились сроки ремонтных работ. Начался нормальный ритм в работе.

Да и сам Непомнящий почувствовал себя увереннее. У него появилась даже новая форма «наказания». Если у кого-нибудь что-то получалось, он отправлял ремонтника «на учебу» к главному инженеру. Школу главного инженера проходили не только новички, но и все, кто по познанию в чем-либо провинился при ремонте техники.

Уже позднее, встречаясь с капитаном Непомнящим, я услышал от него одобрительные отзывы о своевременной помощи командования, заставившего его, как он говорил, подучиться. Ему напомнили, что прежде всего он должен благодарить своих коммунистов и комсомольцев, которые и нам, штабникам, подсказали, с чего надо было начинать исправление неполадок.

По старой дороге. — Разработка плана. — Выборгская операция. — Доблесть танкистов. — Вслед за наступающими. — Рождение подвижной танковой группы. — Просчеты в расчетах. — По бездорожью. — Где взять горючее? — Снова вперед.

Наши войска отбросили врага от Ленинграда далеко на запад, а с севера над городом по-прежнему нависала угроза. Противник находился в сорока — пятидесяти километрах от города.

Было известно, что в течение 1941—1943 годов немецко-финское командование восстановило на Карельском перешейке и в Карелии разрушенные во время войны 1939—1940 годов укрепления линии Маннергейма. На перешейке противник сосредоточил карельскую группу войск, насчитывающую семь пехотных дивизий (2, 3, 4, 10, 15, 18 и 19-я), одну бронетанковую (всего до 100 тысяч солдат и офицеров, 700 орудий и минометов). Кроме того, в межозерном районе действовала оперативная группа «Олонец» в составе четырех дивизий: 5, 7, 8 и 11-я (свыше 76 тысяч солдат и офицеров, 580 орудий и минометов). До трех пехотных бригад было развернуто на медвежьеворском направлении, что составляло свыше 54 тысяч солдат и офицеров, 300 орудий и минометов.

Всего, таким образом, от побережья Финского залива до озера Среднее Куйто противник имел 14 пехотных и одну бронетанковую дивизии, три пехотные, одну кавалерийскую и две бригады береговой обороны, а также отдельные части, что составляло примерно около 230 тысяч солдат и офицеров, 1660 орудий и минометов.

Войска Ленинградского и Карельского фронтов пре-восходили противника по численности, но надо было прорывать мощные оборонительные укрепления, особенно на направлении главного удара советских войск — на Карельском перешейке, а это создавало дополнительные трудности.

Теперь нам известно, что по замыслу Ставки разгром противника на Карельском перешейке намечалось осуществить в ходе Выборгской операции, которая слагалась из наступления войск на Карельском перешейке и действий сил Краснознаменного Балтийского флота. По плану Военного совета Ленинградского фронта главный удар наносился в Приморском районе на Кивенаппа, вдоль железной и шоссейной дорог Белоостров — Выборг, вспомогательный — вдоль Ладожского озера.

Командование Ленинградского фронта тщательно готовило операцию на выборгском направлении, проводило переброску крупных сил, в том числе и бронетанковых, с юго-западной части фронта на Карельский перешеек.

После разгрома гитлеровцев южнее и западнее Ленинграда танкисты ремонтировали машины, сколачивали экипажи, решали отдельные боевые задачи. Для них перегруппировка означала как бы возвращение в исходное положение, которое они занимали перед прорывом блокады. Смысл этого маневра не все, конечно, знали, однако каждый выполнял порученное дело с полной отдачей сил. Особенно большая нагрузка выпала на штабы.

Впервые оказавшись в группе разработки плана обеспечения перегруппировки бронетанковых войск с юго-запада на Карельский перешеек, я близко познакомился с работой офицеров-операторов, которые, как мне думалось, занимались мелочными, никому не нужными расчетами, графиками, рисованием множества карт, их переделыванием, звонками в части вроде по пустячным вопросам, таким, как: «Длина моста в пункте «Н»?», «Глубина ручья?», «Как погода?» и прочее. Но это мнение было глубоко ошибочным. В комнате операторов шел уже бой, хотя в это время на нашем участке фронта наметилось затишье. На картах, исполненных разноцветными карандашами, графиках, таблицах и множестве других документов было зафиксировано расположение десятков тысяч людей, сотен танков, машин, запасов, состояние дорог, способы передвижения, отдых, учеба, рубежи развертывания, наконец, динамика боя на различных его этапах.

Оператору нельзя ошибаться, ибо любая его недоработка, упущение, неточно рассчитанная, хотя и красиво вычерченная красная стрела на карте может оказаться роковой. Войска могут понести неоправданные потери в людях и технике и не добиться решающего успеха. Опе-

раторы, привлеченные к разработке плана, офицеры служб штаба бронетанковых войск фронта во главе с начальником штаба полковником Н. А. Полевым понимали всю ответственность возложенного на них задания, тщательно готовили расчеты, глубоко и полно разрабатывали необходимые документы.

Полковник Полевой привез от начальника штаба фронта указания командующего фронтом генерала армии Л. А. Говорова о сроках подготовки бронетанковых войск и общих задачах, которые возлагались на них. Исходя из этих указаний, требовалось чуть ли не в одну ночь разработать для каждой части в отдельности конкретные задачи. Объем работы был очень большой, но никто не жаловался. Надо — значит, надо. Таков закон был у операторов, и не только у них. Нам пример в работе подавал сам начальник штаба бронетанковых и механизированных войск фронта полковник Н. А. Полевой. Это был довольно сухой, неразговорчивый человек, каждое слово, каждый шаг которого, казалось, были рассчитаны и заранее продуманы. И его манера передавалась подчиненным, ближайшим помощникам — начальнику разведки полковнику А. Коробейникову, начальнику связи подполковнику А. В. Кравченко, начальнику самоходной артиллерии полковнику П. П. Фарутину и другим. Небольшой коллектив штаба работал как хорошо отлаженный механизм.

Внезапность нанесения удара была одним из важнейших факторов успеха операции. Поэтому перегруппировка бронетанковых сил намечалась в сжатые сроки. Кроме того, сделать ее надо было совершенно скрытно. Это особенно касалось тех танковых частей, которые перебрасывались из района Гатчины к Сестрорецку, Белоострову через Ленинград.

На Карельский перешеек сосредоточивались основные силы бронетанковых войск фронта: 1, 30, 152-я танковые бригады, 46-й тяжелый, 27, 236 и 260-й танковые полки. Кроме того, здесь же были сосредоточены 394, 396, 397, 938, 952 и 1222-й самоходно-артиллерийские полки. Перегруппировка осуществлялась в основном по железной дороге и только ночью. Погрузка танков в эшелоны — дело нелегкое. Рамп не было, их надо было строить. Сосредоточивать много техники в местах погрузки тоже было нельзя. Танковые бригады и полки порой перебрасывались даже подразделениями. Кроме того, некоторые эшелоны

просто гонялись туда и обратно, чтобы ввести в заблуждение противника.

Все это вызывало большие трудности как в управлении частями и соединениями, так и в их материальном, техническом и медицинском обеспечении. Разбросанность частей и подразделений, отсутствие достаточного количества автотранспорта, заправочных и подвижных медицинских средств вынуждало организовывать пункты обслуживания в районах погрузки, выгрузки и на маршрутах движения танковых подразделений за счет средств фронта, централизованно. Из имевшихся трех (21, 23 и 27-я) ремонтных баз для технического обеспечения перегруппировки было задействовано до 90 процентов их сил и средств.

Все это в конечном счете обеспечило своевременное и скрытое сосредоточение бронетанковых войск. Противник уверовал в полное затишье на Карельском перешейке. Командование врага отдало даже приказ об увеличении отпусков с фронта для выполнения сельскохозяйственных работ.

Успешно было осуществлено и скрытое сосредоточение бронетанковой техники на исходные позиции перед началом боя. Наши ремонтные базы также отвечали за исправность и выход каждого танка в назначенный район.

И вот 9 и в ночь на 10 июня 1944 года мощные артиллерийские и авиационные удары Ленинградского фронта и Балтийского флота обрушились на противника. Тысячи снарядов и бомб точно накрыли оборонительные сооружения врага, его артиллерийские и минометные батареи, узлы дорог и железнодорожные станции, тылы и места сосредоточения живой силы и техники.

Ответный огонь противника 9 июня помог раскрыть систему его обороны. Решительное же наступление наших войск началось на следующий день после новой мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Первый же день наступления принес успех. Был прорван передний край противника, и, несмотря на упорное сопротивление врага, наши войска устремились вперед.

Однако, как и в любом бою, войска несли потери. Поэтому здесь же в боевых порядках наступающих шли эвакуаторы и ремонтники. Мне с небольшой группой было приказано произвести своего рода разведку района

для последующего развертывания эвакуационных и ремонтных средств, а также оказать помощь передовым частям 220-й танковой бригады. Танкисты участвовали в разведке боем. Без этого нельзя было в полной мере выявить огневую систему и минные поля противника. Помнится, в направлении Мусталово в разведке вместе с 1-м батальоном 62-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии участвовала рота танков под командованием старшего лейтенанта А. В. Попова. За ней шли два тягача моей технической группы, так как танковой бригаде своих эвакосредств недоставало. Находясь на первом тягаче с заместителем командира танкового батальона майором Н. М. Кубраковым, мы видели, как танкисты были встречены сильным фланговым огнем противника, который он вел из бронеколпаков. Они попали в огневой мешок, были отсечены от пехоты. Вперед тоже нельзя было продвинуться — за первой траншеей противника, куда ворвались танкисты, оказалось минное поле. Один за другим выходили из строя танки. Старший лейтенант Попов пытался во что бы то ни стало выполнить задачу, однако она оказалась очень трудной. Ночью нашей группе удалось оттащить два поврежденных танка и быстро их восстановить.

Утром мы перешли на левый фланг бригады, где в направлении Камешки действовали две танковые роты под командованием капитана М. Д. Кононова. В мое подчинение придали еще три тягача с задачей обеспечить эвакуацию в Старый Белоостров, где действовала группа танков в составе двенадцати машин под командованием лейтенанта В. А. Майстренко. Оба офицера были очень смельчаки. Прежде чем идти в бой, они по-пластунски добрались почти до самого переднего края противника, чтобы уточнить к нему подходы. Такая тщательная подготовка позволила танкистам захватить несколько «языков» и установить огневую систему противника. При этом потери составили всего лишь четыре танка. Эвакуаторы сержанты Лосик, Дмитренко и Павлов под вражеским огнем сумели оттащить боевые машины в тыл на ремонт.

Перед самым прорывом обороны противника танковые соединения и части, входившие в состав 21-й армии (31, 260 и 226-я тяжелые, 27-й и 185-й танковые и 1439-й самоходно-артиллерийский полки), в период артиллерийской подготовки завершили выход в назначенные исходные районы. А с переносом огня артиллерии в глубину на-

чался штурм переднего края обороны противника. Имея перед собой штурмовые отряды и группы разгруждения, танковые части совместно с пехотой в 8 часов 30 минут вслед за огневым валом пошли в атаку.

Приятно было сознавать, что до наступления все танки были исправными. И хотя ремонтники не принимают непосредственного участия в бою, но, занимаясь его обеспечением, они видели, как планы, разработанные в штабах, воплощались в жизнь. Видели своими глазами, продвигаясь за наступающими подразделениями.

Вот пошли штурмовые группы. Одну из них составляет взвод тяжелых танков ИС-2, другую — взвод средних танков Т-34 и двух самоходных установок. Впереди каждого танкового подразделения идут саперы. На удалении 300—400 метров следует еще одна группа. Все это в целом составляет штурмовой отряд. Его командир связан по радио с командирами штурмовых групп, руководит их действиями. Отдельные танки все же нарывались на мины, а остальные на полном ходу устремились вперед на вражеские позиции.

Поскольку появились первые подбитые танки, начались и наша работа. Ждать, пока утихнет бой либо передвинется в глубину, мы, разумеется, не имели права. Каждый из нас понимал свою задачу. Общая же организация технического и медицинского обеспечения танкистов была спланирована заранее и заключалась в следующем. Пункты наблюдения, технической и медицинской помощи, созданные из подразделений обеспечения, во главе с офицером (заместитель командира роты, батальона, полка по технической части) на тягачах или без них подходят к поврежденным танкам, не взирая на огонь противника, выполняют свои задачи.

Намеченный пункт сбора поврежденных машин, который было поручено организовать мне на этом направлении, по существу, представлял собой только что оставленное поле боя. Технические средства частей шли вслед за наступавшими и осуществляли главным образом текущий ремонт, не требующий много времени. А мои ремонтные силы и средства — три ремонтные летучки и два тягача — должны были подбирать на поле боя танки, нуждающиеся в более серьезном ремонте.

Уже беглый осмотр показал, что на небольшой площади — 500 м шириной и на глубину до 1000 м —

остановились 15 танков, из которых 12 требуют среднего ремонта ходовой части и двигателей, так как были подорваны на больших минных фугасах. Три танка, по существу, нуждались в заводском ремонте. С таким объемом работы нам, конечно, было не справиться. Поэтому я вызвал ремонтную базу фронта, которая была развернута в 10 км от поля боя, а сам со своими ремонтными летучками-тягачами начал двигаться вперед. Километров через пять встретились с эвакуаторами 152-й танковой бригады. Они понесли большие потери в ремонтниках и попросили помочь. Разобравшись в обстановке, понял, что здесь можно развернуться нашим средствам, так как поврежденных танков было немало. Одновременно я послал связного на ремонтную базу за подкреплением.

К вечеру работы развернулись полным ходом. К нам подъехал инженер-полковник Д. П. Карев. Он внимательно выслушал меня, познакомился с объемом ремонта и предложил обойтись имеющимися ремонтными средствами, так как, по его словам, на других направлениях потери были не меньше, хотя на всех направлениях наступление в основном развивается успешно. Всего введено в бой три подвижные танковые группы: ПГ № 1 — 152 тбр, 26 тп; ПГ № 2 — 1 тбр, 27 тп; ПГ № 3 — 30 тбр, 252 сап, 94 иптап.

Поврежденные танки продолжали поступать. Экипажи рассказывали о том, что боевые действия на всех участках носят исключительно упорный характер. В районах Манила и Хиреля было отбито шесть контратак противника, восемь — у опорного пункта Япшиля. И все же успех обозначился везде, а на отдельных участках войска продвинулись на 10—15 км.

На темпе наступления сказывалась местность. Путь танкам преграждали огромные валуны, надолбы, сосны, обойти которые было почти невозможно, да и обходы были заминированы. Впереди идущие наверняка знали, что если их танк не подобьют, так он подорвется, но тем самым проложит путь товарищу. Танковые подразделения в большинстве случаев шли колоннами, на значительном удалении друг от друга.

Это значительно усложняло работу нашей службы. Приходилось организовывать наблюдение чуть ли не за каждым танком в отдельности. Людей для этого, конечно, не хватало. О местах, где находились поврежденные танки,

мы узпавали самыми различными способами: от рапеных, членов экипажей поврежденных танков, медицинских работников. На наших пунктах наблюдения никого не оставалось: чтобы увидеть танки, надо было идти вперед.

Находясь на наблюдательном пункте 1-го батальона 220-й танковой бригады, я и сам убедился, что отсюда ничего не увидишь. Вместе с капитаном И. Д. Строгановым и его двумя эвакуаторами сержантами Громовым и Клименко мы пошли по танковому маршруту 2-й роты. Метров через 800 встретили поврежденный танк. На нем работал заместитель командира роты старший техник-лейтенант П. И. Дронов. От экипажа остался только радист. Механик-водитель и командир танка были тяжело ранены, лежали здесь же. Ротный санитар, сделав перевязку, пошел искать батальонный медпункт.

А бой продолжался. Мимо нас, обходя поврежденный танк, двигались вторые эшелоны. Им навстречу шли раненые. По этому единственному колонному пути пока нельзя было эвакуировать танки.

«Что же делать?» — задумался я, возвращаясь на свой пункт сбора поврежденных машин. По дороге мне встретился офицер из нашего отдела капитан Лукин. Он передал, что всех офицеров отдела собирает генерал Шестаков.

Оказывается, генерал В. И. Баранов, побывав на переднем крае и увидев сложившуюся обстановку, приказал Шестакову перераспределить ремонтно-эвакуационные средства по направлениям и максимально приблизить их к боевым частям. Поэтому Шестаков, заслушав наши краткие доклады, приказал двигаться со своими ремонтно-эвакуационными средствами непосредственно за частями, не эвакуировать поврежденные танки, а ремонтировать их там, где они находятся. Это в корне меняло обычную организацию эвакуации и ремонта, которая применялась нами на других участках фронта. И применительно к данной местности это решение было единственно правильным. Созданные подвижные ремонтно-эвакуационные группы (отряды) работали по направлениям (непосредственно в танковых частях).

Продвигаясь с наступающими, по существу в их боевых порядках, мы, ремонтники и эвакуаторы, были свидетелями мужества и героизма танкистов.

Командир взвода лейтенант Т. П. Авдеев с ремонтником сержантом А. И. Ивановым, который заменил погиб-

шего механика-водителя, смелым броском вывел танки к восточной окраине Каллелево и уточнил расположение противотанковых орудий противника и систему его заграждений. Затем, продолжая разведку, установил налипание противотанкового рва и минного поля. После этого вызвал огонь нашей артиллерии и стал его корректировать. Это обеспечило продвижение наших танков и пехоты. Противник, оставшийся на восточной окраине Каллелево, открыл огонь по танку Авдеева. Танк был подбит, члены экипажа ранены. Но данные о месте расположения противника и его силе Т. П. Авдеев сумел передать по радио командиру. И задача была выполнена — противник уничтожен.

В ходе боевых действий на правом берегу реки Сестра экипаж лейтенанта Авдеева снова отличился. Своим танком он прикрыл амбразуру дзота и пропустил вперед свою пехоту. Когда же открыл огонь второй дзот, Авдеев вышел из танка, подполз к дзоту и взорвал его связкой противотанковых гранат. Авдеев был снова ранен. Его подхватили эвакуаторы, которые тянули в укрытие его танк с перебитой гусеницей. Авдеев отказался покинуть поле боя. По его приказу экипаж танка вместе с эвакуаторами и ремонтниками сержантами Громовым и Дмитренко притащили гусеницу, натянули ее, и танк снова пошел в бой. Потом мы с радостью узнали, что правительство по достоинству оценило героические действия лейтенанта Т. П. Авдеева, присвоив ему звание Героя Советского Союза. Награждены были и члены его экипажа, а также эвакуаторы.

Героизм, мужество и отвагу проявили воины 46-го танкового полка под командованием подполковника П. В. Лапина. Впереди части действовала разведка во главе с командиром танкового взвода гвардии младшим лейтенантом К. В. Петровым. Противник поджег танк Петрова, однако экипаж сумел погасить огонь. Вскоре танк подорвался на мине. Младший лейтенант Петров вел огонь по противнику, а его экипаж тем временем вылез из танка через нижний люк и исправил повреждение. И танк снова пошел в бой. Вскоре он попал в ловушку-яму. Фашисты выскочили из-за укрытия, набросили на танк брезент, лишив таким образом экипаж наблюдения. К счастью, подоспели наши эвакуаторы старший сержант Грюнов и сержант Бойчук. Огнем из пулемета, установленного в тя-

тагаче, они разогнали противника. Воспользовавшись этим, механик-водитель старший сержант Б. Е. Пушкарев залез в яму и увидел, что танку мешают бревна, образующие препятствие. Под прикрытием тягачей Пушкарев заложил под бревна связку гранат. Взрывом разметало бревна, и Пушкарев вывел танк из западни. Однако загорелся брезент, остававшийся на танке. Младший лейтенант Петров открыл люк и, обжигая лицо и руки, на ходу стал сбрасывать горящий брезент. Тягач шел за танком, прикрывая его. Но Петрова настигла вражеская пуля. Командование танком взял на себя пулеметчик-радист М. П. Куценко. Он сумел уничтожить дзот и продержаться до подхода главных сил полка.

Несмотря на смелые и решительные действия советских воинов, темп наступления все же начал падать. Многие танки нуждались в дозаправке и пополнении боеприпасами. Это обстоятельство очень беспокоило генерала Баранова. Он приказал всем офицерам штаба, кроме оперативной группы, немедленно выехать на поле боя, уточнить обстановку и сделать все возможное, чтобы танки были обеспечены всем необходимым. Паузы в наступлении не будет. Командующий войсками фронта генерал армии Л. А. Говоров решил с ходу приступить к взламыванию обороны противника на приморском участке в направлении Мурила, Иоханнес, выйти в тыл линии Маннергейма на выборгском направлении.

В ночь на 18 июня танкисты сливали горючее, изымали боеприпасы из подбитых танков и доставляли все это к исправным машинам на руках, под огнем противника. Они выполнили свой долг, и утром 18 июня, когда начался прорыв, танкишли первыми на врага. 19 июня советские войска вышли в тыл линии Маннергейма. В этот же день она была прорвана на всем протяжении от побережья Финского залива до железной и шоссейной дорог Ленинград — Выборг.

Как потом выяснилось, новая полоса обороны противника в глубине перешейка была сильнее и непротивнее ранее известной линии Маннергейма. Однако и эта полоса обороны была прорвана. Войска 23-й и 21-й армий Ленинградского фронта и первая и вторая танковые группы на десятый день наступления приблизились к Выборгу, а 20 июня штурмом освободили город-крепость. В это же время третья подвижная танковая группа подошла к

Койвисто и овладела им. 21 июня перешли в наступление войска Карельского фронта. В тот же день был освобожден город Павелец, а 24 июня — столица Карело-Финской ССР Петрозаводск.

К концу июля танкисты вместе с войсками Ленинградского фронта вышли к советско-финской границе, и Финляндия прекратила военные действия.

Нам, штабникам, как говорится, не дали «почивать на лаврах». Командующий БТ и МВ генерал В. И. Барапов, прибывший с заседания Военного совета фронта, приказал штабу разработать план перегруппировки некоторых бронетанковых частей в обратном направлении — с Карельского перешейка под Кипгисепп и Нарву. Через сутки новая задача: рассчитать и высказать мнение по созданию подвижной танковой группы и ввода ее в прорыв. Тут уж было не до отдыха.

Мне довелось работать сначала в узком, а затем в широком кругу людей, разрабатывающих, организующих и осуществляющих перегруппировку танковых войск. Сначала все казалось простым и легким. Моя обязанность, как я представлял себе при получении задачи, состояла в том, чтобы наметить на карте все, что приказано, а затем вручить для исполнения тому или иному командиру. Так, по крайней мере, думал я, когда был вызван к начальнику штаба полковнику Н. А. Полевому вместе с другими офицерами для уточнения задачи.

Когда речь шла о сроках и направлении перегруппировки — все было ясно. Но вот поставлен вопрос о том, чтобы до конца перегруппировки все танковые части были доукомплектованы. А где взять танки? Еще не отремонтированы все те, которые были подбиты под Пулково, Пушкином, Гатчиной, Волосово, Рошшей и в других местах. Много осталось неотремонтированных танков в результате Выборгской операции. А ведь даже небольшой средний ремонт танка требует от одних до нескольких суток, и то лишь при наличии запасных частей. А где их взять в таком количестве? Кроме того, где взять столько ремонтных баз, чтобы одновременно ремонтировать все танки? Их нет. И не у начальника же штаба спрашивать, как выполнить такую задачу.

Я доложил обо всем заместителю командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта генералу Шестакову, только что прибывшему из частей. Он собрал весь инженерно-технический состав: эвакуаторов, ремонтников, снабженцев, чтобы изучить возможности, пайти верные решения. Ведь отремонтировать надо было ни много ни мало — 150 танков и самоходных установок. Срок — две недели. В первую очередь наметили: кому куда ехать, что делать, что выяснить.

Объезд танкоремонтных ленинградских заводов и полевых ремонтных баз позволил наметить план ремонта около 80 единиц. Но этого было мало. Снова обратились к ленинградским рабочим. И они выручили. На трех заводах были созданы десять ремонтных бригад, которым выделили необходимый инструмент и запасные части. Уже на вторые сутки они выехали в пункты сбора поврежденных машин. Круглосуточно работали полевые танкоремонтные базы. Широко развернулся ремонт (даже предпий) непосредственно в частях. Для ускорения ремонта из каждой части и запасного учебного танкового полка фронта были направлены экипажи, которые помогали ремонтировать танки.

Задание Военного совета фронта было выполнено в срок. Было отремонтировано даже не 150, а 170 танков.

С большими трудностями мы столкнулись при создании подвижной танковой группы (ПТГ). Предусматривалось, что все планирование боевых действий группы, перегруппировка ее и обеспечение будут идти через штаб бронетанковых и механизированных войск фронта. В соответствии с этим указанием было приказано разработать специальный план. Меня назначили заместителем командующего танковой группой по инженерно-танковой службе.

Это было несколько неожиданное для меня известие, но радостное. «Наконец-то снова боевое дело», — не без удовлетворения подумал я.

Однако радость была преждевременной. Назначенный командующим танковой группой генерал И. М. Хасин, собрав командование группы, потребовал разработать мероприятия по проверке состояния, укомплектования частей группы личным составом, материальной частью и запасами, а также провести рекогносцировку дороги от Нарвы на Гдов, Псков и по возможности далее, в обход Чудского

озера до Тарту, выяснить возможности сосредоточения по этой дороге танков и автомашин, так как по предварительным данным она находилась в непроезжем состоянии.

Одним словом, мне снова надо было браться за карты и расчеты, выезжать в войска, чтобы уточнить степень их обеспеченности. Очень быстро почувствовалась сложность обязанностей на новой должности. Если раньше, например, мне, как представителю штаба, приходилось уточнять, советовать, обещать доложить командованию, то теперь меня спрашивали конкретно: как быть, допустим, с танками, которые не имеют моторесурсов? Когда будет пополнение? Как обстоит дело с горючим, боеприпасами, транспортом для их подвоза? В общем, вопросы один другого сложнее. И их надо было решать самому.

Объехав части, я начал анализировать, думать, как и что нужно сделать, чтобы работа шла более целеустремленно, а главное, была выполнена в точно назначенные сроки и в соответствии с требованиями командующего. Связался с генералом Н. Н. Шестаковым, доложил ему свои сомнения и трудности, с которыми столкнулся в ходе работы. Он обещал подъехать и выделить в помощь офицеров. Действительно, через два часа после разговора они приехали в штаб группы. Дали мне, как говорится, линию, и к утру я закончил планирование.

Только сообщил частям, кому, что и сколько дается средств, как штаб запросил: в каком порядке будут следовать ремонтные части? Где и как будут пополняться запасы танкистами? Какие и где будут развернуты пункты технического обеспечения? Сколько маршрутов надо для колонн обеспечения? Эти вопросы были для меня новыми, и я пошел к начальнику штаба полковнику Н. В. Новикову, сказал, что не могу справиться с обязанностями, возложенными на меня, потому что многое не знаю.

Он улыбнулся и спокойно ответил:

— Вы думаете, что я все знаю. Давайте вместе подумаем. Вот смотрите, — показал он на карту, — здесь пойдут танковые части. Теперь прикиньте, как лучше организовать их техническое и материальное обеспечение.

Изучая карту, я узнал, откуда и куда пойдет каждая часть, в каких местах предусмотрены привалы, график прохода частей через перекрестки узлов дорог и многие другие ценные сведения.

По совету начальника штаба мною была сделана своя карта с расчетами по выдвижению, развертыванию ремонтных частей, указанием мест размещения тягачей, пунктов и способов дозаправки — где из бочек, где из цистерн. Получилось даже красиво — карта исчерчена цветными карандашами и сетками графиков.

Пришел на доклад к командующему группой генералу И. М. Хасину. Он внимательно просмотрел карту, расчеты, походил по комнате, а потом спросил:

— Вы, товарищ майор, в академии не учились?

У меня мелькнула мысль, что генералу, по всей вероятности, понравился мой доклад, и я подчеркнуто ответил:

— Никак нет!

— Вот так бывает часто за партой, молодой человек: красиво рисуется, да не всегда получается. Но там другое дело, а здесь, на фронте, эта красота шаблона не годится.

Последние слова генерала были подобны ушату холодной воды, которым меня окатили. Генерал, заметив мою растерянность, спокойным тоном начал разъяснять, в чем он увидел нереальность плана и расчетов.

— Во-первых, вы теперь отвечаете за организацию танкотехнического обеспечения группы в целом, а не за каждую часть. Поэтому ваш план танкотехнического обеспечения должен отражать главным образом то, чем вы сможете оказать помощь танковым войскам, что берете на себя, на свои ремонтные средства и что должны делать сами части. Во-вторых, я вот только что привез указания командующего, и в них есть вопросы, которые вас касаются. Вы, пожалуйста, ознакомьтесь с ними и внесите в свой план коррективы, к обеду доложите начальнику штаба, а затем мне. В-третьих, учтите при доработке плана, что ремонтные части и транспорт с запасами вслед за танками по колонным путям не пройдут. Я даже затрудняюсь сказать, пройдут ли везде танки, — выразил беспокойство генерал. — Что касается основной дороги на Кингисепп, то на отдельных участках она пришла в полную непригодность для движения автотранспорта. Свяжитесь через начальника штаба группы и уточните инженерные и дорожные части, которые могут вам помочь, — закончил генерал.

Так состоялось мое по-настоящему первое посвящение в заместители командующего подвижной танковой группой по инженерно-танковой службе.

Спасибо начальнику штаба ПТГ полковнику Н. В. Новикову. Он выделил мне несколько офицеров, попросил у Н. Н. Шестакова усиления, и работа вроде бы начала спориться.

Я быстро убедился, как важно найти каждому вопросу свое место, то есть разобраться с процессом подготовки и самой перегруппировкой, правильно распределить имеющиеся силы и использовать их, исходя из конкретной обстановки. Причем никого не подменяя, не опекая и максимально помогая делом там, где больше всего в этом нуждаются.

Не будем рассматривать общий замысел Таллинской операции в сентябре 1944 года и действия подвижной танковой группы. Об этом уже достаточно написано. Речь пойдет об отдельных деталях организации танкотехнического обеспечения ПТГ.

Группа создавалась из усиленных (1, 30 и 220-й) танковых бригад, отдельных (26, 86 и 221-й) танковых полков и двух (397-й гвардейский и 1294-й) полков самоходной артиллерии. Перед ней ставилась задача войти в прорыв с рубежа реки Аммэ с целью развития успеха 2-й ударной армии и овладения узлами шоссейных дорог в районе Торма, Мыра. В последующем надо захватить рубеж Авинурме, Симуна.

Подвижная танковая группа должна была сосредоточиться в районе Тарту, которым овладели войска 1-й ударной армии 3-го Прибалтийского фронта. Осуществить это было не так просто. Дороги от Нарвы через Сланцы и из Кингисеппа на Сланцы, Гдов, Псков и на Тарту, как об этом и предупреждал меня генерал Хасин, были совершенно разрушены. А ведь надо было переместить 599 танков и самоходно-артиллерийских установок, в том числе 319 танков и самоходно-артиллерийских установок из состава ПТГ и 280 танков и самоходно-артиллерийских установок из состава танковых частей 2-й ударной армии. К этому времени была восстановлена только одна железнодорожная ветка от Кингисеппа до станции Гдов. Поэтому перевозку войск по железной дороге приходилось производить кружным путем по линии: Нарва, Кингисепп, Гатчина, Луга, Псков. Однако и здесь возникали неразрешимые трудности, так как Псковский железнодорож-

ный узел был загружен оперативными перевозками 3-го Прибалтийского фронта.

Чтобы представить себе масштаб перегруппировки 2-й ударной армии и подвижной танковой группы, приведу такие данные: по полному бездорожью и по единственной железной дороге с крайне ограниченной пропускной способностью надо было за 10 дней перебросить на расстояние 300 километров три стрелковых корпуса со средствами усиления в составе одиннадцати артиллерийских и минометных бригад, четырех танковых бригад, шестнадцати отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков и одной зенитной артиллерийской дивизии.

Для прокладки дорог и маршрутов были переброшены 10 дорожных батальонов фронтового резерва. Оборудовали несколько переправ: одна в районе Гудская Речица специально для перевозки боеприпасов и три переправы в районе Пнево — для перевозки техники и путевого транспорта. Кроме того, были привлечены плавсредства 25-й отдельной бригады речных катеров.

Для стрелковых войск, легкой артиллерии, автотранспорта и снабженческих грузов штаб Ленинградского фронта установил два маршрута: первый — Нарва, Гдов, Залахтовье, Ремда и в район переправ — Пнево, Махикорма; второй — Нарва, Гдов, Залахтовье, Ялюк, Псков в обход Псковского озера. На маршрутах движения выставлялись офицерские посты регулирования.

К сожалению, график передвижения войск с самого начала не выдерживался. Если с 4 по 20 сентября через Теллое озеро (пролив, соединяющий Чудское и Псковское озера) было переправлено свыше 135 тыс. человек, 9100 автомашин, 2183 орудия и миномета, 13 200 лошадей, 6300 повозок, 8300 кухонь, 2830 т боеприпасов и 6700 т продовольствия, то танковая группа все еще была в пути. Шли в тяжелейших условиях бездорожья. Зачастую танки просто «тонули» в грязи. Тягачи работали без передышки, вытаскивая застрявшие боевые машины.

Колонны автотранспорта с запасами ПТГ по этим дорогам идти вообще не могли. Их пришлось направлять через Лугу, Псков, Виру. Это более 350 километров. Причем дороги тоже были в скверном состоянии. Но командование фронта решилось на такую глубокую рокировку

большого количества транспорта отчасти еще и для того, чтобы скрыть отвод сил с нарывского направления.

Основные силы танковой группы сосредоточились к 16—21 сентября. На ремонт и обслуживание танков после тяжелого марша требовалась по крайней мере неделя. А главное — не подошли еще запасы горючего. Фронтовой склад развернулся в районе железнодорожной станции Гдов, но в группе не было автотранспорта, чтобы подвезти горючее. Генерал И. М. Хасин приказал мне немедленно выехать в штаб БТ и МВ фронта и решить вопрос о доставке горючего.

По пути в штаб — а он размещался в лесу в районе Медведка под Сланцами — я решил заехать на склад горючего. Там оказалась колонна автомашин из фронтового автобатальона во главе с капитаном П. Д. Ивановым. В его распоряжении было 20 машин, в том числе 10 автодистерн. Мне удалось уговорить начальника склада и начальника колонны двигаться в район Тарту, а там связаться со штабом и решить: давать танковой группе горючее или нет. Офицер согласился с этим предложением, видимо, потому, что ему была тоже поставлена задача сосредоточиться в районе Тарту.

Поскольку моя задача была решена таким удачным образом, я решил на амфибии переплыть Теплое озеро, чтобы к вечеру прибыть к генералу Хасину. Отъехали от озера километров десять, и вдруг на дорогу вышла группа вооруженных немцев, человек тридцать. Все обросшие, грязные. Я вырвал из кобуры пистолет. Водитель резко затормозил, схватился за автомат. Но что это? От группы отделился рослый немец и, подняв руки, крикнул:

— Мы есть плен. Не стреляйт!

Я остался в нерешительности. Что делать? Помог случай. Из-за поворота показалась бронемашина, подошла к немцам и остановилась, нацелив на них пулемет. Они тотчас бросили под ноги оружие, подняли руки. Только тогда из бронемашины вышел лейтенант и вслед за ним солдат. Оказалось, лейтенант давно разыскивает эту группу, прятавшуюся в лесу. Когда наши автоматчики начали прочесывать лес, немцам пришлось выйти на дорогу и сдаться в плен. Война для них была окончена.

Лейтенант скомандовал немцам отойти в сторону от оружия, а затем ракетой дал сигнал своей группе, которая прочесывала лес.

Генерал Хасин выслушал мой доклад и приказал подождать автоколонну с горючим. Она не пришла и к вечеру. Не было ее и ночью. Надо было что-то предпринимать. Я выехал по направлению к Выре, откуда должна была подойти автоколонна. Отъехав километров двадцать от Тарту, увидел танки и автоцистерны. Танкисты сливали горючее в машины. Начальника колонны не было. Он уехал в штаб ПТГ, чтобы пожаловаться на самоуправство командира танковой бригады полковника А. Н. Ковалевского, который задержал колонну и распорядился дозаправить бригаду.

Позднее начальник автоколонны и полковник Ковалевский встретились у генерала Хасина. Один докладывал, что его колонну задержали и отобрали горючее, а другой — что танковая бригада к боевым действиям готова.

— Это как раз то, что надо, — сказал генерал и обратился к капитану Иванову: — Вы свою задачу выполнили. Благодарю вас, — и пожал ему руку.

На этом и закончилась «жалоба» капитана Иванова.

Генерал Хасин вызвал командиров танковых частей, уточнил задачу: быть готовыми к выдвижению вслед за наступающими войсками.

— Окончательный рубеж ввода в прорыв, — объявил генерал, — будет установлен в зависимости от обстановки.

Только собрались расходиться, как в дверях появился командующий БТ и МВ фронта генерал Бааранов. Виктор Ильич поздоровался со всеми за руку и попросил командиров частей и офицеров штаба группы задержаться. Затем предложил начальнику штаба группы доложить о расчете времени на выдвижение и ввод ПТГ в прорыв. Полковник Новиков повторил то, что мы уже слышали. Он показал на карте план выдвижения частей группы, рубежи регулирования, время прибытия на эти рубежи и порядок развертывания частей в предбоевые и боевые порядки при вводе в прорыв. Генерал Бааранов внимательно слушал, а когда закончил, обратился к командиру танковой бригады полковнику Ковалевскому.

Многие из нас знали, что генерал уважал этого волевого и умного офицера. Знали и о том, что генерал Бааранов тем не менее никогда не прощал ему даже малейших ошибок. А. Н. Ковалевский из-за этого даже побаивался Бааранова, но никогда ничего от него не скрывал, смело отстаивал свою точку зрения.

Так вот, генерал Бааранов спросил Ковалевского, как тот понял задачу, кто, где поддерживает бригаду огнем при вводе ее в прорыв, с кем он взаимодействует, какое решение он примет по выполнении поставленной задачи по рубежам с учетом сил противника.

Полковник, разложив карту, четко, без единого, как мне казалось, лишнего слова (однако самым подробным образом) ответил на вопросы.

Начал он с противника. Показал, где его основные силы, оценил его сильные и слабые стороны. Затем определил роль и место танковой бригады при вводе группы в прорыв и при выполнении последующей задачи. Наконец, изложил свое решение: направление и порядок сопровождения основных сил, порядок построения и выдвижения, рубежи развертывания и последовательность наращивания усилий в ходе боевых действий, организация взаимодействия со стрелковыми частями, управление.

Я слушал его, и мне, в то время человеку не достаточно было опытному в оперативных вопросах, казалось, что все правильно, логично и убедительно. Видно было, что и остальные офицеры с одобрением отнеслись к докладу полковника Ковалевского.

У генерала Бааранова оказалось мнение иное:

— Да... Плоховато, товарищ Ковалевский. Стандартно, по-казенному разработали замысел. Так ничего у нас с вами не получится. — И, обращаясь ко всем, спросил: — У вас тоже все так гладко идет?

Произошла какая-то заминка, гнетущая пауза. Ковалевский, раскрасневшись, стоял навытяжку и следил глазами за генералом Баарановым, который ходил по комнате и тоже молчал.

Генерал Хасин, присутствующий здесь, тоже почувствовал неловкость, встал. Наконец генерал Бааранов подошел к Ковалевскому, положил ему руку на плечо, предложил сесть. Затем, взглянув на часы и обращаясь ко всем присутствующим, сказал:

— Времени у нас маловато, но мы сделаем на пятнадцать — двадцать минут перерыв, пока штаб расставит столы, а затем попытаемся провести проигрыш ввода в прорыв частей танковой группы.

Командиры в душе, видимо, не совсем одобрили такое предложение, так как времени действительно оставалось

немного, а надо было еще добраться до своих частей и там, на месте, утрясать многие вопросы. Однако ровно через двадцать минут все они расположились за наспех составленными столами.

Нет нужды во всех подробностях, да и вряд ли это нужно, рассказывать о методике проведения занятий на картах — она хорошо известна офицерам штабов и командирам. Хочется отметить то новое, что приобрели на этих занятиях командиры.

Танковые части до сих пор действовали как средство поддержки стрелковых частей для совместного прорыва обороны противника и развития успеха. Только в Выборгской операции танковые части выступали в качестве армейских подвижных групп и действовали, как правило, самостоятельно во взаимодействии со стрелковыми частями. Поэтому командиры танковых частей хорошо уяснили порядок развертывания в предбоевые и боевые порядки для совместного с пехотой наступления.

На этот раз речь шла о вводе через боевые порядки пехоты в заранее подготовленный прорыв нескольких танковых частей в составе подвижной группы фронта и стремительном выходе ее на оперативный простор. Такой опыт имели некоторые фронты. Для Ленинградского же фронта это было ново, так как такого ввода большой массы танков здесь еще не осуществлялось.

По-новому стояли и задачи стрелковых и артиллерийских соединений и частей. Они должны были сначала обеспечить ввод в прорыв танковой группы, а затем, используя ее успех, решительно развивать общее наступление.

Все это генерал Баранов терпеливо доводил до сознания командиров частей, и каждый из них понял, что при организации боя своей части он обязан учитывать общий замысел боевых действий, особенно такой вид боевых действий, как ввод в прорыв танковой группы фронта.

Добрался В. И. Баранов и до вопросов обеспечения боевых действий танковой группы. Крепко попало разведчику за то, что не оценил возможные резервы противника, которые могут выдвинуться и нанести контрудар по флангам группы. Инженеру досталось за равномерное, без учета обстановки и задач, распределение инженерных

средств. Связисту — за то, что не продумал организацию связи в глубине, особенно с соседями и непосредственно с фронтом.

Мне пришлось расписаться в своем бессилии дообеспечить горючим и боеприпасами танковые части к концу дня, так как не имел от фронта данных о количестве запасов и времени их доставки. Своих же было явно не достаточно.

Заканчивая занятия, генерал Барапов приказал штабу разработать и доложить план рекогносцировки местности, куда предстояло выехать через час всем командирам. Она проводилась до поздней ночи. Каждый командир-танкист побывал на рубежах регулирования, встретился с командиром стрелкового соединения, в полосе которого должны выдвигаться танковые части.

В штабе БТ и МВ мне ничего определенного не сказали. Видимо, они сами ожидали генерала Барапова, чтобы получить от него указания и действовать в соответствии с ними.

К концу ночи возвратились офицеры с рекогносцировки. Пошли первые минуты памятного мне 17 сентября. Уточнив еще некоторые детали, генерал Барапов приказал немедленно разъехаться по частям и о готовности доложить к шести часам утра через командующего группой генерала Хасина.

Около пяти часов утра меня вызвал к телефону Н. Н. Шестаков и приказал к семи часам вечера организовать встречу в двадцати километрах от Тарту двух автоколонн: одна с запасами, другая — ремонтная база.

Весь день 17 сентября я использовал для того, чтобы уточнить состояние техники подходивших к Тарту частей.

С одним из первых я встретился с подполковником Юхновым, заместителем командира 1-й танковой бригады по техчасти. Он доложил мне, что из 80 танков в колоннах 50, 20 должны выгрузиться и 10 застряли в пути либо отстали из-за неисправности. Из ремонтных средств у него пока ничего не было. Автотранспорт, направленный по другому маршруту, задержался у Теплого озера и ожидает переправы. Горючее в танках на исходе. Личный состав устал. В общем картина была неутешительной.

Не лучше обстояло дело и в других частях. И те средст-
ства, которые мне обещал направить генерал Шестаков,
были, как говорят, капля в море. В самом деле, что зна-
чили одна 23-я ремонтная база, способная в сутки выпол-
нить 8—10 ремонтов, и 50 тонн горючего, то есть одна
заправка танкового полка! По моим подсчетам, требова-
лось как минимум 7—8 таких ремонтных баз и не менее
300 тонн горючего... Как хочешь, так и выкручивайся.

В первую очередь я занялся проблемой горючего. Бы-
ло решено перераспределить горючее, чтобы дозаправить
каждый танк до $\frac{3}{4}$ емкостей баков, то есть примерно на
сутки боя. Весь автотранспорт, прибывший в район Тар-
ту, разгрузить, свести в колонну, направить ее за горю-
чим в Гдов с таким расчетом, чтобы к утру она верну-
лась.

К утру 18 сентября эту сложную задачу в основном
удалось решить. Во всяком случае, из частей долесли, что
распоряжение по дозаправке танков выполнено.

Другая проблема — восстановление танков. На доро-
гах их осталось до ста штук. Это целая танковая бригада!

В группе таких ремонтных и эвакуационных средств
не было. Из-за отсутствия связи нельзя было повлиять
как-то на работу технического состава частей. Поэтому,
приехав в штаб группы, я снова связался с генералом
Шестаковым, доложил ему о трудностях, просил помочь.
Он ответил, что надо принять все меры к восстановлению
техники средствами частей, так как ремонтные базы
фронтова находятся еще где-то за Гдовом и Псковом.

Согласовав решение с генералом Хасиным, я выехал
с офицерами штаба в танковые части первого эшелона и
на местах с помощью экипажей «ставили на ход» танки.

Войска 2-й ударной армии к исходу 18 сентября про-
рвали оборону противника на 30-километровом участке
от озера Чудское до Кярина и, углубившись в его оборо-
ну на разных направлениях от 5 до 18 км, вышли на ру-
беж Варанья, Коса, Вазу, южный берег реки Аммэ.

Отсюда должна была вводиться в прорыв танковая
группа. Однако приказа не поступало. Вспомнил о заня-
тиях, проведенных генералом Барановым. И зачем, мне
казалось, он сосредоточивал наше внимание на этих ру-
бежах, если группа задерживается, стоит на месте? А 19 сентября нам сообщили, что командующий фронтом
уточнил свое решение о составе и рубеже ввода ПТГ. Те-

перь в нее входили две (220-я и 30-я) танковые бригады, 27-й гвардейский и 226-й танковые полки, 351-й самоходно-артиллерийский полк и другие части усиления с задачей сосредоточиться в районе Кукулина в готовности к началу боевых действий 21 сентября. Но случилось так, что группа на этом новом рубеже не была введена в прорыв.

Когда группа основными силами подошла к городу Тапа, обстановка говорила сама за себя — пора входить в прорыв! Командиры танковых соединений и частей доложили о прохождении нового и последнего рубежа регулирования. Штаб группы находился в крайнем напряжении, ожидая поступления команды. Все переживали, понимая, что это первый случай, когда вводится в прорыв такая мощная группировка танков на Ленинградском фронте. Правда, в поведении командования фронта улавливалась нерешительность. Не ясно было, где лучше всего войти в прорыв: из района Тапа или еще выждать, приблизиться к Реквере, а затем стремительно ворваться в Таллин. Дело в том, что противник, по существу, начал уже отход и, очевидно, на его плечах можно было достигнуть поставленной цели. Здесь, конечно, был определенный риск — запасов горючего и боеприпасов хватало лишь на одно крупное сражение. В случае если противник свяжет группу какими-то своими резервами и боевые действия придется вести несколько суток, то наступление может сорваться и гитлеровцы сумеют эвакуировать свои войска через Таллин.

В штабе группы мы прикидываем и так и эдак, а разрешения на ввод группы все не поступало. Это уже казалось странным и непонятным. Тогда мы не знали, что в это время в штабе фронта созрело уже новое решение. Силы подвижной танковой группы разделялись по армиям (2-я и 8-я). Первая подвижная танковая группа — для обеспечения действий 108-го корпуса 2-й ударной армии — в составе 1-й танковой бригады, 221-го отдельного танкового полка (командир подполковник В. Н. Ломов) и 397-го гвардейского самоходно-артиллерийского полка (командир подполковник А. М. Медведев). Возглавил группу командир 1-й отдельной танковой бригады полковник В. Л. Проценко. Вторая — для обеспечения развития наступления 30-го гвардейского корпуса — в составе 152-й танковой бригады, 26-го отдельного гвардейского танкового полка (командир подполковник С. Н. Саенко) и

1294-го самоходно-артиллерийского полка (командир подполковник М. М. Карташев). Возглавил группу командир 152-й танковой бригады полковник А. Н. Ковалевский.

Более поздний анализ обстановки показал, что новое решение было не самым целесообразным. Лучше было все же использовать подвижную группу, хотя и прибывшую с опозданием, для действий в западном направлении с задачей быстрейшего овладения узлами дорог Вильянди, Пярну, Лихула и Хайсану, чтобы не дать возможности врагу уйти к Риге и на острова.

По новому решению ПТГ фронта пришлось перестраиваться на ходу. Было, конечно, обидно, что столько вложили труда в создание фронтовой группы, а теперь надо было ее делить на две части.

С получением новой задачи общее руководство подвижной танковой группы фронта все же не распалось, ее штаб остался как передовой командный пункт для оказания помощи командующему БТ и МВ фронта в управлении и обеспечении теперь уже двух подвижных танковых групп.

В ночь на 21 сентября подвижная танковая группа под командованием полковника А. Н. Ковалевского была оперативно подчинена 8-й армии. До этого, 20 сентября, в 8-й армии были созданы свои две подвижные танковые группы: первая в составе 82-го танкового и 1222-го самоходно-артиллерийского полков и вторая — из 27-го отдельного танкового и 1811-го самоходно-артиллерийского полков. Обе группы получили задачу — к исходу 20 сентября овладеть городом Раквере и наступать на Таллин.

Наступление танковых групп в течение 20 и 21 сентября проходило успешно. Однако в частях все меньше и меньше оставалось танков. Преодолевая болотистую местность и не имея достаточно инженерно-саперных частей, много танков застревало в пути, другие задерживались и не могли одновременно принимать участие в боевых действиях. Боевые потери тоже были значительными.

Хотя противник еще 14 сентября перебросил свою танковую группу «Штрахвиц», чтобы задержать продвижение 3-го Прибалтийского фронта, все же в полосе наступления 2-й ударной и 8-й армий Ленинградского фронта у противника находилось большое количество танков и главное — артиллерии свыше 1800 стволов. И в ходе на-

ступления нашим танкистам приходилось вести ожесточенные бои.

Мне довелось быть в полку, которым командовал полковник С. Д. Чесноков. Это было под Таллином 20 сентября. В полку осталось всего лишь 10 танков. Конечно, и танкисты нанесли противнику громадный урон. Они уничтожили 16 вражеских танков и 17 орудий, более 20 противотанковых пушек, до 35 пулеметных точек, десятки машин, истребили сотни вражеских солдат и офицеров, освободили от оккупантов более 70 населенных пунктов.

Не меньшие потери понес противник и от других наших танковых частей. Но на дорогах вместе с разбитыми танками, артиллерией и другой техникой противника стояли и ждали нашей помощи и наши поврежденные танки.

В моем распоряжении были две ремонтные группы (по 5 человек в каждой) и группа из шести механиков-водителей для доставки танков в части. К сожалению, уже на следующий день от второй группы никого не осталось. Механики-водители не возвращались назад, а уходили в бой. Поэтому пришлось изменить порядок: после того как восстанавливались 5—10 танков, сообщали об этом в штаб бронетанковых войск, а оттуда незамедлительно присыпали экипажи из пополнения, которые и забирали танки.

Через сутки положение танковых частей оказалось критическим из-за недостатка горючего и снарядов. То, что выделил фронт, было израсходовано при выдвижении к Тапа и в течение первого дня боевых действий.

Положение все ухудшалось. Уже нечем было эвакуировать танки, некому их ремонтировать. Горючего и боеприпасов в бригадном и даже в полковом транспорте почти не было.

Генерал Хасин приказал разъехаться по частям и на месте за счет перераспределения запасов или изъятия их из поврежденных машин обеспечить танки всем необходимым. Надо сказать, что и в штабе офицеров осталось все меньше и меньше. Только за последние двое суток штаб потерял трех человек. Ведь наши офицеры ездили без охраны на мотоцикле или машине. Как правило, противник за штабистами охотится, устраивает засады, чтобы захватить в плен. Выделять же охрану для офицеров штаба не было возможности. Поэтому офицерам, особенно

по технической и других служб обеспечения, приходилось думать о самообороне.

В этот раз я направился на мотоцикле в 397-й самоходно-артиллерийский полк. Дважды за городом Тапа был обстрелян, но успел прокочить опасное место. В районе станции Лиле, недалеко от разрушенной дороги, нашел полк. В колонне насчитывалось 22 новеньких СУ-152. Полк был знаком еще по переправе через реку Луга у Кингисеппа, когда он своим ходом совершил марш из Красного Села. Помню, во время переправы самоходная установка СУ-152 № 11 сошла с pontона и затонула недалеко от берега. В ней находился только механик-водитель старший лейтенант Ф. П. Коноваленко. Выбравшись на берег, он рассказал, что, когда через открытый люк командира хлынула вода, выйти ему не удалось. Потоки воды сбивали с ног. А вот когда вода заполнила боевое отделение, он легко это сделал.

Я вспомнил аналогичный случай, который произошел со мной в 1943 году, и подумал, что если экипаж оказывается в подобной обстановке, то самое важное — это соблюдать спокойствие и знать, в какой момент можно покинуть танк, находящийся под водой.

В полку многие самоходные установки застряли на дороге. Командир полка подполковник А. М. Медведев сокрушался по поводу того, что случилось. Позорно, как об этом он сам сказал, засадить полк в трясину, когда впереди танкисты Ковалевского несли потери. Хотя и не вина Медведева, что так получилось. На то были объективные причины. Полковник Ковалевский ночью прорывался по дороге. Она оказалась заминированной. Потеряв несколько танков, он сошел с дороги и двинулся по целине. Танки Т-34 прошли хорошо, и полковник Ковалевский успешно выполнил поставленную задачу. Но командование знало, что ему надо помочь, и направило вслед полк подполковника Медведева. Оставил на дороге две подорвавшиеся на минах СУ-152, командир полка тоже пошел по целине. Однако СУ-152 тяжелее Т-34 в полтора раза. На полпути самоходки начали застrevать. А тут еще пришлось отражать нападение фашистского подразделения. Словом, полк стал. Пришлось потерять более пяти часов, чтобы вытащить боевые машины, и, конечно, горючего было израсходовано сверх всякой нормы.

Когда все мы вернулись в штаб и доложили генералу

Хасину обстановку, он принял решение весь технический состав и ремонтные средства распределить на новые группы с задачей в первую очередь вернуть в строй танки, имеющие небольшие повреждения.

Обо всем донесли и в штаб фронта. Но как они ни старались побыстрее обеспечить нас, запасы и ремонтные средства пришли лишь к утру следующего дня. Видимо, было бы правильней фронту взять на себя обеспечение ввода в прорыв танковых групп, а не распылять их силы и средства.

Конечно, эта оплошность могла привести к тяжелым последствиям, если бы не общий успех, наметившийся на направлениях действий танковых групп. Положение еще более улучшилось, когда начал действовать сформированный командиром эстонского корпуса генералом Л. А. Пэрном в районе Пудивера подвижный отряд в составе стрелкового полка, танкового и танко-самоходного полка. Этот отряд, совершив за одну ночь стокилометровый марш, сбил сильный заслон противника и вместе с танкистами подвижной группы полковника А. Н. Ковалевского устроился на Таллин.

Для освобождения Таллина командование 8-й армии все танковые части объединило в одну подвижную группу. В нее кроме бригады полковника А. Н. Ковалевского вошли 27-й тяжелый танковый полк майора М. С. Черных, 82-й танковый полк полковника Ф. Г. Грицева, 1222-й майора И. Б. Слуцкого и 1811-й подполковника А. А. Кузина, самоходно-артиллерийские полки и стрелковые подразделения 117-го корпуса и средства усиления. Наступление развивалось стремительно. Танкисты к утру 22 сентября подошли к Таллину.

Первой в город ворвалась 2-я рота 27-го отдельного танкового полка во главе со старшим лейтенантом Я. М. Лобовым. За мужество и храбрость ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 14 часов 22 сентября 1944 года Таллин был полностью очищен от войск противника.

Танкисты повернули на запад и юго-запад, действуя вместе с войсками 2-й ударной армии.

23 сентября были освобождены Пярну, Халисте и Вильянди. Войска 2-й ударной армии, наступая вдоль Рижского залива, к 16 часам 26 сентября достигли Стайцеля, Мазсалате и соединились с частями 3-го Прибал-

тийского фронта. И вместе пошли дальше, громя врага и освобождая ленинградскую и прибалтийскую землю от фашистских оккупантов. Рука об руку танкисты-ленинградцы и танкисты, прибывшие с других фронтов, дрались вместе, как родные братья.

Мне помнится день, когда под Таллином на уточнении задачи встретились командир танкового полка полковник С. Д. Чесноков с Большой земли и командиры танковых бригад полковники А. Н. Ковалевский, В. Л. Проценко, А. Н. Пашков и другие командиры, которые воевали на Ленинградском фронте. Полковник Чесноков в шутку сказал: «Примите в ленинградцы». В этой фразе содержался глубокий смысл. И полковник Чесноков, и многие другие солдаты и офицеры, прибывшие на Ленинградский фронт, считали для себя честью влиться в героическую, мужественную и стойкую семью фронтовиков-ленинградцев.

2 октября 1944 года во фронтовой газете был опубликован приказ командующего войсками Ленинградского фронта Маршала Советского Союза Л. А. Говорова: «Победоносный путь 2-й ударной армии на Ленинградском фронте отмечен блестящими успехами, а боевые Знамена ее частей овеяны вечной славой. Ленинград и Советская Эстония всегда будут свято хранить в своей памяти боевые заслуги доблестной 2-й ударной армии и ее геройских воинов — верных сынов отечества».

Конечно, мы, танкисты, тоже были причастны к этой победе.

Еще продолжались бои по освобождению Моонзундского архипелага. Вместе с войсками в этой операции успешно действовали подвижные танковые группы полковников А. Н. Ковалевского и В. Л. Проценко.

Это были уже заключительные удары войск и танкистов Ленинградского фронта, навсегда освободившие колыбель революции от угрозы фашистского порабощения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава I. Боевое крещение	3
Самый долгий день. — Едем на фронт. — Первый бой и первый трофей. — На перекрестке. — Снова в родном батальоне. — Встреча с «кукушкой». — «Танки закопать!» — Офицер связи.	21
Глава II. Враг остановлен	21
Немного истории. — Неудачная поездка. — Под Красным Селом. — И мы можем наступать! — Подвиг генерала Лавриновича. — В кольце блокады. — Командировка на завод. — Дядя Вася — «профессор сварки». — Экранировка легких танков.	44
Глава III. У Невской Дубровки	44
Трудный марш. — Бои за плацдарм. — Невский пятак. — 118-й отдельный танковый батальон. — Дерзкие вылазки. — Герои и подвиги. — Памятная переправа.	60
Глава IV. Плечом к плечу	60
Непредвиденное осложнение. — Заводская планерка. — На металлическом. — Бригада Ирины Булыгиной. — Командиры производства. — Все для фронта! — Рабочее место — передний край. — Испытание... водой.	82
Глава V. Блокада прорвана	82
Бои местного значения. — Новый командир. — Скрытая подготовка. — Штурм ледяной горы. — Прорыв блокады. — Стойкость и мужество. — Раненых отправляют на Большую землю. — Возвращение в Ленинград.	107
Глава VI. В штабе фронта	107
Неожиданное назначение. — Мои наставники и сослуживцы. — На синявинском направлении. — Танки снова идут в бой. — Проблемы ремонта. — На Военном совете фронта. — Вызов в столицу. — Сутки в родном доме.	133
Глава VII. Разгром	133
Всесторонняя проверка. — Мальчик из Сиверской. — Смелость города берет. — Подвиг комбрига. — Блокада снята полностью. — Партийное собрание. — Прием танков Волховского фронта. — Начальник и его помощники. — Прирученные «тигры». — Фронтовые будни.	163
Глава VIII. В боевых порядках	163
По старой дороге. — Разработка плана. — Выборгская операция. — Доблесть танкистов. — Вслед за наступающими. — Рождение подвижной танковой группы. — Просчеты в расчетах. — По бездорожью. — Где взять горючее? — Снова вперед.	

*Иван Макарович Голушки
ТАНКИ ОЖИВАЛИ ВНОВЬ*

Редактор Е. С. Дьяченко
Художник Н. А. Васильев
Художественный редактор В. В. Васильев
Технический редактор М. В. Федорова
Корректор О. В. Курдаева

Г-30438.

Сдано в набор 18.7.73 г.

Подписано к печати 26.11.73 г.

Формат бумаги 84×108^{1/8}.

Печ. л. 6, усл. печ. л. 10,080 + 1 накидка, 1 вкладка —

= 7¹/₈ печ. л., 1,05 усл. печ. л. У. и.-изд. №. 11,377

Типографская бумага № 1

Тираж 65 000 экз.

Изд. № 3/5754.

Цена 67 коп. Зак. 590

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6,
проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 67 коп.

И. М. ГОЛУШКО

ВОЕННЫЕ
ВМ
МЕМУАРЫ

ТАНКИ
ОЖИВАЛИ ВНОВЬ

